

бения человека и коня каменной или деревянной стенкой. То же самое, с ее точки зрения, наблюдается в раскопках М. П. Грязнова памятников одицовского этапа верхнеобской культуры на Алтае и Л. П. Потапова в Туве. «Таким образом, — заключает Е. М. Берс, — по обряду захоронения, наше погребение находит косвенные аналогии с другими памятниками древних тюрков VI–VIII вв. н. э.»

Аналогии найденным вещам также, по ее мнению, относятся к «поздним кочевникам VI–VIII вв. н. э.». В частности, подобные бичикту-бомской костяные пряжки встречались в памятниках верхнеобской культуры II–VIII вв. из раскопок М. П. Грязнова, в курганах кочевников у Саркела, из раскопок С. А. Плетневой в могилах у пос. Синеглазово в Челябинской области. Аналогичные пряжки встречаются на каменных изваяниях Алтая и Тувы, описанных Л. А. Евтюховой.

Второй пряжке точных аналогий не нашлось, но Е. М. Берс считает, что подобные формы, изготовленные из металла, встречаются в памятниках Южной Сибири I тыс. н. э.

Височные кольца, по мнению Е. М. Берс, бытовали в андроновской культуры до IX в. н. э., когда они сменяются серьгами с бусинкой на стерженьке. Подвески из ляпис-лазури находят аналогии в курганах Басандайки X–XI вв. и Саркела X–XII вв. В Саркеле найдены аналогичные бичикту-бомским бусы из халцедона, ляпис-лазури и перламутра. Однако Е. М. Берс считает, что это не дает оснований «продлевать дату нашего погребения до начала II тыс. н. э., поскольку встречающийся на них «кружковый орнамент» известен на Алтае с середины I тыс. н. э., а на других памятниках Западной Сибири и Урала со второй половины I тыс. н. э. Бипирамидальные бусы из халцедона и сердолика распространены на Северном Кавказе, в Средней Азии, Индии, где они датируются VI–VIII в. н. э.

Помимо обычных подвесок из перламутра, Е. М. Берс указывает на «стилизованную фигурку южносибирского и алтайского типа». «Такие фигурки из металла, как отголосок гуннского времени на Алтае, встречаются в раскопках Евтюховой Л. А. на среднем Енисее, а перламутровые фигурки — в Туве у Потапова».

Мелкие бусы из стекла, пасты, нашитые на головном уборе, находят аналогии в памятниках Алтая, Тувы, где они датируются V–IX вв. н. э. Дольчатые бусы известны из памятников до IX в., в частности, из раскопок Т. Н. Троицкой в окрестностях Новосибирска, в курганах середины I тыс. н. э.

«Таким образом, — заключает Е. М. Берс, — несмотря на то, что наше погребение не имеет прямых аналогий с другими аналогами Сибири и Алтая, по вещам, оно довольно хорошо датируется VIII в. н. э.» [9].

Думается, для своего времени это был довольно скрупулезный анализ, соответствующий современному уровню представлений о хронологии средневековых памятников Южной Сибири. Напомним, что еще не была опубликована классификация средневековых могил Алтая, проведенная на основе анализа могильника Кудыргэ А. А. Гавриловой [10], не изданы классификации древнетюркских комплексов Тувы С. И. Вайнштейном [11] и Л. Р. Кызласовым [12]. Близкое Бичикту-Бом погребение Хушот-Худжиртэ было отнесено Л. А. Евтюховой к IX в. н. э. [13]. Более того, некоторые наблюдения Е. М. Берс, например оценка обряда захоронения с частью коня, намного опередили представления археологов 60-х годов. Важно подчеркнуть, что подобный обряд погребения по обряду труположения с частью (шкурой) коня, действительно,

получает широкое распространение в Центральной Азии и Саяно-Алтае с VIII в. н. э. [14].

Однако детали погребальной обрядности и облик инвентаря не позволяют согласиться с датировкой, предложенной Е. М. Берс. Уточнение хронологии погребения затрудняется плохой сохранностью железных вещей, прежде всего, деталей сбруи. В настоящее время трудно сказать что-либо определенное о форме стремян и удила, сохранившихся в незначительных обломках. Ясно только, что у стремени была довольно широкая подножка. В то же время в могиле, на уровне захоронения головы и ног коня, обнаружены, помимо сильно коррозированных удила, многочисленные железные накладки. Они сильно корродированы, но сохранились целиком. Однако и в таком виде они напоминают длинные узкие накладки, крепившиеся к седельным и уздечным ремням с помощью шпеньков (рис. 2). Эти предметы относятся ко времени не ранее первой половины II тыс. н. э. [15]. Хронологический диапазон бытования роговых пряжек, аналогичных бичикту-бомской, значительно шире, чем представлялось Е. М. Берс. В настоящее время очевидно, что они продолжали употребляться в Южной Сибири вплоть до середины II тыс. н. э. (рис. 3). Массивные височные кольца, как справедливо отмечала Е. М. Берс, бытуют очень длительное время. Однако период их распространения не ограничивается IX в. н. э. Они встречаются и в памятниках начала II тыс. н. э. на очень широкой территории от Восточной Европы [17] до Дальнего Востока [18]. То же самое относится к биконическим бусам из халцедона, которые продолжали употребляться в монгольское время. Наиболее характерными вещами в наборе украшений из погребения Бичикту-Бом являются подвески из ляпис-лазури и перламутра (рис. 4). Как справедливо отмечала сама Е. М. Берс, наиболее точную аналогию им составляют подвески из могильника Саркела-Белой Вежи [19]. В могилах, относящих к X–XII вв. н. э., найдены подвески, близкие по конфигурации и орнаментации. В некоторых могилах они встречаются в сходных наборах украшений, включающих серебряные височные кольца, ожерелья из биконических бус с перламутровыми и ляпис-лазуревыми подвесками, ожерелья из двойчатых бус. Наличие геометрического циркульного орнамента характерно и для украшений первой половины II тыс. н. э. Характерно, что на могильнике Саркела зафиксирован сходный обряд захоронения со шкурой коня [20].

Распшитый бисером головной убор встречается в женских погребениях монгольского времени на Алтае [21].

Исходя из приведенных аналогий, предложенную ранее датировку погребения из Бичикту-Бом необходимо изменить. Памятник должен датироваться первой половиной II тыс. н. э. В это время на территории Забайкалья, Монголии, Минусы встречаются погребения со шкурой коня, оставленные потомками тюркоязычного населения, входившего в I тыс. н. э. в состав Уйгурского каганата. В IX в. н. э., после разгрома уйгуров кыргызами, часть уйгурского населения, опасаясь уничтожения, покинула центральноазиатские степи, расселившись в западном, южном и восточном направлениях, часть была переселена кыргызами в Минусу. Это население продолжало сохранять черты этнического своеобразия в течение первой половины II тыс. н. э. Погребения со шкурой коня XI–XII вв. н. э. исследованы на территории Минусинской котловины [22]. Для них характерно захоронение под кольцевыми каменными насыпями, в ямах, иногда с подбоями, отделенных каменными плитами от шкуры коня. Со шкурой помещалась сбруя, с погребенными — оружие, украшения, бытовые инструменты.

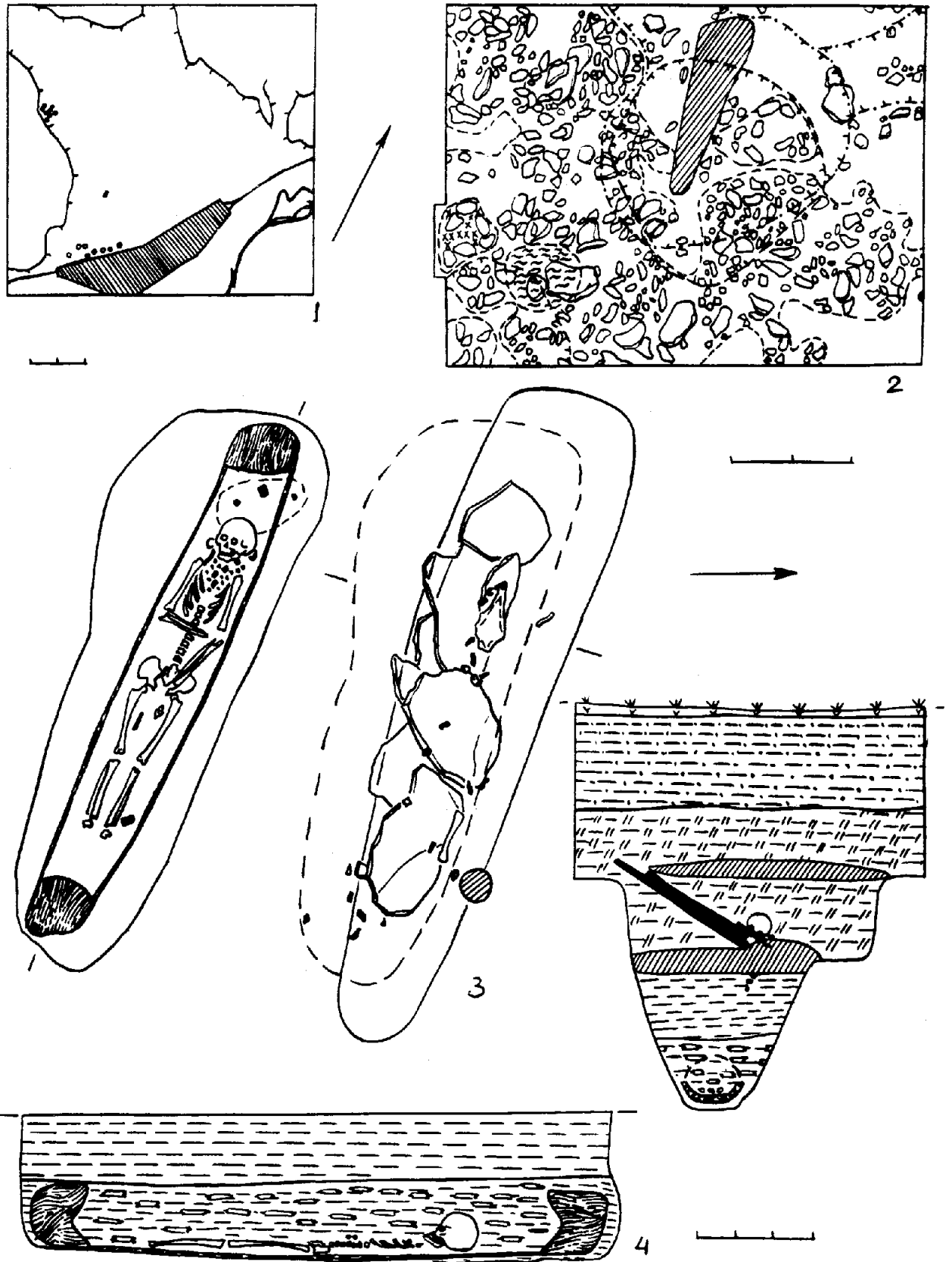

Рис. 1. 1 - план памятников у с. Бичикту-Бом; 2 - Бичикту-Бом. План раскопа № 3; 3 - раскоп № 3. Погребение. Верхняя часть могильной ямы с разделительной стенкой, черепом и костями коня; 4 - погребение в колоде

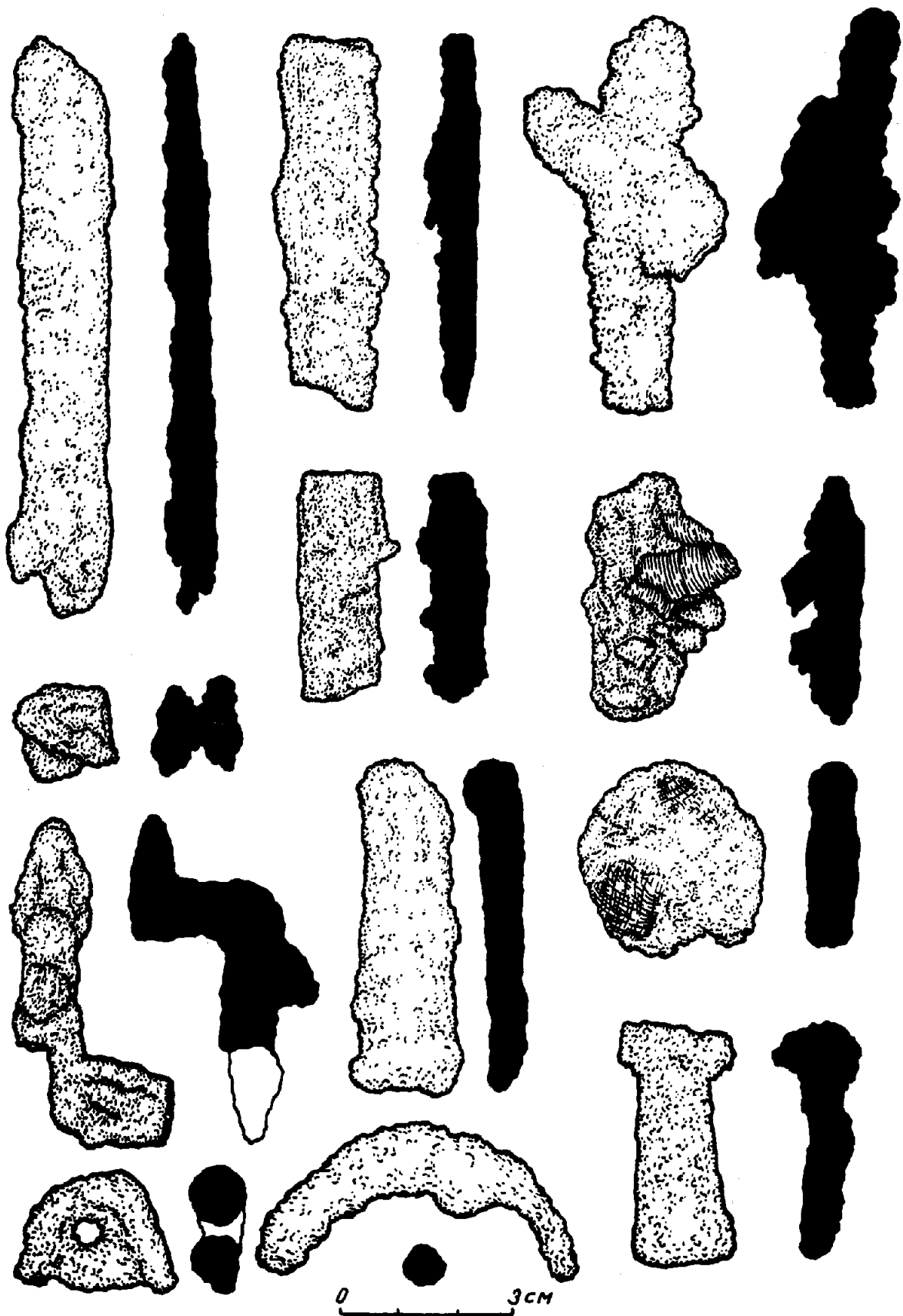

Рис. 2. Бичикту-Бом. Раскоп № 3. Погребение. Предметы из железа

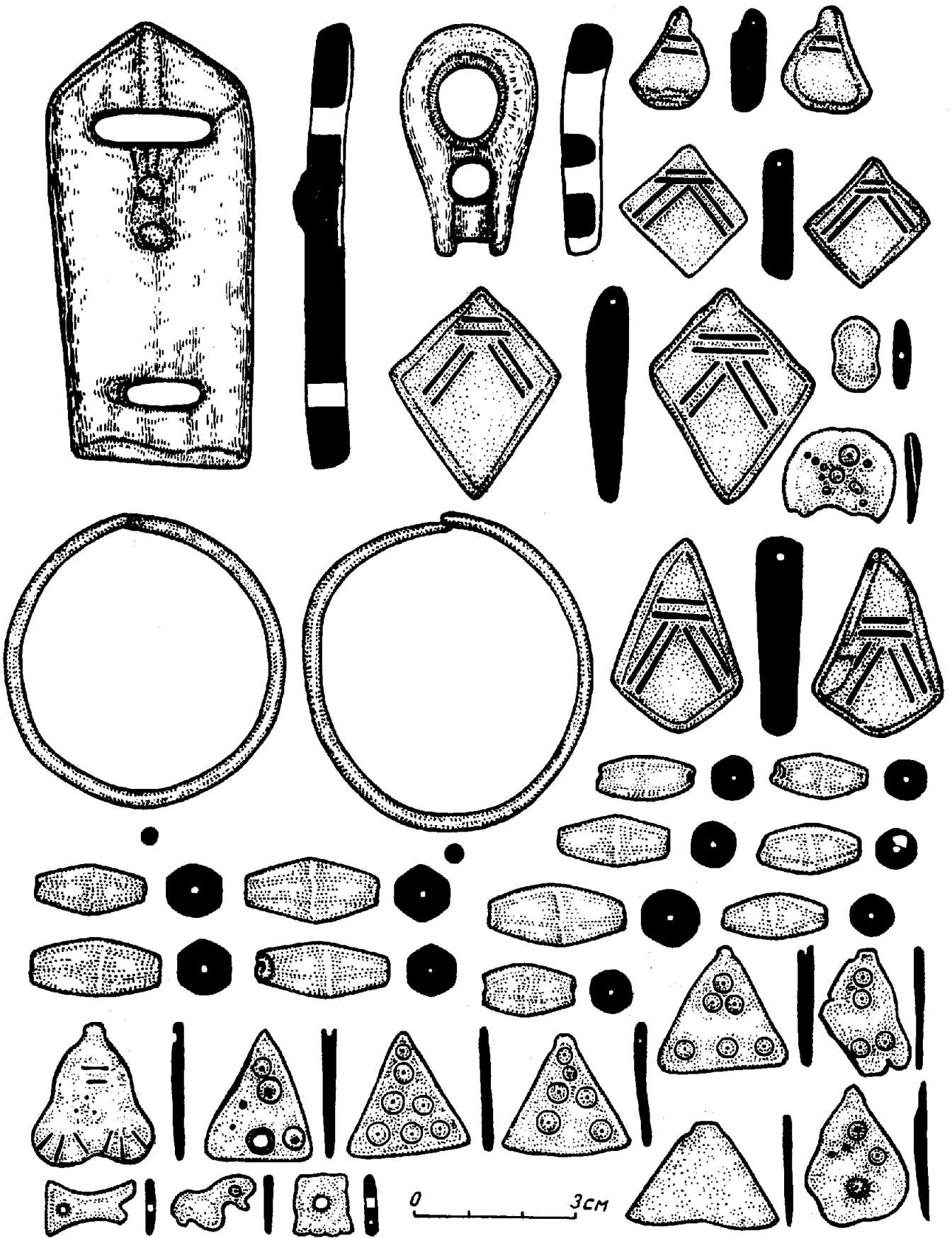

Рис. 3. Бичикту-Бом. Раскоп № 3. Погребение. Роговые пряжки. Украшения

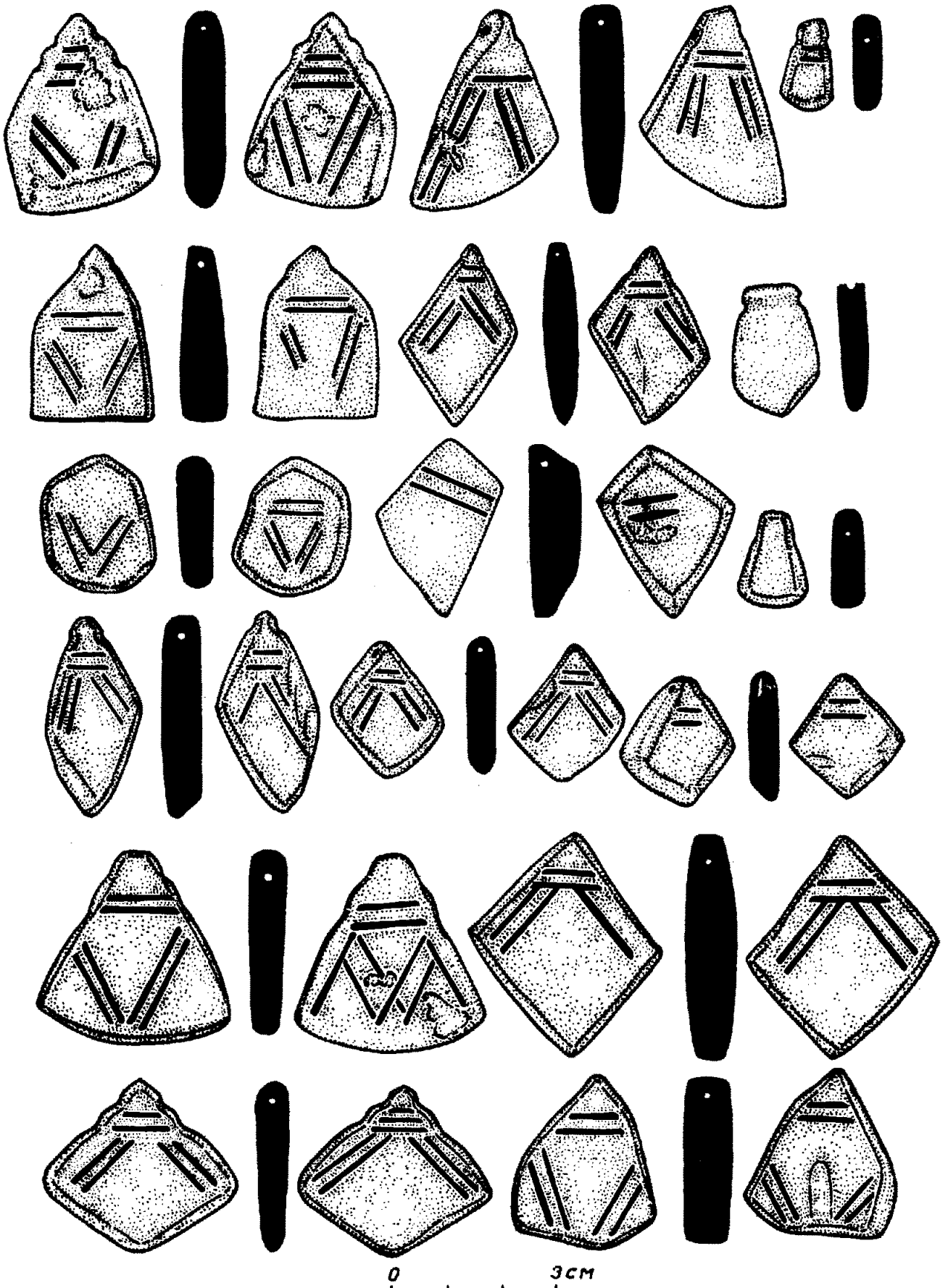

Рис. 4. Бичыкту-Бом. Раскоп № 3. Погребение. Украшение

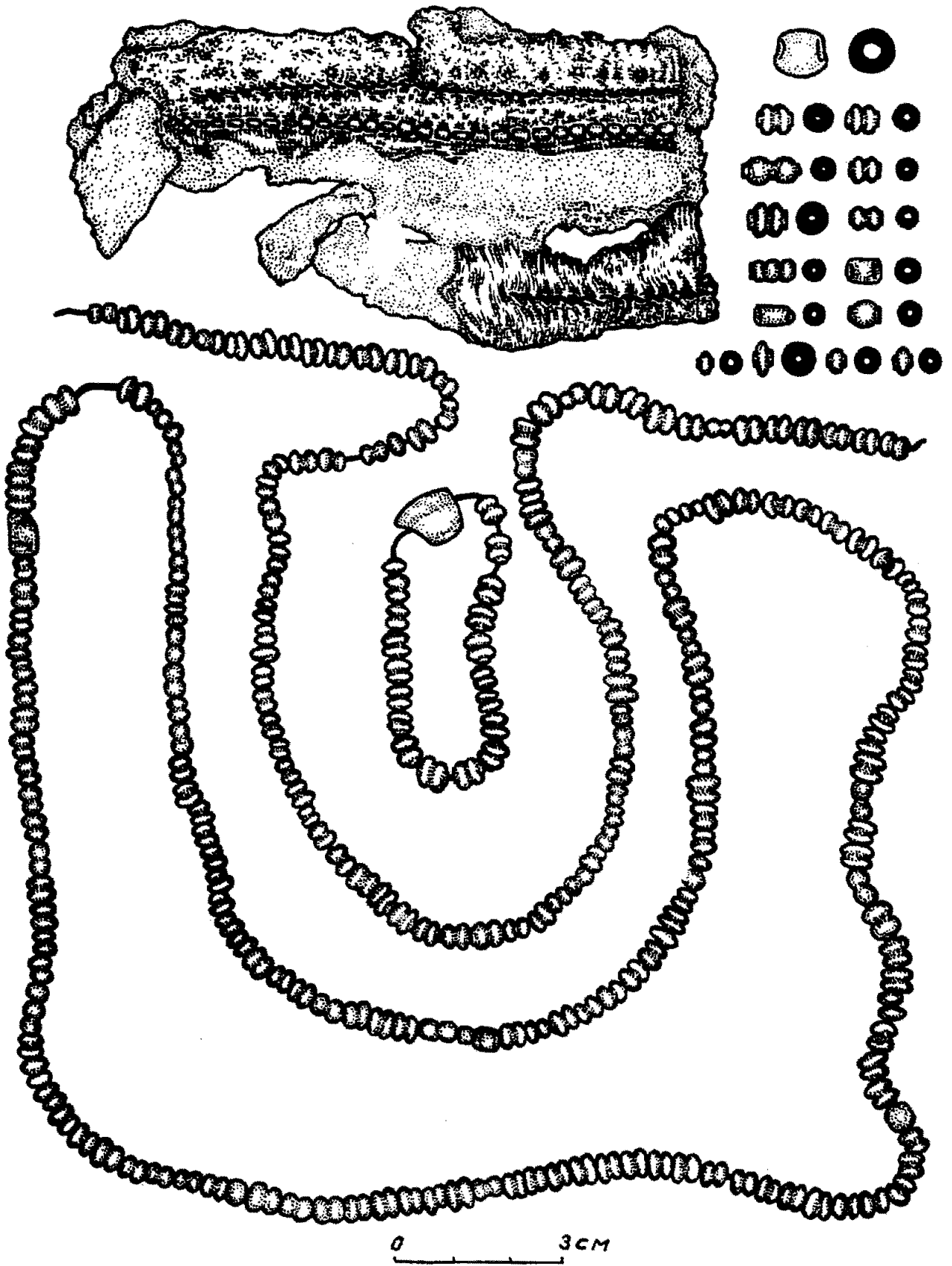

Рис. 5. Бичикту-Бом. Раскоп № 3. Погребение. Украшение

В Забайкалье и Монголии обнаружены погребения со шкурой коня XIII-XIV вв. н. э. Погребения совершались под кольцевыми каменными насыпями, в дощатых гробах, отделенных перегородкой из колев от шкуры коня. С человеком помещались лук и стрелы, украшения; со шкурой — седло и узда.

Погребение на Бичикту-Бом отличается от минусинских и монголо-забайкальских значительным своеобразием. Вполне вероятно, что оно было безурганным. Яма со шкурой коня размещена значительно выше подбоя. В могиле находилась только голова и одна нога, т. е. часть шкуры лошади. Погребение человека совершено в колоде. В составе инвентаря преобладают украшения, аналоги которым находятся в памятниках Западной Сибири и Восточной Европы. В то же время это захоронение имеет черты сходства с минусинскими и забайкальскими погребениями со шкурой коня в подбоях или гробах, у которых части лошади помещались выше могилы человека. Представляется, что погребение из Бичикту-Бом может быть включено в круг «позднеуйгурских» памятников юга Сибири и Центральной Азии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Убрятова Е. И. Древнетюркская руническая надпись на Бичикту-Боме//Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 158.
2. Берс В. М. Из раскопок в Горном Алтае у устья р. Куом//Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. Рис. 4.
3. Сперанский А. Л. Новые находки в Горном Алтае//Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 167-173.
4. Берс Е. М. Разведочные раскопки у деревни Бичикту-Бом (рунопись)//Архив ИИФФ СО АН СССР. - д. № 14.
5. Сперанский А. Л. Новые находки... С. 170.

6. Берс Е. М. Разведочные раскопки у деревни Бичикту-Бом...
7. Сперанский А. Л. Новые находки... С. 170.
8. Берс Е. М. Разведочные раскопки у деревни Бичикту-Бом. 9. Там же.
10. Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л.: Наука, 1965.
11. Вайнштейн С. И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры//Советская этнография. 1966. № 3. С. 60-81.
12. Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.
13. Евтюхова Л. А. О племенах Центральной Монголии в IX в.// Советская археология. 1957. №2. С. 217-220.
14. Худяков Ю. С. Уйгуры на среднем Енисее//Известия СО АН СССР. Серия история, филология и философия. 1985. № 14. Вып. 3 С. 55-59.
15. Худяков Ю. С. Кыргызы на Табате. Новосибирск: Наука, 1982. С. 124-132.
16. Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ... С. 74.
17. Артамонова О. А. Могильник Саркела-Белой Вежи//Труды Волго-Донской археологической экспедиции. М.-Л., 1983. Т. III. С. 55, 61.
18. Медведев В. В. Приамурье в конце I-начале II тысячелетия. Новосибирск: Наука, 1986. С. 130.
19. Артамонова А. О. Могильник Саркела... С. 63, 66.
20. Там же. С. 105.
21. Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ... С. 47.
22. Худяков Ю. С. Типология и хронология средневековых памятников Табата//Урало-Алтайстика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск, 1985. С. 96.
23. Евтюхова Л. А. О племенах... С. 217-220; Ковычев Е. В., Беломестнов Г. И. Погребения с конем из Пооньня: хронология и этническая принадлежность//Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье. Улан-Удэ, 1988. С. 142-154.

А. С. Суразаков

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ПАЗЫРЫКЦЕВ

Каждый археолог совершенно ясно осознает ту информативную ценность, которую заключает в себе погребальный обряд для изучения различных сторон жизнедеятельности древнего общества. Обладая порой ярко выраженными этно- и социодифференцирующими признаками, он дает возможность исследовать проблемы этногенеза и социальной структуры древних племен, не говоря уже о целых блоках идеологических представлений, а также отдельных элементах хозяйства и быта, материальной культуры и многого другого.

В то же время каждому археологу ясно и то обстоятельство, что в отличие от этнографа, имеющего зачастую возможность наблюдать погребальный ритуал непосредственно в жизни, т. е. как основанную на определенной мировоззренческой концепции и закреплённую в традиции систему ритуальных действий живых по отношению к усопшему, он имеет дело с материализованным в археологическом памятнике результатом этой деятельности. По результатам неполным, а под сложившимся воздействием определенных факторов, порой и существенно искаженным [2, с. 54-68].

Кроме того, анализ погребального обряда осуществляется всегда по существенным, характерным

признакам при отвлечении от единичных, а оттого второстепенных. Однако выделить существенное можно лишь представляя, хотя бы в самых общих чертах, изучаемое явление как функциональную систему, в тесной взаимосвязи составляющих ее структурных элементов. Не зная этого, за существенное можно принять второстепенное, а порой и вторичное, образованное, к примеру, в результате деформации археологических памятников.

Иными словами, прежде чем анализировать погребальный обряд по поводу извлечения той или иной информации для изучения различных сторон прошлой жизни, его нужно реконструировать, т. е. попытаться представить те действия людей, которые совершались по отношению к усопшему, а через эти действия и те представления, которые побуждали человека к этим действиям.

Целью данной статьи является попытка в самых, конечно, общих чертах реконструировать погребальный обряд основного социального слоя пазырыкцев, т. е. рядовых общинников с позиций выявления совершавшихся когда-то действий, не углубляясь в основном в связанные с этими действиями идеологические представления.

Наиболее характерные черты пазырыкских погребальных сооружений уже не раз привлекали внимание различных исследователей [5; 6; 7; 8; 9; 10 и т. д.]. Последнее избавляет от необходимости вновь перечислять их в предлагаемой статье, поэтому перейдем сразу к рассуждениям реконструктивного плана.

Начнем с общего, т. е. расположения и внутренней планировки могильников. Как показали раскопки, а также разведочные работы, располагаются они в низинных более или менее обширных долинах, находящихся преимущественно в районах с малоснежными зимами. Вблизи них обычно протекает река, а по склонам гор и в поймах рек имеется необходимый как топливо и строительный материал лес, т. е., учитывая основное направление экономики пазырыкцев как скотоводческое с сезонным передвижением по крайней мере части населения со скотом по системе строго определенных в зависимости от времени года пастбищ, можно предположить, что могильники их устраивались вблизи зимников, т. е. в местах, удобных как для зимовки самого населения, так и для зимнего выпаса скота при содержании его преимущественно на подножном корму круглый год.

Во многих случаях могильники состоят из одной или нескольких небольших в количественном отношении цепочек курганов, вытянувшихся в общем направлении с севера на юг. Уже сама группировка курганов в пределах общего могильного поля в отдельно стоящие друг от друга компактные цепочки говорит о том, что в них погребены ближайшие родственники, т. е. сооружались эти группы-цепочки отдельными семьями. Кроме приведенного соображения, в пользу сделанного вывода говорит и одновременность захоронений, а также их однокультурность как по набору и формам содержащегося в них инвентаря, так и по единообразию фиксируемых в них черт погребального обряда.

Любопытны в данном случае наблюдения, проведенные автором в 1983 г. во время разведочных работ в бассейне р. Джазатор (после слияния с р. Акахала образующий р. Аргут). Разведочный маршрут проходил от высокогорного плато, с которого стекает река, вплоть до расположенного у ее слияния с р. Акалахой с. Джазатор (Беляши). На этом участке длиной в несколько десятков километров вдоль реки тянется система небольших долин, отгороженных друг от друга труднопроходимыми бочагами-перевалами. Почти в каждой долине обнаружено от одной до нескольких цепочек курганов эпохи раннего железа. Рядом с этими цепочками обычно располагается по нескольку каменных оград более позднего древнетюркского времени. Невдалеке от этих древних могильников в ряде случаев зафиксированы также немногочисленные по своему количественному составу захоронения этнографической давности.

В настоящее время все население этого района живет в с. Джазатор. Основное направление экономики села — скотоводство. Скот поделен на отдельные стада и пасут его отдельные семьи, состоящие из родителей и их детей. Такая семья может включать представителей старшего поколения по линии мужа и жены, а дети родителей могут быть женатыми и также иметь своих малолетних детей. Важно здесь то, что стадо пасет отдельная, хотя и варьирующаяся по своему количественному составу, семья. Каждая такая семья занимает удобную для жизни долину вдоль реки, живет в одной-двух войлочных юртах, а юрты стоят рядом с древними

и этнографической давности могильниками. В настоящее время чабанские семьи со своим скотом распределяются по описанной системе долин весной, чтобы начать движение по сезонным, т. е. летне-осенним пастбищам. Однако, по словам представителей старшего поколения, раньше здесь жили постоянно, иными словами, зимовали. Свидетельствуют об этом и расположенные в этих местах этнографические могильники. В общем, из приведенных данных можно сделать важный в связи с разбираемой темой вывод: в разные исторические эпохи, независимо от этнического состава, но при одинаковой экономической базе распределение населения вдоль р. Джазатор остается одним и тем же на протяжении вот уже более 2000 лет, т. е., судя по малому количеству курганов в цепочках ранних кочевников, они, скорее всего, жили в этих долинах такими же отдельными, связанными между собой родственными узлами семьями.

Итак, компактная цепочка пазырыкских курганов — это место погребений отдельной семьи. Могильник из нескольких групп захоронений мог заполняться по-разному. Составив небольшую цепочку курганов, отдельная семья начинала недалеке выстраивать новую группу погребений. В то же время все составляющие могильник группы захоронений могли сооружаться одновременно, если пазырыкская община состояла из нескольких родственных семей. Решать этот вопрос, естественно, надо в каждом отдельном случае особо. Порядок составления цепочек курганов еще предстоит выяснить, однако уже сейчас на этот счет имеются некоторые наблюдения. Так, проанализировав распределение инвентаря в синхронном могильнике Кызыл-Джар 1, В. А. Могильников пришел к выводу, что сооружаться он начал с севера [5, с. 25].

Для погребения усопшего с окрестных стоянок, видимо, съезжались его ближайшие родственники. Трудоемкие для сооружения силами отдельной семьи рядовые курганы пазырыкцев весьма быстро могли возводиться при участии нескольких родственных семей. Работы скорее всего начинали с рытья могильной ямы. Разрыхляя грунт деревянными кольями и колушками, деревянными же пешнями или роговыми кирками, его выбрасывали затем деревянными лопатами на прилегающую площадь. Подчетыреугольная в плане со скругленными углами могильная яма ориентировалась длинной осью в широтном направлении. Как правило, вверху она получалась несколько больше по размерам, чем внизу. В зависимости от того, предполагалось ли в данном погребении разместить сопроводительное конское захоронение, конфигурация дна ямы варьировалась. Если нет, то дно делалось ровным. Если да, то углубившись на 1,5–2 м в грунт, сородичи отступали от северной длинной стенки на 50–80 см, где должна была остаться материковая приступка для захоронения лошади, и углубляли южную часть могильной ямы, куда впоследствии устанавливали бревенчатый сруб. Глубина от верха материковой приступки до дна южной половины ямы обычно равнялась высоте погребальной камеры, так что конь укладывался на уровне ее перекрытия.

Опытные в отношении плотничьего дела сородичи подтягивали на лошадях из леса срубленные там стволы деревьев и рядом с ямой рубили погребальный сруб. Для этого в коротких, идущих на торцевые стенки бревнах делались подчетыреугольные зарубки, куда вставлялись подтесанные концы бревен длинных стенок. Срубив таким образом нижний

венец камеры, теперь уже в бревнах длинных стенок делались подчетыреугольные зарубки, куда вставлялись подтесанные концы бревен коротких стенок. В целом камеры рядовых пазырыкцев сооружались в пределах 1–3 венцов. Стенки срубов получались с остатком, т. е. концы бревен выходили за внешние пределы камеры на 25–30 см. Где это можно проследить, последними в верхнем венце укладывались бревна длинных стенок, так что половина их толщины выступала над уровнем коротких стенок. Между этими выступающими вверх бревнами укладывалось бревенчатое же или из толстых плах перекрытие. Часто идущие на сооружение камеры бревна подтесывались с внутренней стороны на плоскость.

Соорудив таким образом погребальную камеру, ее затем разбирали и, начиная с бревен нижнего венца, опускали в яму, где собирали вновь. Не все, естественно, удавалось учесть наверху, и отдельные бревна приходилось подтесывать на дне могильной ямы. Поэтому там изредка находят редкий слой щепы. Щепы и обрубки дерева, обнаруживаемые в засыпке ямы, представляют собой строительные остатки от сооружения камеры, попавшие на выкид из ямы, которым ее и засыпали. Установив бревенчатую камеру, сородичи выстилали внутри нее пол из заранее приготовленных плах или лиственничной корой. Однако часто пол в срубе оставался грунтовым, особенно тогда, когда в камере сооружалась лежанка.

Внутренне пространство сруба делилось как бы на две части — северную, куда устанавливалась погребальная пища, и южную, предназначенную для размещения усопшего. Лежанки, на которые укладывали погребальных, по конструктивной сложности можно подразделить на три типа — подстилка (1 тип), лежанка (2 тип) и погребальное ложе (3 тип). Простейшее из этих сооружений — подстилка устанавливалась из слоя хвороста или лиственничной коры (в одном случае бересты — Курту 5, кург. 5), поверх которого скорее всего стелился кошма. При наличии в срубе дощатого пола, видимо, ограничивались преимущественно подстилкой из кошмы. В головах усопшего укладывалась каменная, деревянная или кожаная подушка. Каменные и деревянные подушки накрывались, по-видимому, краем кошмы или другим мягким материалом.

Лежанки устраивались на грунтовом дне погребальной камеры, т. е. при отсутствии в ней дощатого пола. В южной половине сруба для этого укладывался слой из плоских камней, поверх которого укладывалось 2–3 доски. В рядовых курганах найдено одно погребальное ложе в виде деревянной, имеющей четыре ножки и застеленной в свою очередь досками рамы. Происходит оно из раскопок В. Д. Кубарева у с. Ташанта. Два погребальных ложа обнаружены в большом Катандинском кургане с захоронением представителей племенной верхушки [7, с. 8]. Изготовлены они в виде «столов» на четырех ножках, т. е., в отличие от лежанок, ложа представляют собой как бы конструктивно целое сооружение. В нескольких случаях в рядовых пазырыкских курганах встречены деревянные колоды, однако это уже не погребальные ложа, а саркофаги, т. е. предметы иной категории. Захоронения эти еще мало изучены, поэтому объяснить их связь с рядовыми погребениями пока затруднительно.

Соорудив лежанку, на нее укладывали усопшего сородича, придав ему, как правило, позу на правом боку с подогнутыми ногами и сориентировав головой на

восток. Западная ориентировка у пазырыкцев встречается в единичных случаях. Чаще всего в пазырыкских курганах встречается по одному погребенному, реже — по два и совсем уж редко — по три, т. е. предназначались они для однократного использования, в отличие, к примеру, от соседней Тувы, где характерны камеры-склепы с последовательными подхоронениями.

Укладывали усопшего общинника в погребение в одежде. Судя по фрагментам, одежда эта была повседневной. В данном случае обращает на себя внимание присутствие в курганах деревянных и бронзовых обтянутых золотом гривн, а также деревянных, часто также обтянутых золотом фигурок животных от головных уборов, которые явно в повседневной жизни не использовались. Все эти украшения скорее всего одевались или крепились к одежде во время каких-то общественно значимых церемоний, которыми так полна религиозная практика древних социальных организмов. После смерти, естественно, все они крепились к одежде их обладателя и должны были служить ему в потустороннем мире.

Если погребали мужчину, то к поясу его крепили оружие, т. е. чекан, колчан со стрелами, лук, кинжал. Во многих случаях кинжалы, видимо, привязывались к правому бедру. Как в женских, так и в мужских погребениях у пояса часто встречается бронзовое зеркало. Обращает на себя внимание стремление сородичей заменить ряд категорий вещей на уменьшенные их копии или же имитации из другого материала. Так, крайне редко в захоронениях встречаются настоящие кинжалы, чеканы, зеркала. В подавляющем большинстве они отлиты в виде уменьшенных миниатюр настоящих предметов, в единичных случаях встречены их деревянные заменители. Заменяли деревянными имитациями в некоторых случаях металлические ножи. Наконечники стрел в подавляющем большинстве встречаются костяные, хотя в жизни, как показывают случайные находки, широко употреблялись металлические. В данном случае следует подчеркнуть то обстоятельство, что миниатюрными изготавливались обычно металлоемкие предметы, т. е. практической целью, вызвавшей к жизни этот обычай, было стремление к экономии металла. Другое дело — идеологическое освещение этой традиции, которое требует еще всестороннего анализа, точно так же, как и раскраска многих предметов красной краской. Делалось ли это специально в процессе погребального ритуала или же широко использовалось в жизни. Неясен пока и вопрос: какие идеологические представления стоят за этой традицией?

Уложив на лежанку усопшего, сородичи начинали заполнять северную половину погребальной камеры. У северной стенки сруба ставился глиняный кувшин с жидкой пищей, деревянное блюдо с куском баранины и металлическим ножом для его разрезания. Изредка встречается здесь деревянный ковш. На блюдо предпочитали класть курдючную часть туши барана, которая была у них, как и у более поздних скотоводов этого региона, излюбленной пищей. В кургане 2 могильника Уландрык 1 на деревянном блюде лежали небольшие просяные «хлебцы» [3, с. 47].

Отдельные наблюдения наводят на мысль, что не вся погребальная пища предназначалась усопшему. Так, на некоторых кувшинах имеются нанесенные черной минеральной краской изображения змей, которые едва ли могли играть в жизни широко распространенную орнаментальную роль и наносились, видимо, в процессе отправления погребального ритуала. «Змеиное царство»

могло быть одним из препятствий на пути в загробный мир, и жидкая пища в кувшинах скорее всего предназначалась для задабривания хтонических существ [11].

Оформив погребение в камере, сородичи перекрывали сруб продольно укладываемыми бревнами. Щели между ним иногда закладывались лиственничной корой или промазывались глиной. Закончив с погребальной камерой, у ямы ударом чекана в теменную часть забивали оседланную и взнузданную лошадь (иногда две-три в зависимости от достатка усопшего) и опускали ее на материковую приступку вдоль северной стенки, уложив на брюхо с поджатыми под него ногами, головой в ту же, что и человек, сторону.

Закончив действия, связанные с погребальной камерой, перекрытие сруба иногда поджигали. Однако случаи эти единичны и для пазырыкцев нехарактерны. Яму засыпали выкинутой из нее ранее землей. В засыпи часто встречаются угли, реже кости животных. Последние являются, видимо, представлявшей усопшему частью тризны, проводившихся строителями кургана. С углями сложнее. Они могли представлять собой остатки горевших у края ямы, т. е. на выкиде, ритуальных костров или же появились в результате оттаивания грунта, если захоронение совершалось зимой.

Заполнив яму, из оставшегося грунта над ней возводили небольшой холмик. После возведения земляного холма часто с южной его стороны разводили костер. Рядом иногда находятся кости животных и керамика, т. е. здесь проводили очередную тризну. После совершения необходимых действий над погребением сооружали каменную полусферическую и округлую в плане насыпь диаметром 5–12 м, изредка обводя ее каменным кольцом. В отдельных случаях к востоку от насыпи вкапывали вертикально установленные камни, образующие небольшую цепь балбалов. Через определенное после возведения кургана время родственники устраивали поминки, для чего с западной его стороны сооружали небольшое каменное кольцо. В кольцах иногда находятся остатки кострищ и кости животных. Понять эту часть погребального обряда пазырыкцев в какой-то мере помогают материалы, собранные этнографами у народов Саяно-Алтая. По их представлениям душа усопшего после погребения не сразу отправлялась в потусторонний мир, а какое-то время находилась вблизи селения [1, с. 59–68]. До переселения ее в мир иной родственники при участии шамана несколько раз с ней общались. Для ограждения родственников от души усопшего шаман проводил на земле одну-три магические линии, через которые она не могла перейти. В процессе общения душу кормили. Кормление осуществлялось через огонь, куда шаман бросал предназначенную ей пищу.

По аналогии с этими типологически близкими представлениями мы можем предположить, что каменные кольца пазырыкцев служили для ограждения того пространства, куда вызывалась душа усопшего. В кольцах же разводили костер, в который бросалась пища для ее кормления. Кстати, обычной кормлением душ усопших был известен у синхронных пазырыкцам скифов Причерноморья [6, с. 332]. Судя по количеству колец, поминки у рядовых общинников осуществлялись до трех раз.

Существовал у пазырыкцев и обычай сооружения кенотафов. Судя по исследованному В.Д.Кубаревым кургану 2 могильника Уландрык 1, возводились они по типу настоящих погребений с каменной насыпью, могильной ямой, деревянным

срубом [3, с. 46–47]. В описываемом кенотафе на дощатой лежанке был положен детский кожаный костюм. В головах располагалась погребальная пища.

Итак, в самых общих чертах мы остановились на проблеме реконструкции тех действий, которые совершали рядовые пазырыкцы в процессе отправления погребального обряда по отношению к усопшему сородичу. По известным причинам реконструкция ограничивается той частью ритуала, которая была связана с возведением погребального сооружения и непосредственным захоронением усопшего, т. е. все то, что происходило до этого, из поля зрения археологов, к сожалению, выпадает. Да и то, что можно осмыслить, реконструируется с известной долей вероятности. В то же время разработки эти необходимы, поскольку позволяют полнее понять взаимосвязь и значимость отдельных элементов совершавшегося некогда ритуала. Расширение и уточнение в будущем предложенной схемы ритуальных действий, надо полагать, позволит вплотную подойти к реконструкции тех идеологических представлений пазырыкцев, которые лежали в основе их погребального обряда.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дьяконова В. П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975. 163 с.
2. История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983. 410 с.
3. Кубарев В. Д. Новые находки эпохи ранних кочевников в Горном Алтае//Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. (Сборник трудов, написанных на материалах научной конференции Института истории, филологии и философии СО АН СССР 1972 г.). Часть 1. Новосибирск, 1972. С. 45–59.
4. Кубарев В. Д., Гребенщиков А. В. Курганы Чуйской степи (по материалам работ Восточноалтайского отряда в полевой сезон 1975 г.)//Сибирь в древности. Новосибирск, 1979. С. 61–75.
5. Могильников В. А. Курганы Кызыл-Джар 1, 8 — памятник пазырыкской культуры Алтая//Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1983. С. 3–39.
6. Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1953. 361 с.
7. Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л., 1960. 341 с.
8. Сорокин С. С. Цепочка курганов времени ранних кочевников на правом берегу Кок-Су. АСГЭ, вып. 16. Л., 1974. С. 62–91.
9. Суразаков А. С. О погребальных сооружениях пазырыкцев// Барнаулу 250 лет: Тезисы докладов и сообщений к научной конференции. (1–2 июля 1980 г.). Барнаул, 1980. С. 71–73.
10. Суразаков А. С. Горный Алтай и его северные предгорья в конце IV–начале II вв. до н. э.: Автореф. дис. канд. ист. наук. Новосибирск, 1985. 22 с.
11. Суразаков А. С. К вопросу о семантике некоторых образов пазырыкского искусства//Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986. С. 3–34.

А. П. Бородавский

ИССЛЕДОВАНИЕ ОДНОГО ИЗ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ НА СРЕДНЕЙ КАТУНИ

Погребально-поминальный комплекс Чобурак 1 расположен в Шебалинском районе Горно-Алтайской автономной области на правом остепненном берегу реки Катунь, недалеко от ее притока ручья Чобурак (рис. 1-1). Памятник занимает небольшой плоский ложок у подошвы Куминского хребта, ограниченный с двух сторон хорошо задернованными конусами выноса из скальных расщелин (рис. 1-2). Основные сооружения этого археологического комплекса представлены объектами трех типов — оградками (7), кладками (16), курганами (18) (рис. 1-2; 2). Все перечисленные конструкции сложены из двух сортов камня — грубой рваной скальной породы и хорошо окатанного галечника. Современная поверхность этих сооружений достаточно хорошо задернована. Некоторые кладки и оградки имеют вкопанные в центре или сбоку каменные стелы, хорошо заметные на поверхности. Почти все оградки расположены в непосредственной близости от скальной стенки и вытянуты по линии, ориентированной параллельно горному склону, с северо-запада на юго-восток. В некоторых случаях отдельные оградки расположены в непосредственной близости от курганов (с северо-восточной и юго-западной сторон) (рис. 2). Курганы и кладки расположены, как правило, цепочками по линии север-юг с небольшими отклонениями от этого направления. Насыпи курганов от кладок отличаются большим диаметром (от 7 до 10 м), лучшей задернованностью насыпей, большей округлостью их очертаний и высотой (от 0,3 м до 1 м). В ходе полевых работ было раскопано 3 кургана, 3 кладки и 2 оградки. Курган 1 (рис. 1-2; 2) представляет собой каменную куполообразную насыпь диаметром до 7 м и высотой 0,14 м, сложенную из грубого скального камня и крупного галечника. Основу конструкции составляет грубый рваный камень, из которого состоит насыпь на 76% от общего количества породы для возведения сооружения. За пределами каменной конструкции обнаружено несколько фрагментов колотых костей (часть конской челюсти, фрагменты костей ног лошади, а также конские и бараньи зубы) и два фрагмента керамики с накольчатый орнаментом по венчику баночного сосуда (рис. 4-2). С южной стороны у края каменной насыпи кургана зафиксировано скопление древесных углей. Такие же находки обнаружены среди каменного заполнения насыпи кургана по всей ее площади. Основу курганной конструкции составляла кольцевая каменная крепида размером 4,4 м в диаметре, сложенная из крупных блоков, уложенных в два ряда один на другой (рис. 3-1, 3, 6). В центре этого кольца располагалась могильная яма, ориентированная длинной осью по линии север-запад—юг-восток. Ее размеры составляли 2,4 м в длину и 1,3 м в ширину, а глубина от материковой поверхности была равна 0,5 м. Погребение подверглось ограблению в древности. Камни перекрытия были сдвинуты со своих мест и вместе с грубообломочным материалом из насыпи просели в яму. Между камнями и на дне могилы в беспорядке были расположены человеческие, конские и бараньи кости. Только у западной стенки могильной ямы в анатомическом порядке были зафиксированы обломки конской кости от одной из

передних конечностей, расположенные в подогнутом состоянии. У северного края могилы среди камней обнаружен сильно раздавленный конский череп. Человеческие кости, несмотря на разбросанность по дну погребения, имели определенные закономерности расположения. Так, ориентация длинных костей совпадала с осью могилы север-запад—юг-восток. Из сопроводительного инвентаря в центральной части могилы обнаружена железная обувная пряжка (рис. 4-4), роговая застежка для пут (рис. 4-8), фрагменты подпружной пряжки из рога (рис. 4-10) и железная подпрямоугольная скоба от уздечного крепления удила (рис. 4-3), а также детали поясной гарнитуры из рога (пряжка, две сердцевидные накладки с железными стержнями крепления и концевая накладка рис. 4-5, 6, 7, 9).

Курган 2 — насыпь округлой формы диаметром более 5 м и высотой 0,45 м, сложенная также по преимуществу из грубого скального камня с небольшим включением крупного галечника. После расчистки каменной насыпи была выделена кольцевая крепида диаметром около 4 м, составляющая конструктивную основу сооружения. Каменное кольцо образовывали крупные подпрямоугольные блоки, уложенные на грунт в один ряд (рис. 3-4, 5). Часть из них в южной стороне сооружения с течением времени и в ходе естественного разрушения изменила свое первоначальное месторасположение. В центре кольца располагалась неглубокая могильная яма, ориентированная длинной осью по линии север-запад—юг-восток-восток. Ее размеры составляли 1,5 м в длину и 1 м в ширину, а глубина от материковой поверхности была равна 0,25 м. В могильной яме головой на север-запад-запад на правом боку с подогнутыми ногами, плотно уложенными друг к другу, располагался костяк лошади (рис. 5-1). Шея ее была сильно изогнута, а голова уложена на внешний край могилы так, что сильно выступала над расположением всех остальных частей скелета. В области крупа с левой стороны на костяке лошади зафиксировано скопление предметов, в которое входили два проушных топора (рис. 5-4, 5), оковка рабочего края лопаты (рис. 5-2) и тесло с плечиками (рис. 5-3). Все изделия были изготовлены из железа очень хорошей сохранности. Предметы конского снаряжения на костяке лошади отсутствовали.

Курган 3, размеры насыпи в диаметре составляли 4 м, высота 0,6 м. Конструктивную основу сооружения составляла каменная кольцевая крепида диаметром около 2,5 м, сложенная из крупных блоков в один ряд. В центре каменного кольца располагалась могильная яма, размеры которой составляли 1,2 м в длину, 0,8 м в ширину, а глубина от материковой поверхности была равна 0,3 м. Длинная ось могильной ямы ориентирована по линии юг-запад-запад—север-восток-восток. Погребения и сопроводительного инвентаря в могильной яме не обнаружено. Вероятнее всего, это сооружение представляет разновидность кенотафа.

Кладка 1 (рис. 2) представляет собой округлое сооружение из камня диаметром около 4,5 м, высотой до 0,25 м. С северной стороны кладки зафиксирован прокол размером 0,6х0,4 м, мощностью до 0,1 м. Среди каменной наброски кладки из грубой скальной породы и

галечника встречены фрагменты колотых трубчатых костей, часть бараньей челюсти, зубы барана и лошади. На северо-западном и южном краю кладки обнаружено скопление древесных углей.

Кладка 2 имеет 5 м в диаметре, а ее высота составляет 0,45 м. На периферии сооружения в северной части обнаружены две блоковидные кости сустава лошади, а в восточной стороне — часть кости блоковидного сустава барана.

Кладка 3 имеет диаметр около 5 м и высоту 0,6 м. В центральной части кладки при зачистке каменной конструкции обнаружен сильно разложившийся зуб лошади.

Оградка 1 (рис. 2; рис. 6–2, 4, 5) является сооружением подквадратной формы с размером сторон 2,4 м, сложенным из скальной породы (плитняка) и продолговатого валунника, поставленного на ребро. Оградка расположена в непосредственной близости от кургана 1 (с его северной стороны). Внутреннее пространство оградки забутовано несколькими крупными блоками рваного камня и мелкой аллювиальной галькой. В центре сооружения расположена каменная стела общей высотой до 0,8 м, выступающая над задернованной поверхностью на 0,5 м. Углы оградки достаточно точно ориентированы по сторонам света. Восточным углом оградка примыкает к крупному скальному валуну, к которому это сооружение было, очевидно, пристроено. На восточной стенке оградки по одной линии со стелой расположен «вход» шириной до 0,6 м. Он оформлен с внешней стороны двумя камнями, пристроенными к стенкам оградки. У одного из них, внутри оградки, зафиксировано несколько фрагментов костей животных, часть их располагалась и за пределами оградки с северной стороны. В состав этого скопления входили конские и бараньи кости и их зубы.

Оградка 2 (рис. 6–1, 3) расположена у юго-западной подошвы насыпи одного из нераскопанных курганов (рис. 1–2). Сооружение представляет собой подквадратную конструкцию с размером сторон 1,2 м, сложенную из рваного плитняка и продолговатого галечника, поставленного на ребро. Внутреннее пространство оградки было полностью забутовано камнем. Причем в начале было уложено несколько крупных блоков камня, а затем между ними засыпана щебенка и галька. Углы оградки ориентированы по сторонам света. Никаких находок в заполнении оградки не обнаружено.

Конструктивной особенностью курганных сооружений исследованного комплекса является кольцевая каменная крепида. Это имеет аналогию с тувинскими надмогильными сооружениями VII–VIII вв. [8, с. 34]. Под такими конструкциями производились захоронения человека с конем (курган 1), погребения одного костяка лошади (курган 2) и сооружение пустых могил — кенотафов (курган 3).

Захоронение целой туши лошади во втором кургане относится к варианту погребения коня с вещами человека [5, с. 77], что тоже является разновидностью кенотафа. Хронологически этот тип погребений укладывается в VI–IX вв. Однако следует обратить внимание на одну особенность: в отличие от других ранее известных погребений коня с вещами человека погребение из 2 кургана Чобурака 1 отличается тем, что предметы, относящиеся к человеку (топоры, оковка лопаты, тесло), уложены не на особое место (где предполагалось разместить человека), а лежат прямо на костяке лошади. Она к тому же, исходя из отсутствия предметов снаряжения, не взнуздана и не оседлана. Расположение костяка лошади на боку (правом) также отражает опре-

деленные отличия от общепринятой позы расположения лошади на животе. Для Алтая это далеко не единичный случай. Частичным объяснением такого положения лошади для кургана 2 может быть небольшая глубина могильной ямы, что, как и ее значительная углубленность [5, с. 81], приводило к преимущественно боковому расположению костяка. Ориентация конского скелета головой на запад относится к числу наиболее распространенных. Это, по мнению ряда специалистов, соответствует направлению стороны загробного мира. Плотные сведенные кости ног лошади в погребении явно отражают тугую увязку конечностей животного перед совершением ритуала. Религиозное значение такого варианта погребения рассматривается, как правило, итогом действительных родственников умершего, которые, соорудив мнимое погребение, тем самым препроводили «сунезин» умершего (погибшего) в иной мир. Для этого возводили курган и погребали коня с вещами, которые тот должен был доставить в иной мир и передать хозяину [4, с. 12]. Ближайшей аналогией погребению коня в кургане 2 Чобурака 1 является расположенный недалеко курган-кенотаф 12, Бике 3, насыпь которого, однако, не имеет кольцевой крепиды. Подобная отличительная черта погребальных сооружений выявлена среди исследованных древнетюркских погребений Средней Катунь (Бике 1, к. 9 [2, с. 54]; Усть-Эдиган, к. 15 [10, с. 128]; Верх-Еланда 1, к. 4 [1, с. 233]; Карбан 4; Усть-Чоба 2) в настоящее время только для курганов Дяляна (к. 2) и Чобурака 1.

Оградки этого погребально-поминального комплекса, как уже отмечалось, отличаются ориентацией углами по сторонам света. Подобная черта, особенно в сравнении с материалами других территорий, представлена в таких сооружениях не часто. В Туве, например, оградки, ориентированные углами по сторонам света, составляют всего 19% от общего числа иных ориентаций подобных сооружений [3, с. 26]. Наличие у оградки 1 дополнительных сооружений у «входа» позволяет отнести ее ко второму типу оградок по классификации Л. Р. Кызласова [8, с. 35]. Интересной деталью является и пристроенность оградки 1 к крупному камню на месте ее восточного угла, что соответствует определенным закономерностям конструкции таких сооружений, как это уже было отмечено у оградки из Керки-Чу на Алтае. Общие размеры двух раскопанных оградок соответствуют наиболее часто встречаемым параметрам подобных сооружений. Характерно и расположение в центре оградки 1 каменной стелы, что аналогично древнетюркской оградке из Бике 1 [2, с. 85, рис. 48], которая, правда, ориентирована стенками по сторонам света. Состав костей, связанных с оградкой 1 Чобурака 1, вполне соответствует тому остеологическому набору, который обычно располагается в таких сооружениях. Наличие всех этих стандартных признаков позволяет отнести исследованные оградки к периоду VI–VIII вв., после которого они, как правило, не сооружались.

Кладки также условно можно отнести к этому времени, а находки остеологических материалов и следов огня в составе их можно связать с действиями культового характера.

Сопроводительный инвентарь исследованного погребально-поминального комплекса, несмотря на свою малочисленность, достаточно представительен. Железные проушные топоры (рис. 5–4, 5) из кургана 2 относятся, по классификации Ю.С. Худякова, ко второму типу и, скорее всего, имеют многофункциональное назначение как орудия и предметы вооружения.

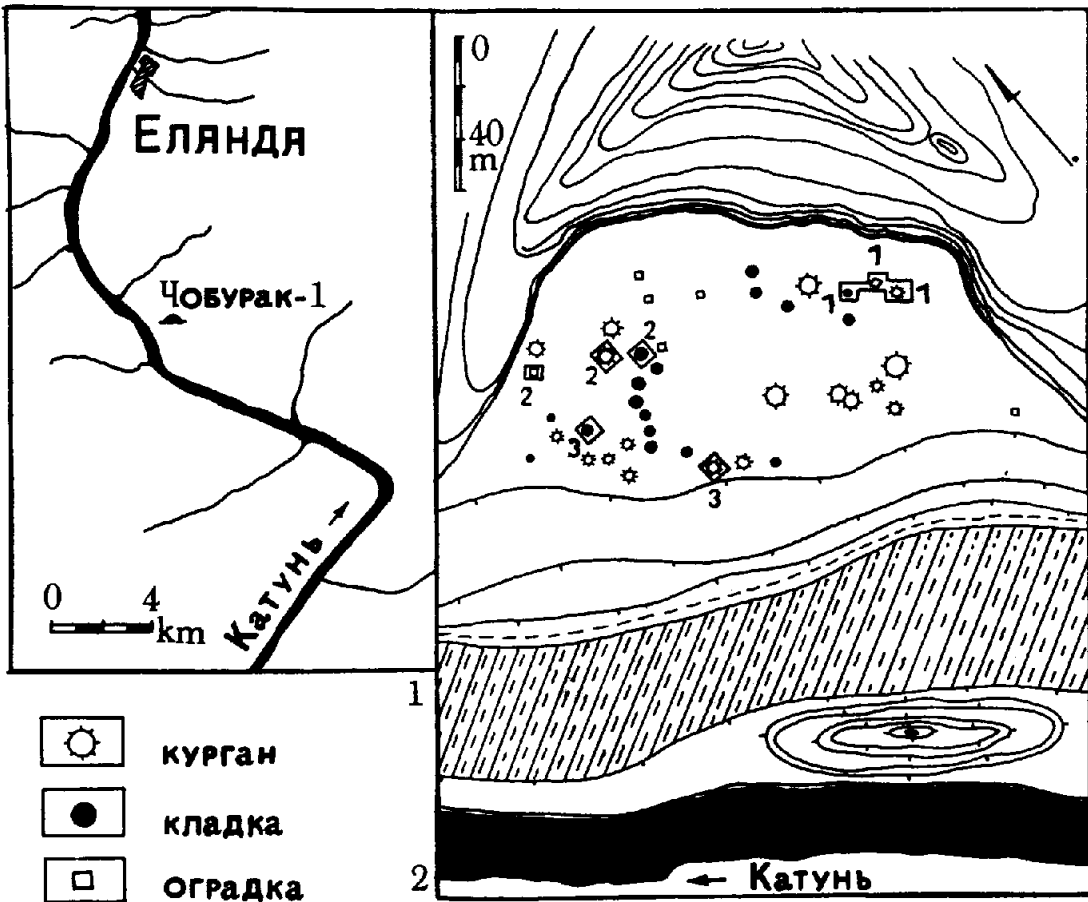

Рис. 1. Общее расположение и планиграфия памятника:
1 - расположение комплекса; 2 - его планиграфия

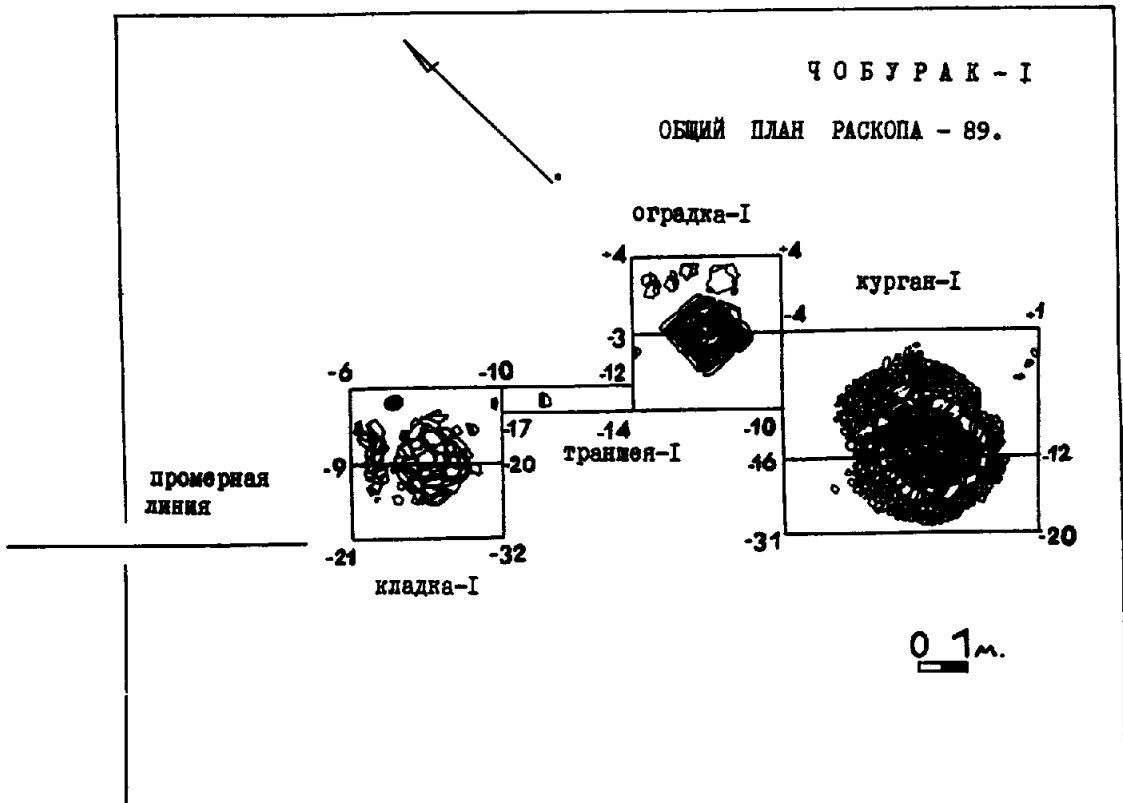

Рис. 2. Расположение основных типов сооружений памятника

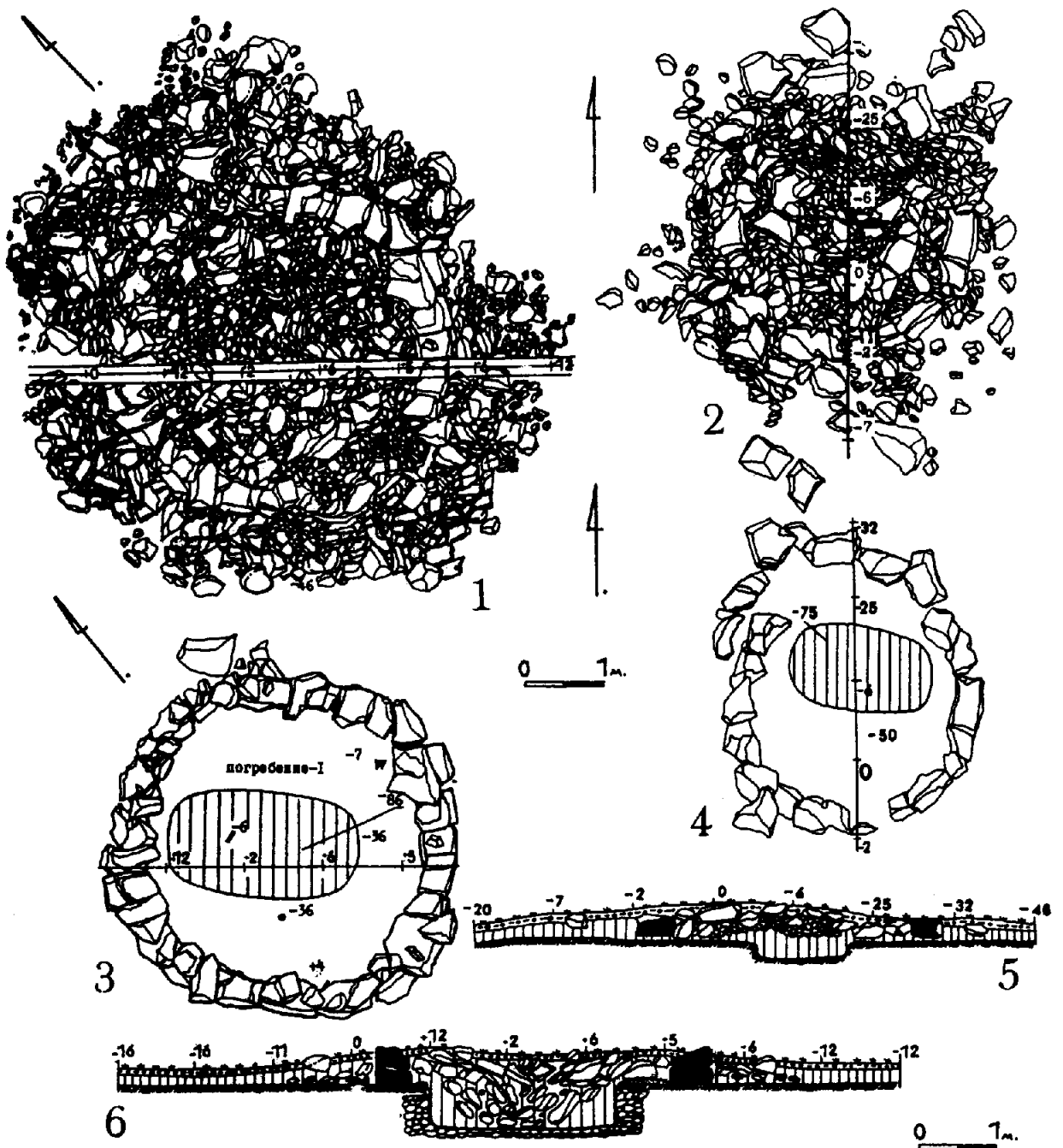

Рис. 3. Конструкция погребальных сооружений комплекса Чобурак 1: 1 - зачистка насыпи кургана 1; 2 - зачистка насыпи кургана 2; 3 - основа каменной конструкции кургана 1; 4 - основа каменной конструкции кургана 2; 5 - стратиграфический разрез кургана 2; 6 - стратиграфический разрез кургана 1

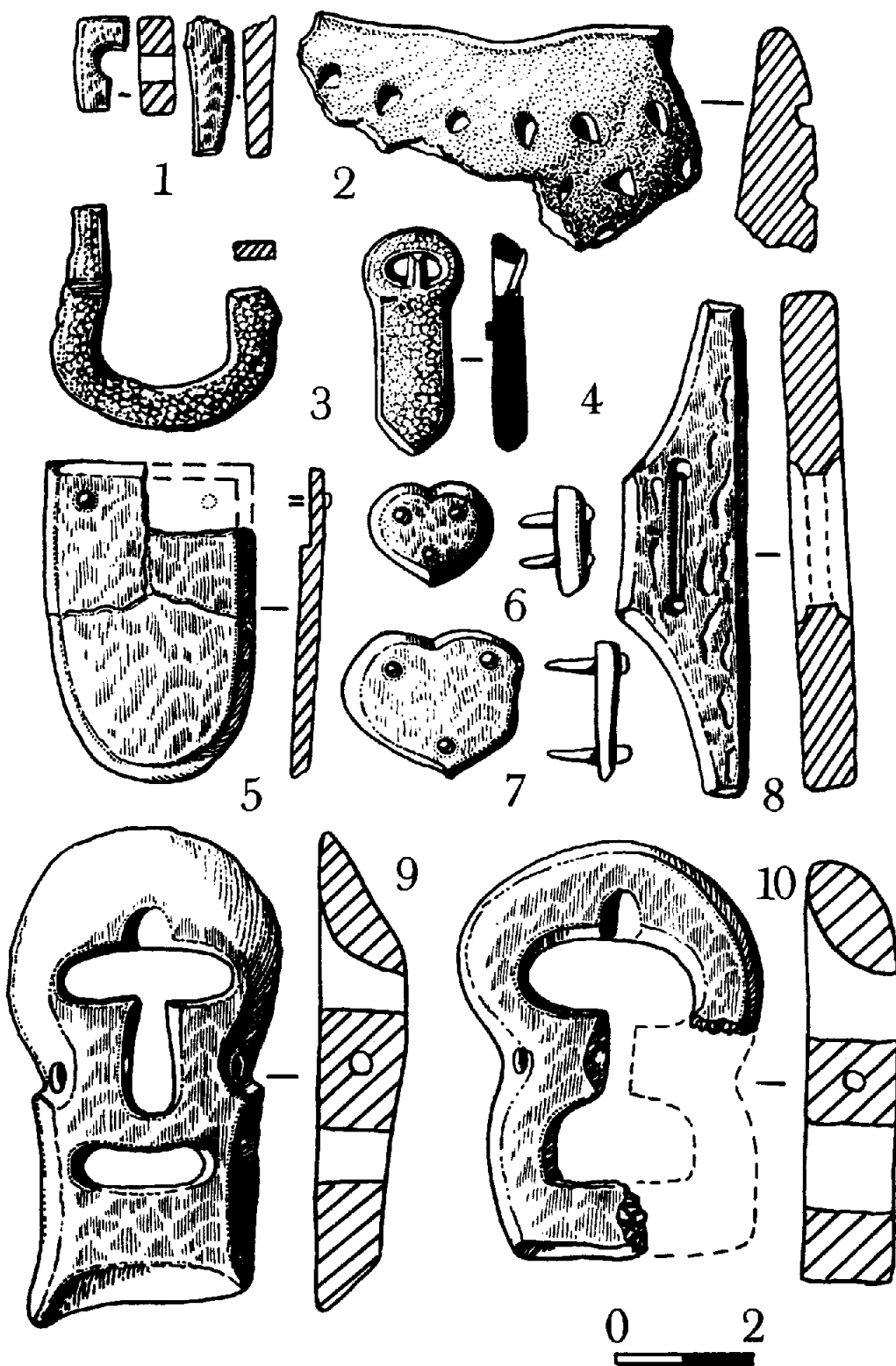

Рис. 4. Сопроводительный инвентарь погребения 1 кургана 1 Чобурака 1

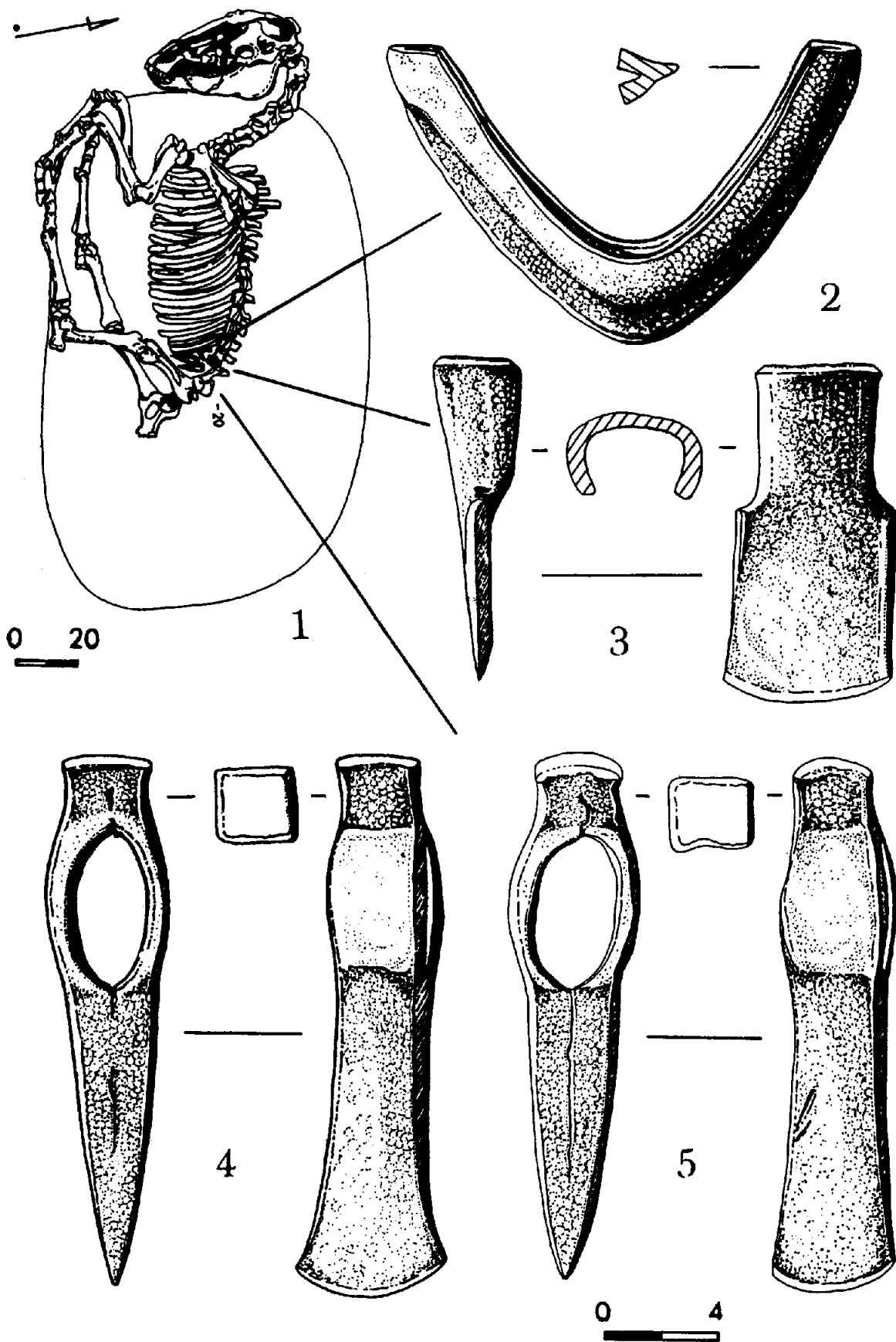

Рис. 5. Погребение лошади и сопроводительный инвентарь из погребения 1 кургана 2 Чобурака 1

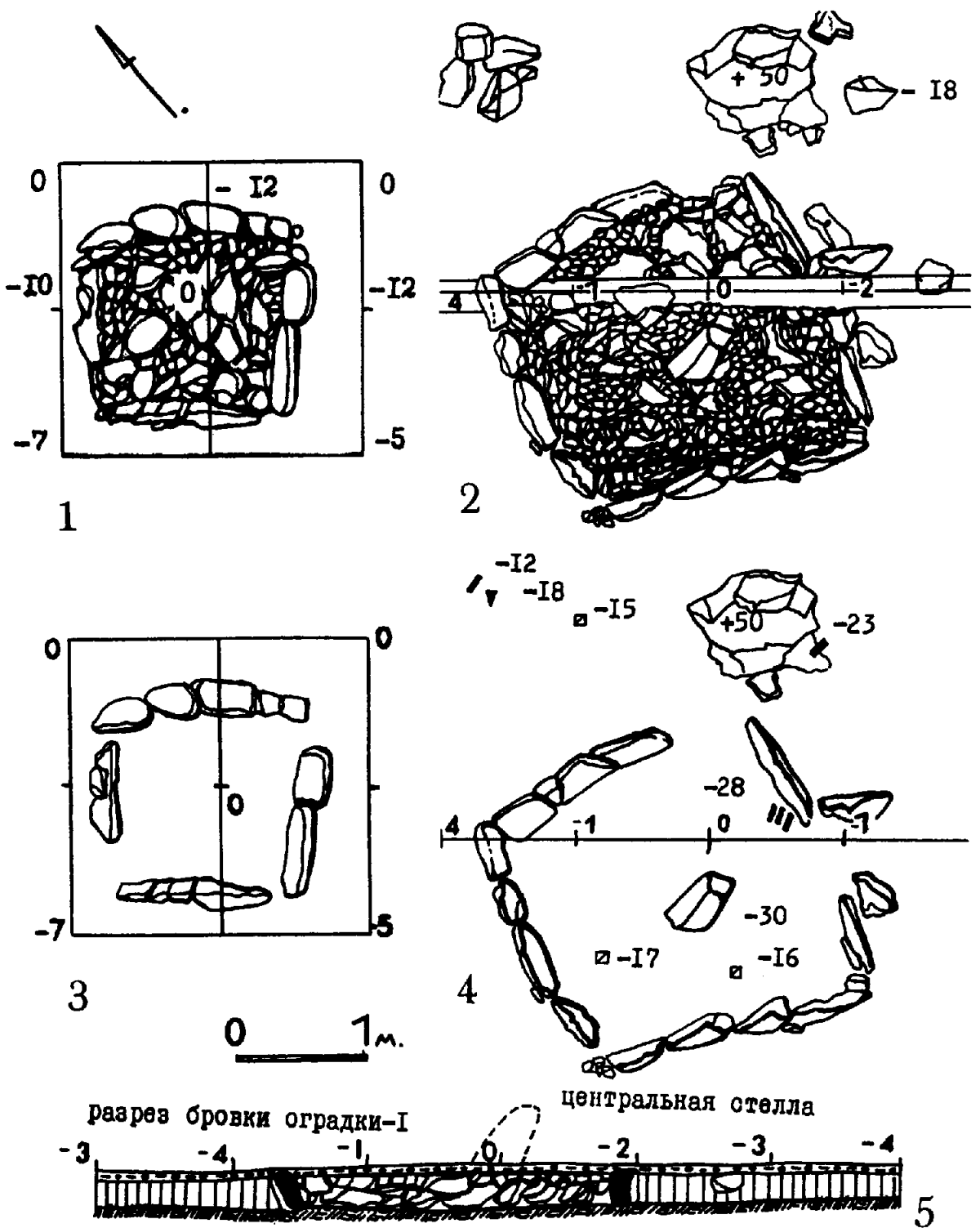

Рис. 6. Оградки погребально-поминального комплекса Чобурака 1: 1 - зачистка оградки 2; 2 - зачистка оградки 1; 3 - основа каменной конструкции оградки 2; 4 - основа каменной конструкции оградки 1; 5 - стратиграфический разрез оградки 1

Находки подобных изделий на Алтае достаточно редки, тем более, что эти два топора представляют собой различные технологические стадии изготовления такой продукции. Особенно хорошо это видно на примере заглаживания торцовых швов и расковке лезвия. На первом топоре такие признаки представлены наиболее ярко, что позволяет предполагать отсутствие окончательной завершенности обработки орудия. У второго топора швы заглажены в ходе подработки более тщательно, а самое главное, расковано лезвие в острый выгнутый наружу рабочий край, что составляет явно технологический, а не типологический признак. В общем, подобный тип инструментов датируется по материалам средневековой Евразии в пределах VII — начало X вв. [8, с. 148, рис. 36–32, 33, 34; с. 145, рис. 33 (22); с. 166, рис. 52 (17, 119); с. 178, рис. 62 (154, 155)]. На рубеже I и II тысячелетий н. э. такие топоры стали вытесняться иными типами орудий [7, с. 96]. Железное тесло с плечиками (рис. 5–3), обнаруженное в кургане 2, встречается достаточно часто в инвентарных наборах древнетюркского времени и бытует в основном в VIII–IX вв. [4, с. 171]. Находка железной оковки рабочего края лопаты (рис. 5–2), безусловно, для Алтая одна из первых. Изделия подобного типа известны на сопредельных территориях. В частности, в Хакасии среди материалов Тепсея XI [9, рис. 86–3] оковка датируется в пределах VI–VIII вв. и интерпретируется как предмет, оставленный грабителями. Однако в кургане 2 Чобурака 1 оковка лопаты, несомненно, входит в состав сопроводительного инвентаря. В материалах из Тувы (Эрлиг-Хем 3) такие предметы относятся к концу I — началу II тысячелетия [8, с. 249, рис. 74–9]. Изображения подобного типа землеобрабатывающих орудий известны в древнерусском искусстве XII–XIII вв. [6, табл. 67]. На Алтае ближайшей аналогией оковке лопаты из Чобурака 1 является случайная находка такого изделия, обнаруженная В.Т.Петриным и Ю. А. Плотниковым в районе с. Ело.

К деталям конского снаряжения относится подпрямоугольная скоба, характерная для псалиев VIII–IX вв. (рис. 4–3), роговая подпружная пряжка и застежка для пут из того же материала (рис. 4–8, 10). Из предметов поясной гарнитуры можно отметить роговую поясную пряжку, роговые сердцевидные накладки (рис. 4–5, 6, 7, 9), по форме и креплению ими-

тирующих широко распространенные металлические, и роговая концевая накладка, также имеющая аналогии в металлических изделиях древнетюркского времени. К этому же периоду относится железная обувная пряжка (рис. 4–4), датирующаяся VIII–IX вв. Фрагменты керамики (рис. 4–2), обнаруженные в материалах кургана 1 Чобурака 1, скорее всего, относятся к сопроводительному инвентарю разграбленного погребения из этого комплекса.

В целом погребально-поминальный комплекс Чобурак 1 относится к концу I тысячелетия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кирюшин Ю. Ф., Неверов С. В., Степанова Н. Ф. Курганный могильник Верх-Еланда 1 в Горном Алтае//Археологические исследования на Катунь. Новосибирск: Наука, 1990.
2. Кубарев В. Д., Киреев С. М., Черемисин Д. В. Курганы урочища Бике//Археологические исследования на Катунь. Новосибирск: Наука, 1990.
3. Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М.: Изд-во МГУ, 1969.
4. Нестеров С. П. Тесла древнетюркского времени в Южной Сибири//Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1981.
5. Нестеров С. П. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука, 1990.
6. Овчинников А. И. Суздальские золотые врата. М.: Искусство, 1978.
7. Соловьев А. И. Военное дело коренного населения Западной Сибири: Эпоха средневековья. Новосибирск: Наука, 1987.
8. Степн Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981.
9. Худяков Ю. С., Грязнов М. П. Кыргызское время//Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979.
10. Худяков Ю. С., Мороз М. В., Скобелев С. Г. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 г.// Археологические исследования на Катунь. Новосибирск: Наука, 1990.

Г. В. Кубарев

ДРЕВНЕТЮРКСКИЙ КЕНОТАФ ИЗ БИКЕ 3

В 1989 г. Восточноалтайским отрядом были продолжены охранные археологические работы на Катунь в районе урочища Бике. Еще до начала работ визуально было выявлено три больших курганных могильника.

Могильник Бике 3 находится на правом берегу р. Катунь в 5 км вверх по течению от с. Еланда. Он расположен на второй надпойменной террасе, возвышающейся над руслом реки на 18–20 м. Могильник сооружен поперек долины реки по линии север-юг и представляет собой цепочку каменных курганов скифской эпохи. С восточной стороны от нее, примерно в 20 м, устроен курган древнетюркского времени, которому присвоен номер 12.

Насыпь кургана сложена крупными каменными блоками сланцевой породы и валунами. Сильно задернована. Округлой формы, диаметром 9–10 м,

высотой 30–40 см. При зачистке в ней были найдены разрозненные кости лошади (рис. 1).

После разборки насыпи четко обозначилось могильное пятно. Яма овальной формы, длинной осью ориентирована по линии север-юг, размерами 250x230x90 см. Заполнение ямы: гумус, крупные камни и галечник. В юго-восточной части ямы на глубине 50–90 см зачищен костяк лошади без черепа (рис. 2). Ориентация костяка южная с небольшим отклонением к западу.

В области ребер лошади на глубине 75 см найден железный топор-тесло (рис. 3).

Курган 12 сооружен с восточной стороны от могильника ранних кочевников, что достаточно характерно для планиграфии курганов древнетюркской эпохи Алтая. На это же указывают как конструкция

кургана, типичный погребальный обряд, так и найденный в могиле железный топор-тесло. Отсутствие человеческого костяка позволяет отнести курган 12 к ряду ранее исследованных на Алтае древнетюркских кенотафов.

Традиция кенотафного способа захоронения, как считают многие археологи, зародилась в Центральной Азии [3, с. 77; 1, с. 39; 8, с. 30]. Как известно, кенотаф сооружался в том случае, если человек погибал в бою или умирал на чужбине и не было возможности захоронить его тело. По конструкции кенотаф практически не отличается от обычного погребения. На месте человека оставались его вещи, иногда в могилу клали «куклу» с его изображением [3, с. 77]. На Алтае кенотафы известны уже в скифскую эпоху, и этот обряд не прерывался до этнографического времени [8, с. 30; 18, с. 135].

На Алтае исследованы древнетюркские кенотафы и отдельные погребения лошадей, которые также, видимо, следует отнести к кенотафам: Боротал, курганы 6, 50, 51, 82 [7, с. 136–148]; Барбургазы 1, курган 20 [5, рис. 241]; Кудьргэ, курганы 1, 3, 8, 22 [2, с. 22–27]; Узунтал 1, курганы 1, 2 [14, с. 103]; Кок-Су 1, курган 27 [16, с. 72]; Туэкта, курган 1 (впускное); Катанда 1, курган 8; Катанда 2, курганы 1, 2, 3; Табажек, курган 5; Чарьш, курганы 3, 4 (см. сводку: Нестеров, 1970. С. 77, 79).

Открыты кенотафные захоронения и в Туве: Даг-Аразы 2, курган 8; Даг-Аразы 3, курганы 8–14; Аргалькты 1, курган 1, погребение 2; МТ–58–IV; МТ–58–V; а также в Минусинской котловине: Капчалы 2, курган 3 (там же, с. 77, 79). Датируются они в широких пределах (VI–IX вв.).

Существует особое мнение, что наряду с кенотафами сооружались отдельные погребения ввздузданных коней под самостоятельными курганами. Появление подобных погребений исследователи связывает с гибелью коня в бою или с «невозможностью захоронения его одновременно с человеком» [13, с. 80]. Не подвергая критике подобную точку зрения, следует сразу сказать, что погребение коня в кургане 12 Бике 3 не относится к таким захоронениям. Это типичный древнетюркский кенотаф, потому что предполагаемое место погребения человека было четко отделено от костяка лошади «барьером» материкового грунта. При этом отсутствие в символическом погребении каких-либо вещей, принадлежавших человеку, но соблюдение всех основных правил погребальной обрядности позволяют отнести раскопанный в Бике 3 курган к кенотафам.

У костяка лошади отсутствовал череп, что в древнетюркских захоронениях не является большой редкостью. Известно, что первостепенную роль в шаманском ритуале южных алтайцев — потомков древних тюрок, играла лошадь, а у монголов, например, череп лошади выставлялся в горах на высоком месте. Отсутствие черепа в кенотафном захоронении возможно как-то связано и с завершающим поминальным циклом, т. е. с действиями, производимыми у древнетюркских поминальных оградок [6, с. 71].

Достаточно необычно то, что костяк лошади в кургане 12 ориентирован в южном направлении, в то время как в древнетюркских захоронениях Алтая и Тувы преобладает северная и западная ориентация лошадей. В этом случае аналогии можно провести с погребениями лошадей в Кудьргэ (курганы 1, 8, 22), где ориентация коней была также южной [2, с. 22–27]. Эти погребения датируются концом VI–VII вв. Однако, основываясь только на этом сходстве, датировать кенотаф в кургане 12 тем же периодом нельзя из-за почти полного отсутствия погребального инвентаря. Вероятно, он по времени

все-таки ближе к древнетюркскому погребению кургана 9 в соседнем могильнике Бике 1, где, кстати, был обнаружен аналогичный топор-тесло. Это погребение можно датировать VIII–IX вв. [9, с. 55, рис. 18; с. 92].

Железный топор-тесло является единственной находкой в погребении кургана 12. Так же, как и в других древнетюркских курганах, тесло находилось в области ребер лошади, т. е., возможно, оно приторачивалось к седлу. Железные тесла с несомкнутой втулкой для «глаголевидной» рукояти были широко распространены на территории Южной Сибири в древнетюркскую эпоху и применялись здесь вплоть до этнографического времени [18, с. 116, рис. 6].

По типологии, разработанной С. П. Нестеровым, нашу находку следует отнести ко второму типу, т. е. к теслам с «плечиками», которые датируются IX–X вв. [12, с. 169–171]. При этом топор-тесло из Бике по форме лезвия (полуклину), а также по его асимметричности все же ближе именно к теслам, чем к топорам.

Что касается функций тесла, то здесь кажется более предпочтительным мнение о его хозяйственном использовании [4, с. 516; 10, с. 103; 11, с. 195], а не в качестве вспомогательного оружия, как полагают некоторые исследователи [19, с. 120; 12, с. 172; 15, с. 90]. К примеру, нахождение топора типа «керги» в одном погребении с боевым топором [2, с. 67, рис. 9], возможно, и свидетельствует об их различных функциях. Топор-тесло (керги) применялось в хозяйственных целях для обработки дерева, боевой топор, соответственно, являлся оружием воина. Поскольку тесло не является узко датирующим предметом, для погребения возможна лишь самая широкая датировка в пределах VII–IX вв.

Таким образом, погребение кургана 12 в Бике 3 по характерной конструкции погребального сооружения и единственной находке — железному теслу, следует отнести к типичным алтайским кенотафам древнетюркского времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вадецкая Э. Б. Мумии и погребальные куклы таштыкских могильников//КСИА. М., 1986. Вып. 186. С.33–41.
2. Гаврилова А. А. Могильник Кудьргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л., 1965. 113 с.
3. Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. 256 с.
4. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 644 с.
5. Кубарев В. Д. Отчет об археологических исследованиях в Горно-Алтайской автономной области в 1978 г. Архив ИИФФ СО АН СССР.
6. Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984. 232 с.
7. Кубарев В. Д. Древнетюркские кенотафы Боротала// Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985. С. 136–148.
8. Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 304 с.
9. Кубарев В. Д., Киреев С. М., Черемисин Д. В. Курганы урочища Бике //Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 43–95.
10. Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. Изд. МГУ, 1969. 210 с.
11. Могильников В. А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии XIII–XIV вв.//Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 194–200.

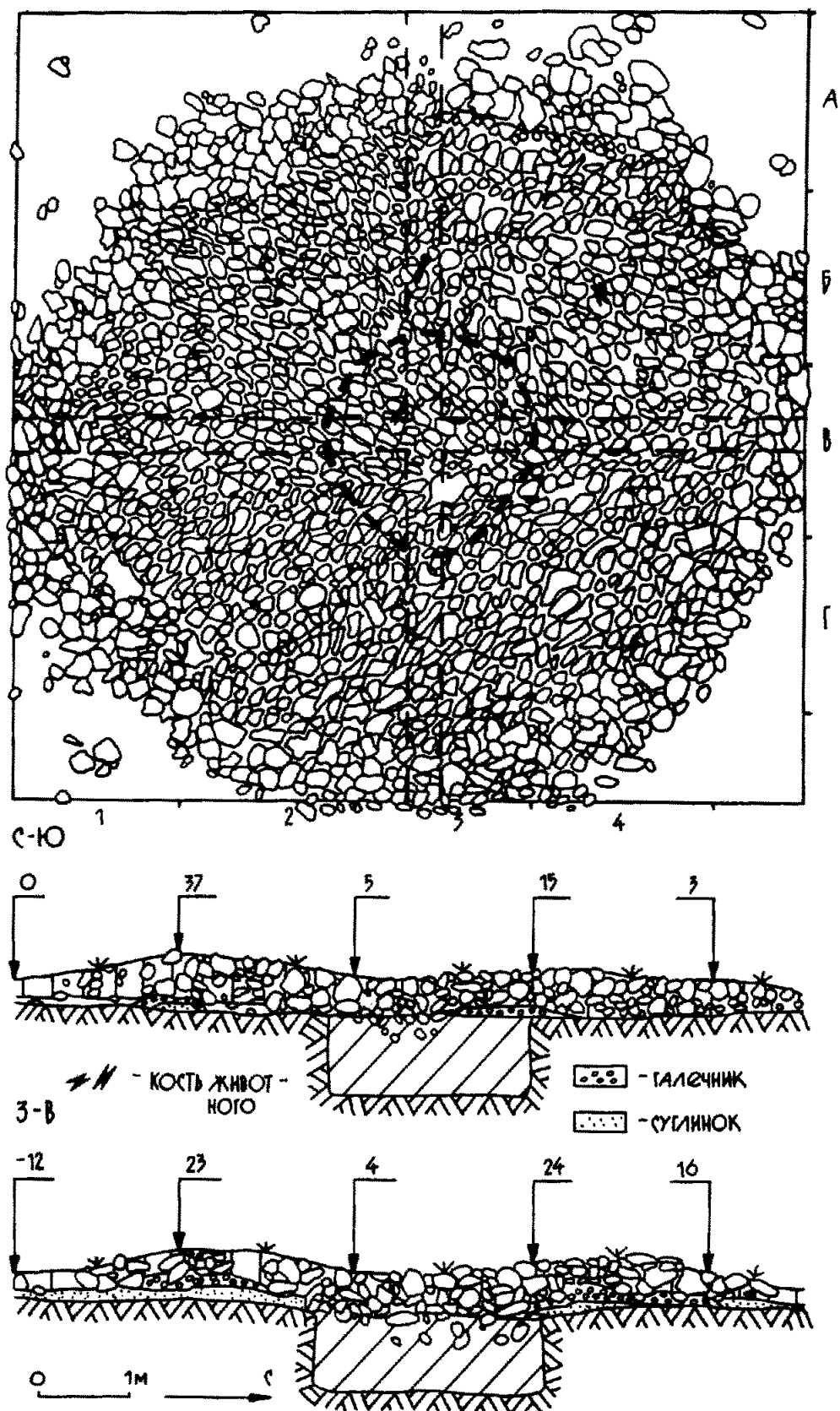
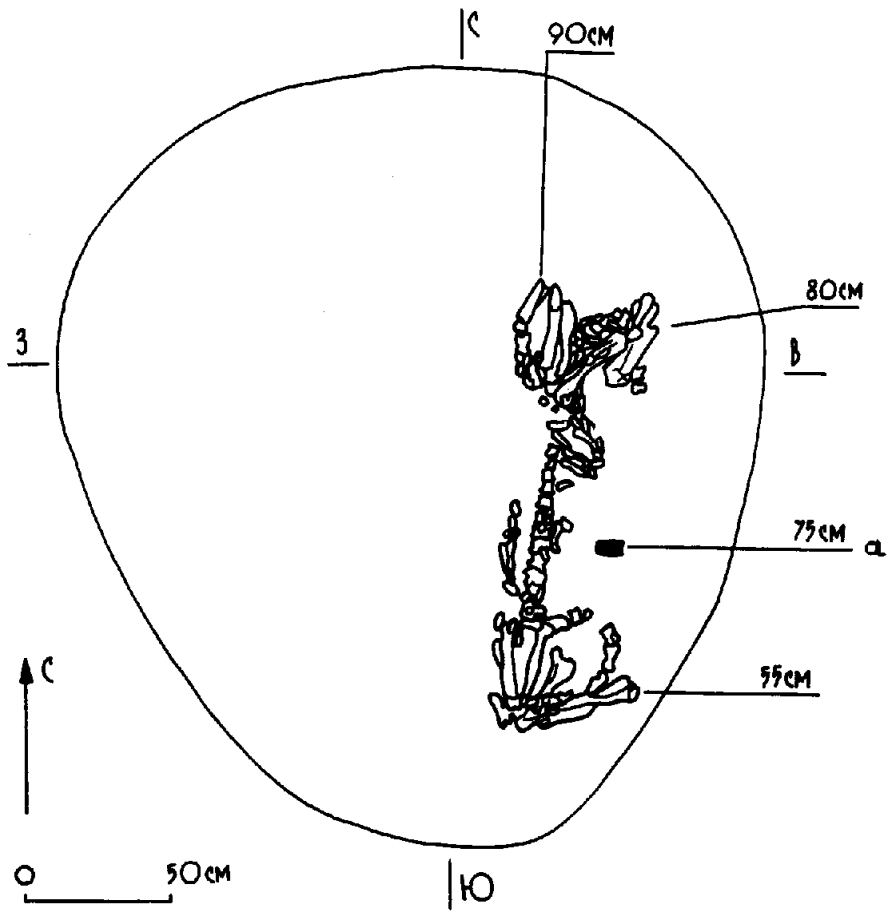

Рис. 1. Бике III. Курган 12. План насыпи

а - ЖЕЛЕЗНОЕ ТЕЛО

Рис. 2. Бике III. Курган 12. План погребения (кенатаф)

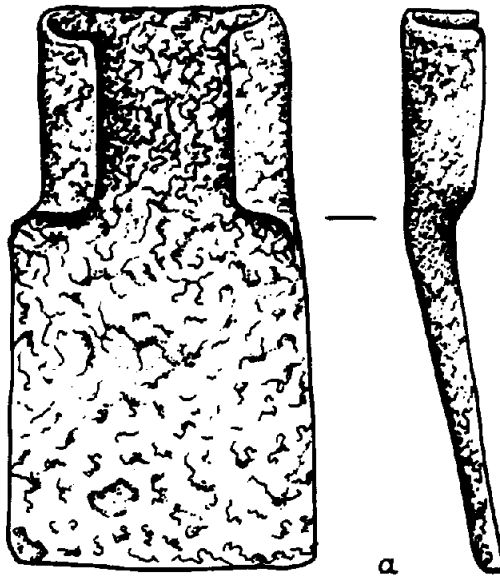

Рис. 3.

12. Нестеров С. П. Тесла древнетюркского времени в Южной Сибири// Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 168–172.
13. Нестеров С. П. Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск, 1990. 144 с.
14. Савинов Д. Г. Древнетюркские курганы Узунтала: К вопросу о выделении курайской культуры// Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 102–122.
15. Соловьев А. И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Новосибирск, 1987. 192 с.
16. Сорокин С. С. Цепочка курганов времени ранних кочевников на правом берегу Кок-Су (Южный Алтай)// АСГЭ. Л., 1974. С. 69–91.
17. Тошчакова Е. М. Кожаная и деревянная посуда и техника ее изготовления у южных алтайцев// Материальная культура народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 182–197.
18. Тошчакова Е. М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX–начало XX в.). Новосибирск, 1978. 160 с.
19. Худяков Ю. С. Вооружение кочевников приалтайских степей в IX–X вв.// Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 115–132.

О. В. Ларин, А. С. Суразаков

РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА ЧОБА 7

В полевой сезон 1992 г. экспедицией ГАНИИИЯЛ и Центра археологических исследований были проведены раскопки нескольких памятников в долине Чоба на правобережье Средней Кагуни примерно в 15 км к юго-востоку от с. Еланда. В целом здесь разбросано несколько групп погребальных сооружений разных эпох, на одном из которых ранее С. М. Киреевым уже проводились исследования. Группа эта, состоящая из объектов пазырыкской культуры, обозначена им как Чоба 6.

В 1992 г. для изучения было выбрано несколько памятников, располагавшихся без определенного порядка в 150 км к юго-востоку от названных. Все они объединены в рамках могильника Чоба 7 и раскопаны полностью. Хотя, судя по сильной задерновке отдельных курганов, в этом месте могут находиться и невыявленные еще объекты.

Курган 1 представлял собой одиночный памятник, отстоящий несколько в стороне от основной группы сооружений. После зачистки выявлена округлая в плане насыпь из беспорядочно набросанных рваных скальных камней диаметром 9,5 м, высотой 0,7 м. В центре ее прослеживалась небольшая грабительская воронка. В северном поле у самой кромки насыпи среди камней обнаружено семь фрагментов трубчатых костей от одной молодой (до 2 лет) особи лошади [1].

Под насыпью в центре кургана находилась могильная яма размерами 3x2,3 м сверху и 2,4x1,8 м внизу, глубиной от уровня древнего горизонта 1,15 м, ориентированная длинной осью по линии запад-юго-запад—восток-северо-восток. В заполнении обнаружены фрагмент берцовой кости лошади возрастом до 2 лет и остатки трубчатых костей коня от 2 до 3,5 лет. В грабительском лазе, кроме того, найдены выброшенные из человеческого погребения три железных черешковых трехлопастных наконечника стрел (рис. 5–1). Один из них с остатками рогового свистунка.

Дно ямы неровное. Вдоль северной ее стенки прорыто узкое углубление на 0,15 м. В нем помещался скелет человека, лежавший вытянуто на спине и ориентированный на восток-северо-восток (рис. 1). Верхняя часть туловища потревожена грабителями, вышедшими именно на это место. Череп, кости рук и часть грудной клетки выброшены из погребения. У правого плеча скелета лежали бесформенные фрагменты железа, у тазовых костей — остатки железных ножа (рис. 5–3) и

стамески или долота (рис. 6–2). У пяточных костей обнаружены две маленькие пряжечки из белого металла от обуви (рис. 3–3).

В южной части ямы, на 0,15 м выше останков человека, лежал костяк лошади старше 12 лет (рост 136–144 см в холке) на правом боку, т. е. спиной к человеческому погребению, черепом в противоположную западно-юго-западную сторону (рис. 1). В зубах сохранились железные удила с S-видными железными же псалиями и дополнительными кольцами во внешних окончаниях (рис. 3–2). Под нижней челюстью лежала железная пряжка (рис. 3–1). В районе спины обнаружены детали седла, т. е. два железных стремена и две роговые подпружные пряжки (рис. 4). Иными словами оно было положено поверх коня. Тут же лежали три роговые застёжки от пут с вырезанными на них треугольными тамгами, а четвертая найдена ранее в грабительском ходе (рис. 5–2). В районе живота обнаружены остатки органики (рис. 6–1), железные пластинки (рис. 3–4, 6), железное тесло с несомкнутой втулкой типа этнографического керги и деревянная рукоять от него, сделанная из толстого сука с ответвлением (рис. 2).

У задней части костяка была положена шкура лошади старше 3,5 лет (рост 144–152 см) с оставленными в ней костями конечностей ног, которые и сохранились в этом месте.

Курган 2 располагался в 30 м к юго-востоку от предыдущего. После зачистки выявлена овальная в плане насыпь из беспорядочно набросанных скальных рваных камней диаметром 5,8 м, высотой 0,4 м. С северной стороны к ней примыкала сплошная каменная вымостка. У северо-западного края насыпи находилась полузавалившаяся небольшая каменная стела.

Внутри кургана на уровне древнего горизонта выявлено двойное кольцо из уложенных вплотную друг к другу в один ряд камней (рис. 7). Диаметр внутреннего кольца 2,2 м, внешнего 4,5 м. У юго-восточной стенки внутреннего кольца с внешней стороны найдены три фрагмента костей лошади возрастом не менее 4,5 лет, у северо-западной стенки лежал конский зуб.

В пределах внутреннего кольца с выходом за его северо-восточную стенку располагалась могильная яма 1,4x1,4 м, глубиной от древнего горизонта 0,45 м и ориентированная с запада на восток. На дне лежал костяк лошади старше 3,5 лет (рост 120–

128 см), без черепа, на левом боку с подогнутыми ногами и общей ориентацией на запад (рис. 7). Под вымосткой с северной стороны кургана находилось два небольших ритуальных каменных кольца (рис. 7). Они вплотную примыкали друг к другу, а восточнее еще и к внешней ограде кургана. Внутри западного кольца найден конский зуб.

Курган 3 находился в 10 м к югу от предыдущего. После зачистки выявлена уплощенная округлая в плане насыпь из беспорядочно набросанных камней диаметром 8,5 м, высотой 0,5 м. В процессе разборки по периферии кургана обнаружено однослойное кольцо из уложенных вплотную друг к другу массивных каменных блоков внутренним диаметром 8 м (рис. 8).

Внутри кольца на уровне древнего горизонта стояла сложенная из таких же блоков камера, вытянутая длинной осью с запада на восток. Внутренней перемычкой она была разделена на два отсека — восточный и западный. С внешней стороны южной стенки западного отсека найдено скопление костей лошади возрастом 3,5 года (рост 128–136 см).

Кроме описанных курганов, в нескольких десятках метров у югу от них раскопаны три небольшие овально вытянутые каменные выкладки, под которыми ничего не найдено. Подобные сооружения уже исследовались в могильнике Большой Яломан 1 и также оказались пустыми.

Итак, все памятники могильника Чоба 7, по сути, представляют собой три могильника, возникшие в разные эпохи. Первый из них появился еще в ранне-скифский период и представлен курганами 2 и 3. Зафиксированный в них погребальный обряд отличается друг от друга по отдельным параметрам.

Курган 2, видимо, кенотаф. Для совершения захоронения была вырыта неглубокая яма с широтной ориентировкой. На ее дно уложили забитую лошадь на левый бок с подогнутыми ногами, сориентировав ее на запад. Голову в каких-то ритуальных целях предварительно отчленили. Шею отогнули от общего направления туловища к югу. Никаких принадлежностей сбруи здесь не обнаружено. Яму засыпали вынутой ранее при ее рытье землей. Поверх этого места выложили из камней кольцо так, что его северо-восточная стенка проходила по заполнению ямы. У внутреннего кольца были совершены ритуальные действия с использованием конского мяса и конской же головы.

Вокруг внутреннего было сооружено большое внешнее кольцо из камней, а у северо-западного края поставлена невысокая каменная стела. В процессе совершения ритуальных действий к северу от внешнего ограждения, в одном случае вплотную к нему, было выложено два кольца. В пределах западного совершены действия с использованием конской головы. По выполнении цикла традиционных ритуальных действий все сооружение кольца засыпано камнями в виде округлой насыпи и примыкающей к ней вымостки.

В кургане 3 захоронения были совершены не в яме, а в двухкамерном каменном склепе, поставленном на уровне древнего горизонта. Место вокруг погребения обведено не двойным, а одинарным кольцом. Ритуальные действия также включали момент использования конского мяса. Однако здесь нет ни дополнительных, видимо поминальных колец, ни стелы.

В общем, курганы эти оставлены разноэтничными семейно-родственными группами, хотя и в очень близкое время. Оба типа погребальных сооружений характерны для разных вариантов майэмирской

культуры [3] и могут быть датированы в пределах VIII–VI вв. до н. э. Причем установили их могли проживать в этом месте на разных этапах указанных хронологических рамок, однако могли составлять и единую, но разноэтничную общину. О смешанном составе некоторых общинных групп того времени, к примеру, свидетельствуют раскопки расположенного несколько выше по р. Катунь могильника Кызык-Телань 1.

О скотоводческом характере хозяйства данной общины свидетельствуют включение лошади в погребальный обряд, а также использование конского мяса для отправления ритуальных действий. Судя по костным остаткам, в общинном табуне имелись низкорослые кони, относящиеся, по классификации гиппологов, к группам мелких и нижесредних по росту [1].

Второй могильник, представленный одиночным курганом 1, сооруженным проживавшей здесь непродолжительное время семейно-родственной группой, возник в древнетюркскую эпоху. Особенности зафиксированного в этом памятнике погребального обряда реконструируются следующим образом.

Для совершения захоронения была вырыта яма глубиной 1 м, ориентированная в широтном направлении. Дно ее вдоль северной стенки углубили на 0,15 м. В это углубление положили усопшего в одежде вытянуто на спине, головой на восток. К поясу его были подвешаны нож и стамеска, обувь застегивалась на небольшие металлические пряжки. Здесь же уложен колчан со стрелами, расположенными наконечниками вверх.

В южную более высокую часть ямы поместили заранее забитого верхового коня на правом боку, с подогнутыми ногами, головой в противоположную западную сторону, а спиной к человеку. Конь был взнуздан, но не оседлан. Седло, путы, переметную суму, в которой имелось тесло и, видимо, какие-то еще вещи, положили поверх лошади.

В ритуал был включен второй конь. Мясо его, скорее всего, пошло на погребальную тризну, тогда как шкура, с оставленными в ней костями конечностей ног, уложена поверх крупа предыдущей лошади. До засыпки ямы совершены ритуальные действия с использованием мяса третьей лошади, которая отличалась по возрасту от уложенных в яму. При засыпке фрагменты костей ее попали в заполнение.

После всего этого над погребением возведен округлый в плане полусферический курган. Причем при сооружении насыпи также совершались действия с использованием мяса уже четвертой лошади, отличавшейся по возрасту от предыдущих.

Судя по всему, хозяйство общины имело скотоводческую направленность. В табуне ее имелись кони, относящиеся к группам средних и выше средних по росту. Под верховую езду они использовались до старости. К примеру, обнаруженный в захоронении целый костяк принадлежал лошади старше 12 лет [1]. Из других интересных свидетельств мы имеем изображение в нескольких экземплярах тамги усопшего, выполненной в виде врезной треугольной фигуры (рис. 5–2).

Обращает на себя внимание и способ ограбления кургана. Даже ограбления, как мы привыкли считать, а намеренного вторжения в захоронение, допустим, с целью нанесения оскорбления усопшему или же его родственной группе. Разрушители отлично знали план погребения и вышли туда, куда им было надо, т. е. на грудную клетку и череп усопшего.

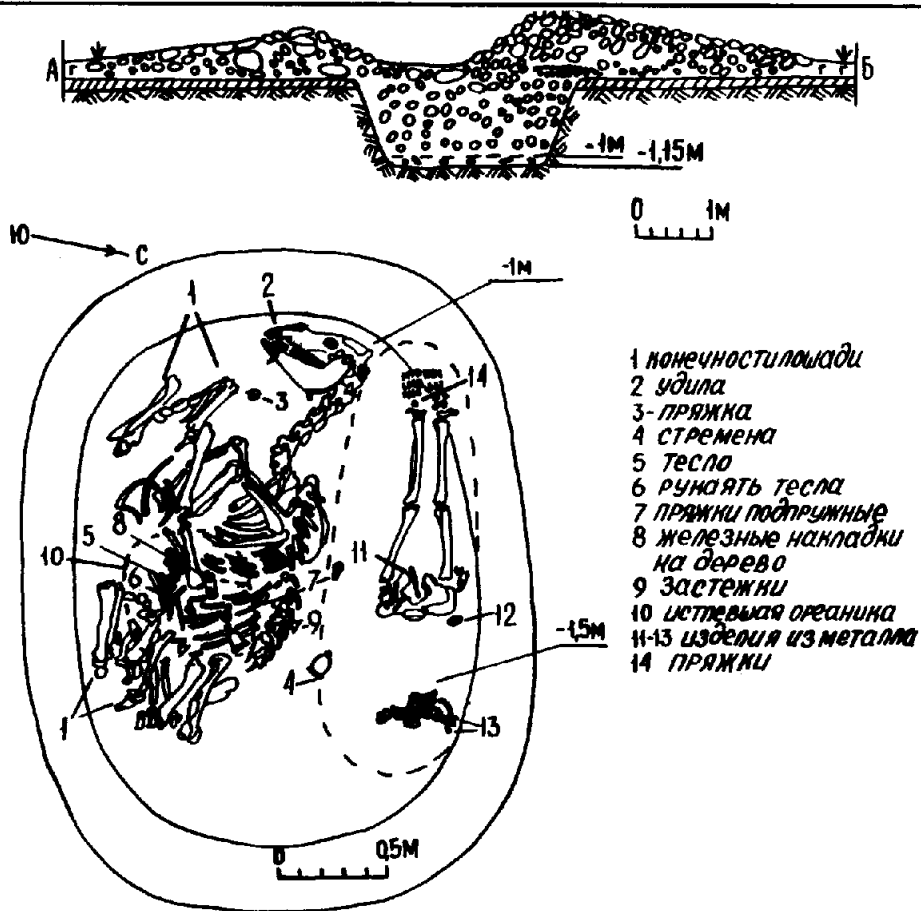

Рис. 1. Разрез и план погребения кургана 1

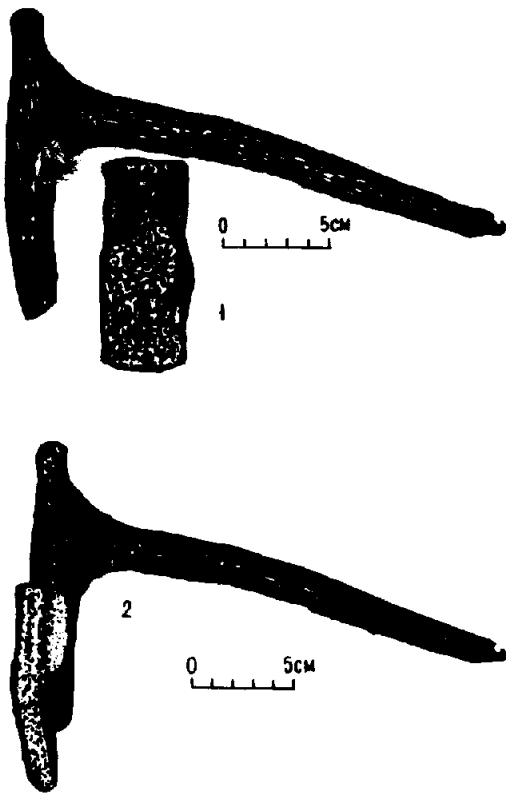

Рис. 2. Железное тесло с деревянной рукояткой из кургана 1

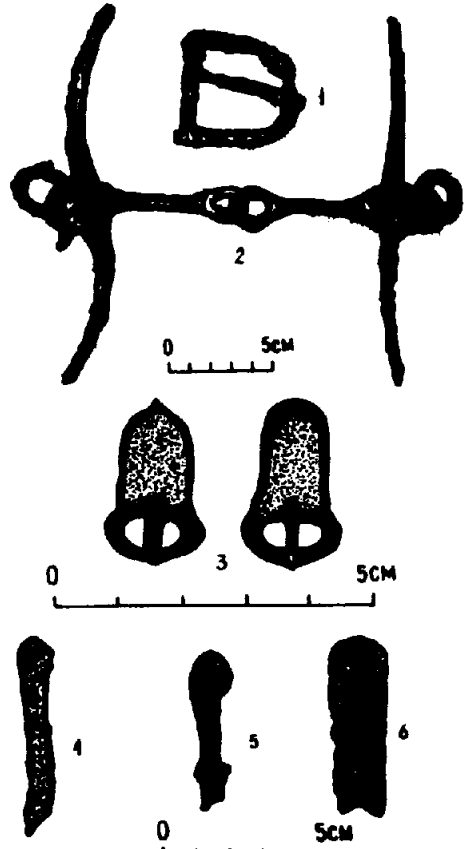

Рис. 3. Железные пряжка, удила с псалиями, пластинки и металлические пряжки из кургана 1

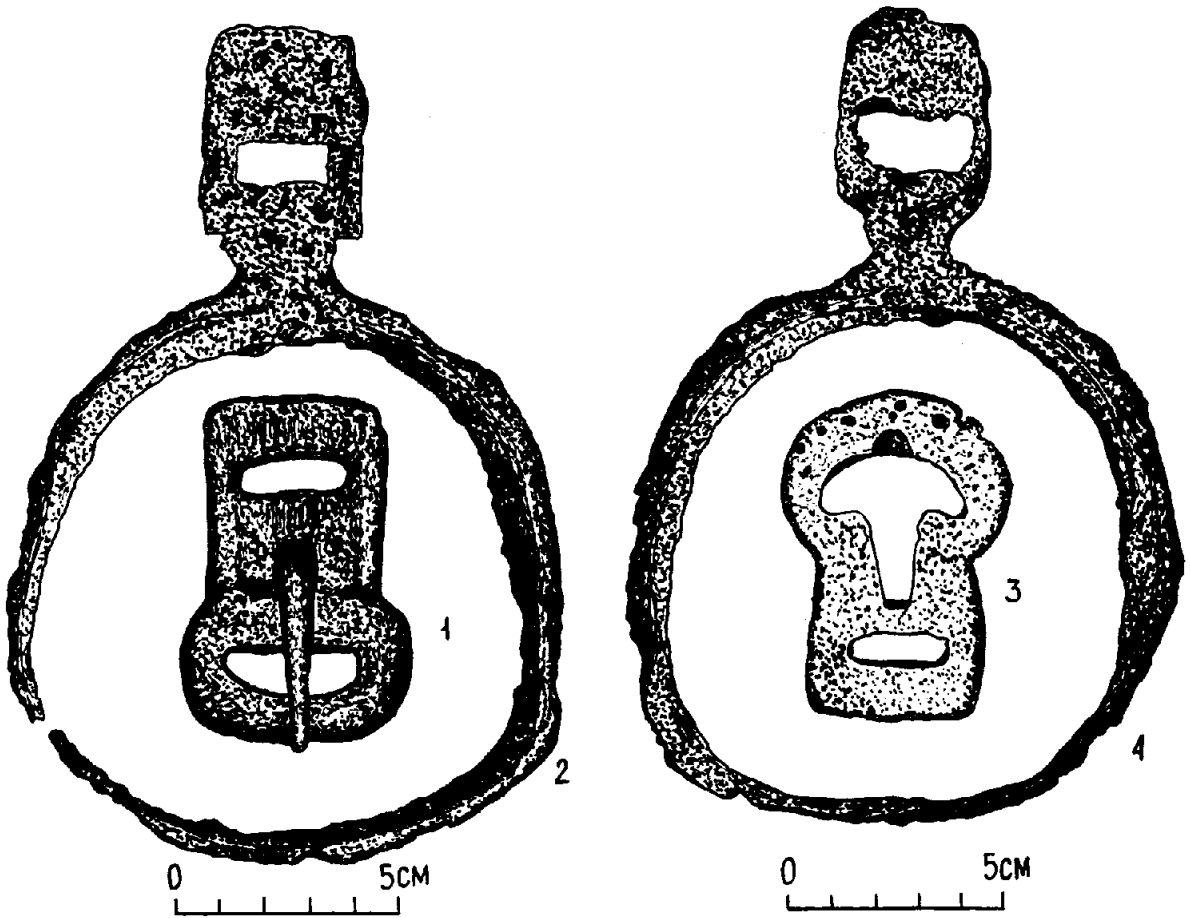

Рис. 4. Железные стремена и роговые подпружные пряжки из кургана 1

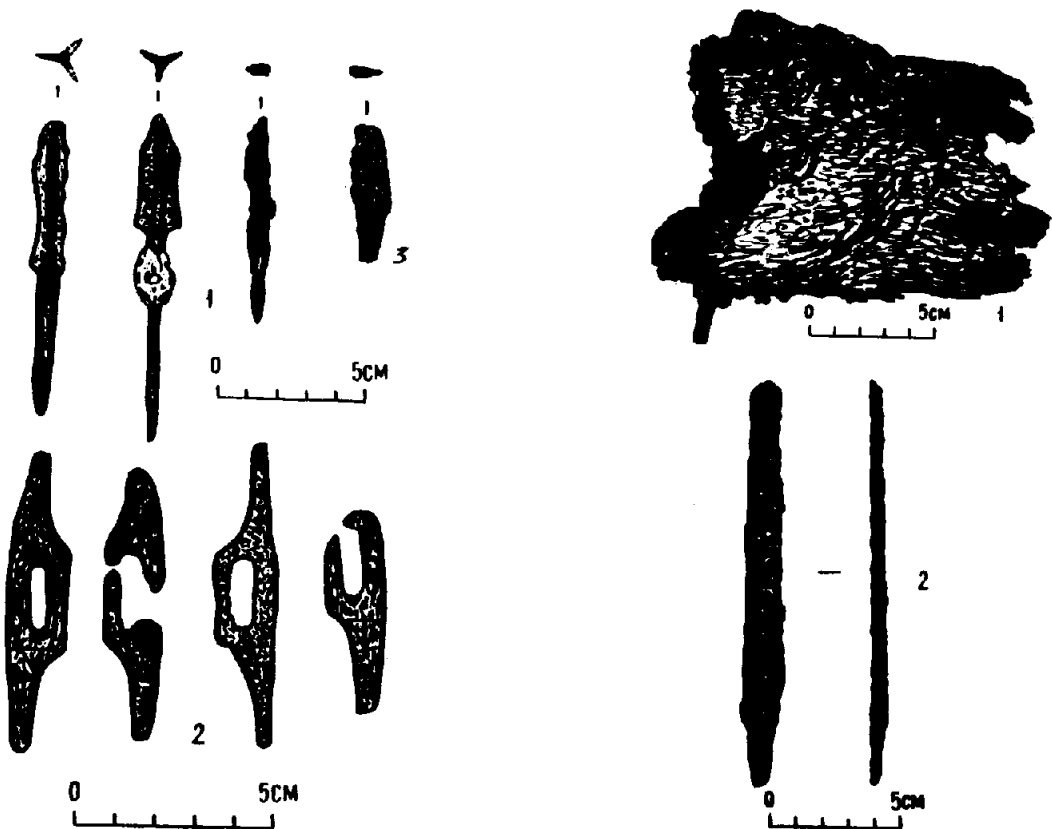

Рис. 5. Железные наконечники стрел и роговые застёжки от пуг из кургана 1

Рис. 6. Фрагмент органики и железная стамеска из кургана 1

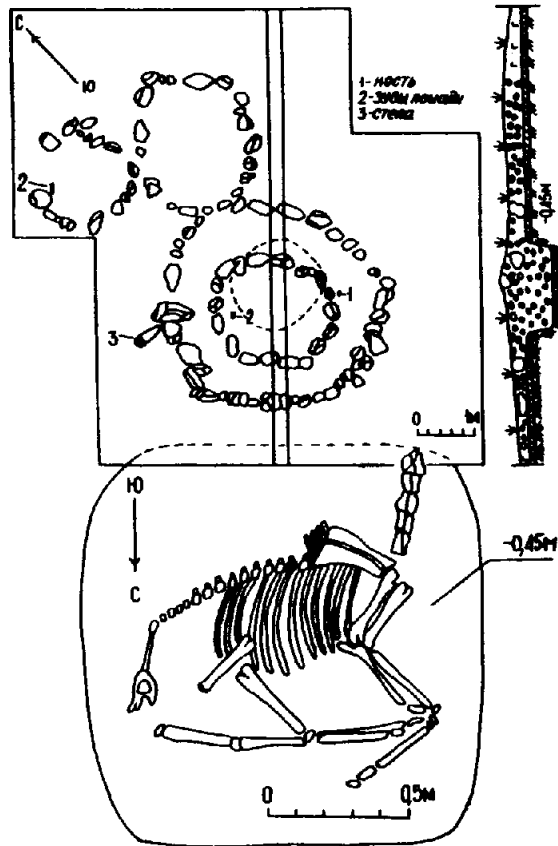

Рис. 7. План колец и погребения кургана 2

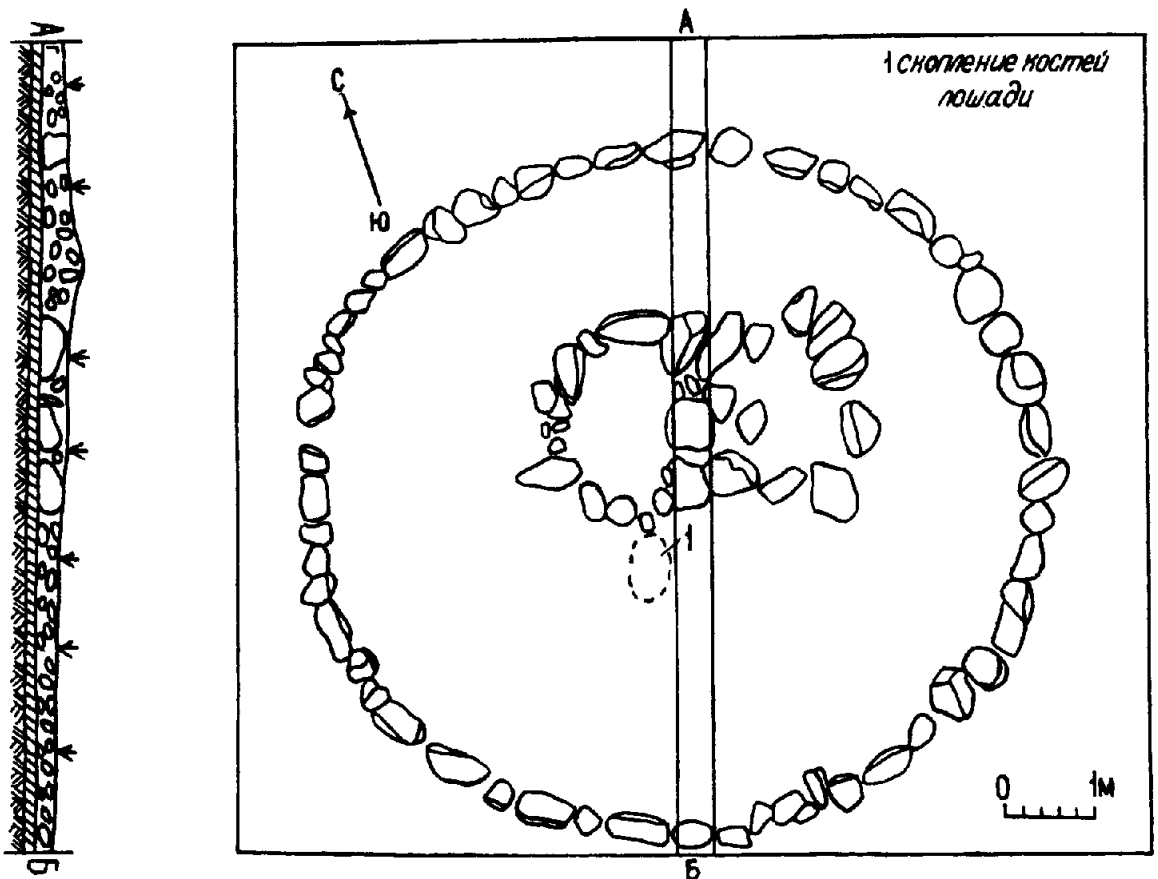

Рис. 8. План колец кургана 3

Такой способ разрушения погребений зафиксирован еще для памятников пазырыкской культуры (могильника Ябоган 3).

В целом, исходя из общего облика инвентаря, мы можем датировать данный курган в широких пределах, т. е. в рамках второй половины VII—первой половины IX вв. [2] и отнести к первым этапам выделенной Д. Г. Савиновым курайской культуры [4].

Наконец, третий могильник представлен овально-выгнутыми выкладками. Однако, в силу отсутствия в них каких-либо материалов, определить время сооружения этих памятников не представляется возможным.

Ю. С. Худяков, С. Г. Скобелев, Е. Б. Долговесова

ПЕТРОГЛИФЫ БУЗУРГАШ

В процессе исследования наскальных рисунков в среднем течении р. Катунь было зафиксировано несколько памятников. Краткие сведения о петроглифах Бельтыр-Оека приводит П. П. Хороших [1]. Петроглифы Куюса в 1960-е годы исследовала Е. М. Берс. В 1965 г. их исследовал А. П. Окладников. Результаты этих работ были опубликованы Б. А. Фроловым, А. Н. Сперанским, Е. А. Окладниковой [2]. В 1970-е годы на местонахождении петроглифов в гроте Куюс работали В. Д. Кубарев и А. П. Погожева [3]. Результаты этих работ были обобщены в монографии Е. А. Окладниковой (4). В 1978 году петроглифы долины Томыс-Кан были обследованы В. Н. Елиным [5].

В связи с развертыванием крупномасштабных археологических работ в зоне затопления Катунской ГЭС был возобновлен поиск новых местонахождений петроглифов. Были заново скопированы известные рисунки на местонахождениях Карбан и Куюс [6]. Работы по фиксации наскальных изображений проводили Д. В. Черемисин, В. Н. Елин, Е. П. Маточкин [7].

В ходе полевых работ Катунского отряда Алтайской экспедиции ИИФФ СО АН СССР, в зоне затопления Катунской ГЭС, в долинах рек Катунь, Ороктой, Эдиган в 1988–1990 гг. было обнаружено большое количество поселений, курганных могильников, одиночных курганов, поминальных сооружений, петроглифов [8]. Среди них определенный интерес представляет петроглифический памятник Бузургаш [9]. Он расположен на высокой террасе правого берега р. Катунь, западнее дороги Еланда-Куюс, в 8 км от с. Куюс, на скальном останце [10] (рис. 1).

Рисунки находятся на вертикальной плоскости гранитного останца, обращенной на юго-восток. Площадь поверхности, на которой нанесены рисунки, составляет 3,9x2 м. Останец поврежден трещинами. С южной стороны от скального монолита откололся массивный обломок. Поверхность скалы, на которой имеются рисунки, покрыта патиной. В нескольких местах отдельные участки плоскости повреждены в результате отслаивания патинизированного слоя скалы.

Рисунки занимают значительные участки по обоим краям плоскости и обломившийся фрагмент останца. Они нанесены техникой точечной выбивки с помощью тупого каменного отбойника. Выбивка местами слабая, довольно нечеткая. Степень патинизации изображений различна.

Рисунки, выбитые на вертикальной плоскости скального останца, не образуют отчетливо просматривающихся композиций. В верхней части плоскости

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Все остеологические определения сделаны А. В. Гальченко.
2. Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 122–123, рис. 19.
3. Могильников В. А. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке/Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск. ГАНИИИЯЛ, 1986. С. 35–53.
4. Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 61–71.

изображены горные козлы, выполненные в разной манере. Встречаются довольно схематичные изображения с непропорционально большими, круто загнутыми рогами, вздернутым или загнутым хвостом, расставленными ногами. У некоторых фигур изображены согнутые задние ноги и утолщенный круп. В этой же группе рисунков изображены собака-лайка с поднятым хвостом и незаконченная фигура.

Ниже расположены фигура человека с округлой головой, в одной руке лук со стрелой, другая опущена, ноги изображены в ходьбе, вокруг фигуры горных козлов с загнутыми рогами, вздернутым хвостом, расставленными ногами, фигуры копытных животных, возможно, лошадей, на одной из них изображен всадник, фигуры волков и собак, не вполне ясные, вероятно, незаконченные изображения. В нижней части камня выбиты три фигуры горных козлов, фигура копытного животного и неясные изображения. На другом краю вертикальной плоскости изображена фигура человека с округлой головой и широко расставленными ногами. В одной руке персонаж держит лук со стрелой, другая рука отведена в сторону. Рядом выбиты схематичная фигура горного козла с круто загнутыми рогами и два неясных рисунка животных. Еще ниже изображены ряд горных козлов с круто загнутыми рогами, собака, овца, неясные и незаконченные фигуры человека и животного.

На обломившейся части скального останца изображены три ряда горных козлов с круто загнутыми рогами и вздернутыми хвостами, широко расставленными ногами (рис. 2).

Несмотря на сходство стилистических канонов изображения человека и животных, между отдельными фигурами просматривается определенная разница.

Фигуры людей даны в характерной позе, в момент стрельбы из лука, когда стрелок как бы держит одной рукой кибить лука с натянутой тетивой и вставленной стрелой. Подобная манера изображения лука характерна для центральноазиатских петроглифов бронзового и раннего железного века [11]. Округлая голова, отведенная в сторону и согнутая в локте рука, широко расставленные ноги характерны для антропоморфных изображений бронзового и раннего железного веков Южной Сибири и Центральной Азии.

Среди диких животных преобладают фигуры горных козлов в профиль, идущих или стоящих. У всех козлов имеются массивные, непропорциональные, дугообразные рога. Чаще всего они даны одной, реже двумя линиями. У некоторых фигур рога ребристые. Голова, морда и шея изображались по-разному.

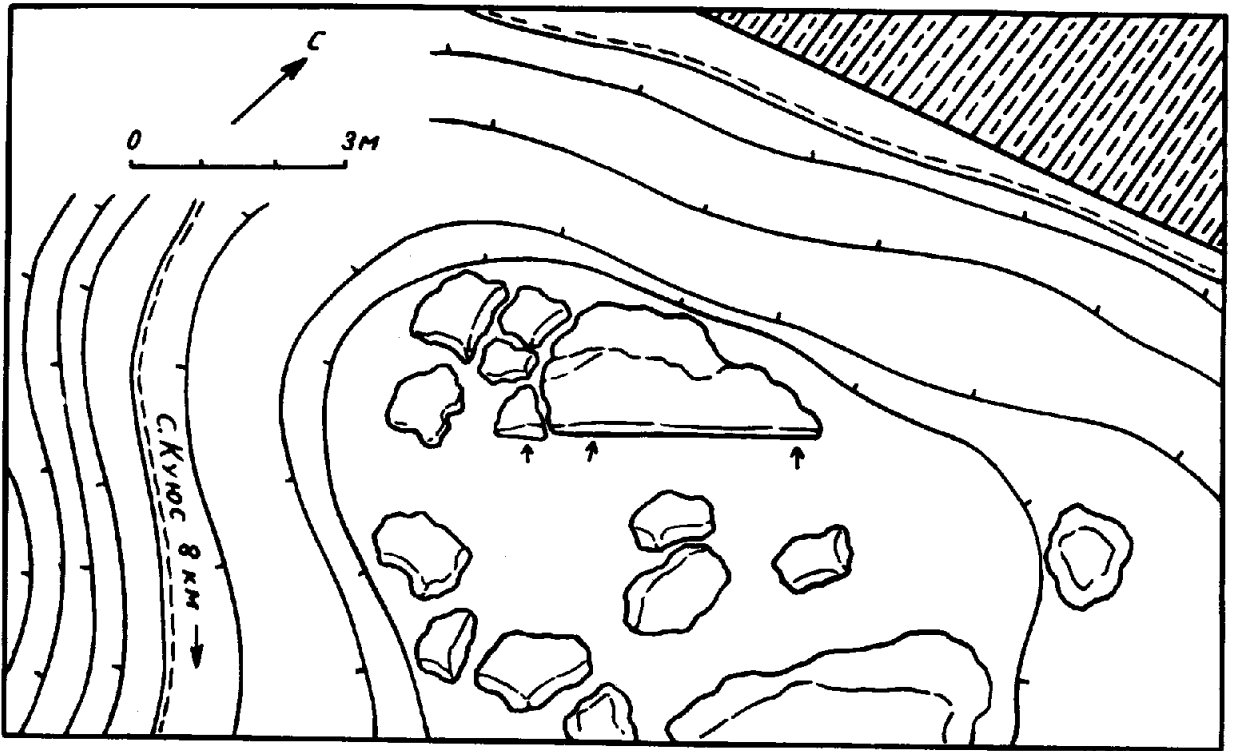

Рис. 1. План местонахождения Бузургаш

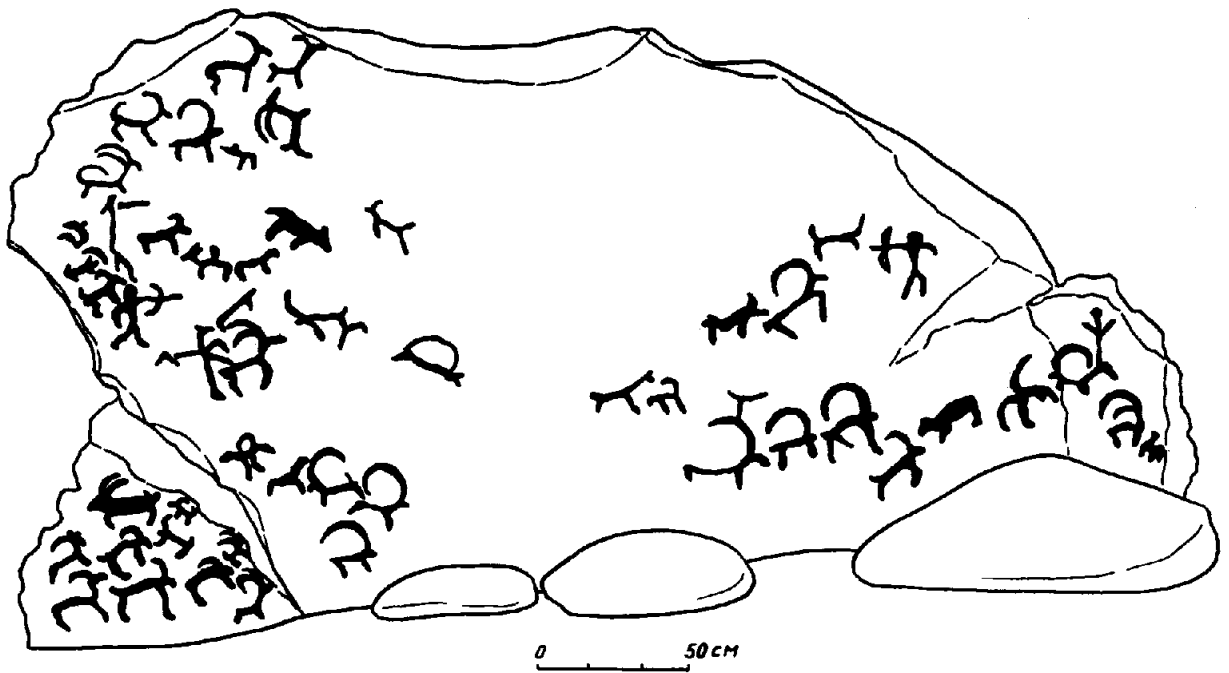

Рис. 2. Рисунки на скальном останце

ПРИМЕЧАНИЯ

Иногда довольно большими штрихами, реже почти незаметными. Туловище – порой довольно массивное, чаще всего дано одной линией, ноги в статичной позе. Реже выделен круп и согнутые передние и задние ноги. У некоторых козлов показаны задранные, иногда довольно длинные хвосты, однако нередко они бесхвостые. Собак или волков изображали с вытянутой мордой, стоящими ушами, длинной шеей, поджарым или массивным туловищем, длинными или короткими ногами.

Реже встречаются овцы с массивной головой и туловищем, короткими ногами. Отдельные фигуры напоминают лошадей с длинной мордой и ушами, короткой шеей, узким туловищем, прямыми ногами. На одной из лошадей изображен всадник. Некоторые рисунки не вполне ясны. Часть из них, вероятно, не закончена.

Большинство рисунков не образуют отчетливых композиций. Нередко фигуры животных нанесены в разных проекциях горизонтально и вертикально. Лишь отдельные группы рисунков с лучниками, собаками и горными козлами могут быть отнесены к традиционным для петроглифов «сценам охоты». Однако большая часть рисунков выбивалась вне связи с ними, обособленно.

Отсутствие характерных реалий затрудняет датировку памятника Бузургаш. Судя по аналогиям на других петроглифических памятниках Средней Катуни, эти рисунки могут датироваться довольно широко в пределах бронзового, раннего железного века и даже средневековья [12]. Однако наличие сложносоставного лука у одной из фигур лучников и характерная манера изображения дают основание отнести время появления памятника к эпохе раннего железа.

Назначение и семантика наскальных рисунков Бузургаша могут быть определены при сопоставлении наблюдений К. Йеттмара за элементами традиционной культуры горцев Гиндукуша [13]. Подобные рисунки горных козлов выбивались в процессе магических обрядов, посредством которых охотники стремились восстановить поголовье диких копытных, добываемых в процессе охоты.

В. П. Мыльников, Тэцу Масумото

ПОГРЕБЕНИЕ АЛТАЙЦА-ТЕЛЕНГИТА НА СРЕДНЕЙ КАТУНИ

В полевой сезон 1990 г. Семинский отряд Алтайской экспедиции Института истории, филологии и философии СО АН СССР проводил археологические изыскания в зоне предполагавшегося затопления Катунской ГЭС на правом берегу р. Катунь между ее притоками Чоба и Чобурак. Наряду с курганами раннескифского времени были проведены охранные раскопки одиночного погребения этнографического времени в могильной яме под каменной наброской.

Одиночный курган средней степени задернованности был сооружен на первой надпойменной террасе р. Катунь в 8 км выше с. Еланда вверх по течению реки, в 30 м от русла у подножия второй надпойменной террасы. Насыпь кургана была повреждена колесами автомобилей геологов и лесозаготовителей, спускавшихся к воде. На восточном склоне насыпи зияла довольно широкая нора, вырытая вначале крупным грызуном, а затем собаками. Из ямы торчали полусгнившие остатки жердей.

1. Хороших П. П. Писаницы Алтая: Предварительное сообщение //КСИИМК. 1947. Вып. XIV. С. 19.
2. Фролов Б. А., Сперанский А. Н. Исследование древних наскальных изображений в Горном Алтае//АО 1966. М., 1967. С. 158–161; Окладникова Е. А. Петроглифы Куюса (долина р. Катунь, Алтай)//Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975. С. 122–129.
3. Кубарев В. Д. История изучения археологических памятников Средней Катуни//Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 10–11.
4. Окладникова Е. А. Петроглифы Средней Катуни. Новосибирск, Наука, 1984.
5. Елин В. Н. Петроглифы долины Томыс-Кан//Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. Горно-Алтайск, 1983. С. 109–115.
6. Елин В. Н., Соснов В. И. Новые археологические памятники в зоне планируемого строительства Катунской ГЭС//Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 167–176; Маточкин Е. П. Граффити Карбана//Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 150–160.
7. Кубарев В. Д. История изучения... С. 11.
8. Худяков Ю. С., Скобелев С. Г., Мороз М. В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 г.//Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 95–149.
9. Худяков Ю. С. Отчет о работе Катунского отряда Алтайской экспедиции ИИФФ СО АН СССР в долинах рек Эдиган и Ороктой в зоне затопления Катунской ГЭС в Шебалинском районе Горно-Алтайской а. о. в полевом сезоне 1990 г. Новосибирск, 1990.
10. Памятник обнаружен С. Г. Скобелевым в 1989 г.
11. Окладников А. П., Худяков Ю. С. Образ воина на писаницах Монголии//Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 28–29.
12. Окладникова Е. А. Петроглифы Куюса... С. 127; Елин В. Н. Петроглифы долины Томыс-Кан... С. 115.
13. Йеттмар К. Религии Гиндукуша. М.: Наука, 1986. С. 257–261, 448–450.

После разбивки бровок, снятия верхнего дернового слоя и зачистки кладка имела форму овала 2,7х3,2 м (рис. 1), высота 0,25 м. При разборке каменной кладки, сооруженной из круглых речных валунов, на глубине 0,2 м от современной дневной поверхности было обнаружено прямоугольное перекрытие из плохо сохранившихся деревянных жердей, уложенных горизонтально в два наката. Стволы диаметром от 5 до 16 см были ориентированы по линии восток–запад. Перекрытие возвышалось над материком на подстилке из буровато-серой материковой супеси мощностью 10–12 см и достигало в длину 2,1 м и в ширину 1,3 м. В процессе зачистки перекрытия по всей длине между накатами жердей выявлен слой бересты, уложенный волокнами поперек наката. Концы жердей были заострены топором и имели разное количество затесов: от 2 до 6.

С боков перекрытия по два с каждой стороны прослежены остатки тонких жердочек, уходивших

наклонно вниз на глубину 20 см. Это обстоятельство дает основание предполагать, что над двухнакатным перекрытием после погребения покойного был сооружен легкий навес, что-то вроде шалаша или конической юрты. На северо-восточном конце перекрытия между жердями второго наката обнаружены небольшой фрагмент тонкостенной неорнаментированной керамики и фаланга человеческого пальца.

После снятия двухнакатного перекрытия четкого могильного пятна не было, и границы могильной ямы прослежены по разности плотности ее заполнения из буро-серой супеси с мелкой галькой и материка того же цвета и состава. Могильная яма ориентирована по линии запад-восток, длина 168 см, ширина 72 см. На глубине 63 см от уровня древней дневной поверхности по северной стенке могилы в заполнении встречены большая фаланга кисти руки и шейный позвонок.

Под тонким слоем голубовато-серого речного песка на глубине 89 см от древней дневной поверхности был расчищен костяк мужчины средней степени сохранности (рис. 2). Кости ребер, ключицы, фаланги кисти правой руки сдвинуты со своих анатомических мест и перевернуты, по-видимому, сурком. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на запад, левой щекой на деревянном седле, сохранившем остатки кожного с войлоком перекрытия (рис. 2, 3). Под седлом (после его снятия) обнаружены два деревянных стремени очень плохой сохранности, изготовленные из толстых веток дерева (береза) (рис. 3). Такая деталь погребального обряда, как седло со стремени под головой покойного, отмечена рядом исследователей у южных алтайцев-теленгитов [2, с. 33; 4, с. 146].

Судя по стертым почти до основания коренным зубам, погребенный был глубокий старик, а по некоторым изъянам костяка — инвалид. Два шейных позвонка срослись вследствие отложения солей. На левой руке кость предплечья имеет на плечевом суставе большой костный нарост. Такой же изъян имеет локтевая кость у кисти руки, а лучевая еще при жизни покойного сломана посередине, и изломы затянулись костными мозолями.

Погребальный инвентарь скромнен и своим набором и расположением в могиле служит дополнительным подтверждением тому, что исследованное нами погребение было захоронением алтайца-теленгита (рис. 2) [1, с. 187; 2, с. 33–34; 4, с. 145–146]. С правого бока на уровне груди стоял на дне самодельный медный котелок высотой 14 см, диаметром 16 см, переделанный из старого чайника. На месте носика и на дне сохранились приклепанные овальные заплатки из железа. Котелок, по-видимому, закрывался деревянной крышкой, т. к. на дне его найдена кожаная петля с узелком (рис. 4). Рядом с медным котелком, чуть ниже его, на боку лежала деревянная чашка-пиала диаметром 14 см, высотой 8 см с поддоном толщиной 0,8 см. Справа от пиалы находилась деревянная ложка длиной 15 см, на сломанном конце ручки сохранившая небольшое отверстие (рис. 4). Все вышеперечисленное, вероятно, располагалось в кожаном мешке, следы которого местами кое-где сохранились. На поясе справа находился плохо сохранившийся кожаный мешочек длиной 12 см, высотой 6 см. Снизу к нему была прикреплена толстая (2 см) пластина-кресало. Над ней по обеим сторонам узкая (4 мм) медная пластинка и с одного бока

плоская, размером с трехкопеечную монету, неорнаментированная бляшка. Внутри кожаного мешочка помещались две неолитического облика пластины или сколы с нуклеуса (рис. 5). С левого бока у локтя левой руки лежала деревянная составная трубка с деревянным чубуком со следами использования (рис. 6). Под кистью левой руки — остатки кожного мешочка (кисет). На груди у правой руки обнаружен железный предмет, похожий на листовидный наконечник стрелы, обернутый в ткань (вероятно, талисман) (рис. 5). На дне могилы в области таза и ног погребенного прослежены остатки войлочной подстилки. Тончайшие остатки кожи сохранились на больших берцовых костях. Покойный при погребении был обут в кожаные сапоги ручной работы, остатки которых сохранились в могиле. Насколько позволяют судить останки, сапоги были сшиты целиком из выделанной кожи и имели острые загнутые сверху носки (рис. 6). По нижнему краю вдоль подошвы был нанесен тисненый орнамент в виде шести вдавленных параллельных тонких линий. Задники сапог сшиты из двух слоев кожи, между которыми проложены тонкие берестяные прокладки. Подошвы не сохранились, вероятно потому, что были сделаны из толстого войлока, остатки которого также были нами зафиксированы. У Л. П. Потапова есть сведения о том, что такая обувь в прошлом веке была характерна для кочевников-скотоводов [3, с. 74].

Таким образом, ключевые моменты погребального обряда — надмогильное сооружение, труположение и расположение сопроводительного инвентаря в могиле — дают нам все основания предполагать, что исследованное одиночное погребение относится к разряду подземных погребений алтайцев-теленгитов и датируется по аналогии с данными исследователей традиционных черт народной культуры алтайцев второй половиной—концом XIX в. [5, с. 17–18; 2, с. 32–33; 4, с. 156–158].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и Саяны, совершенное в 1881 г. Томск, 1883.
2. Луценко Е. А. Поездка к теленгитам//Землевание. М., 1888. № 1–2. С. 32–36.
3. Потапов А. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л.: Наука, 1969. С. 74.
4. Тоцакова Е. М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX–начало XX в.) Новосибирск: Наука, 1978. С. 130–158.
5. Швецова М. Алтайские калмыки//Записки ВСОРГО. Омск, 1898. Кн. 23. С. 17–18.

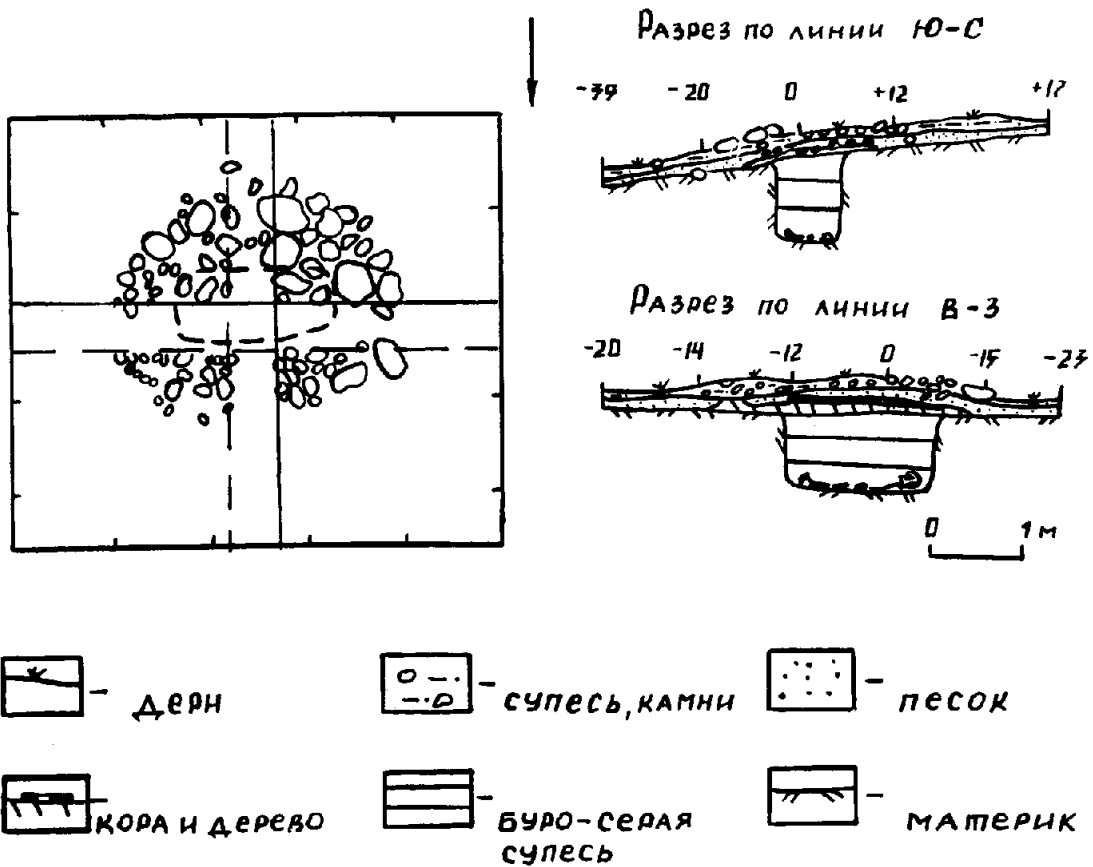

Рис. 1. План и профили бровок кургана

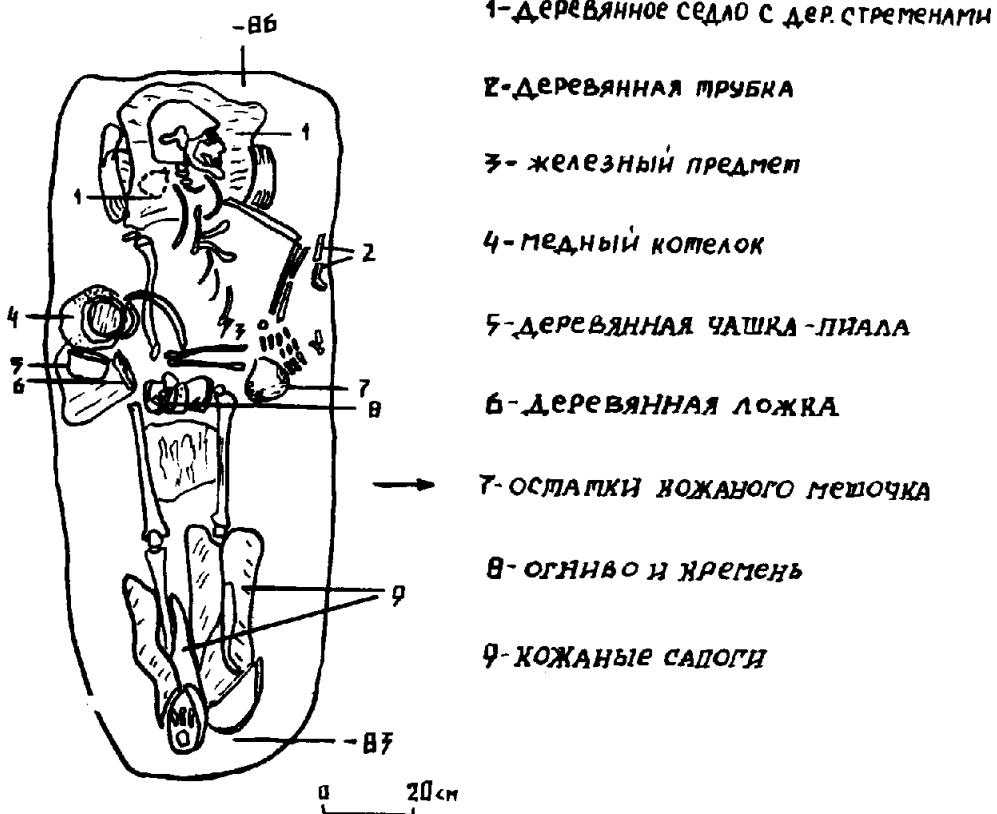

Рис. 2. План погребения

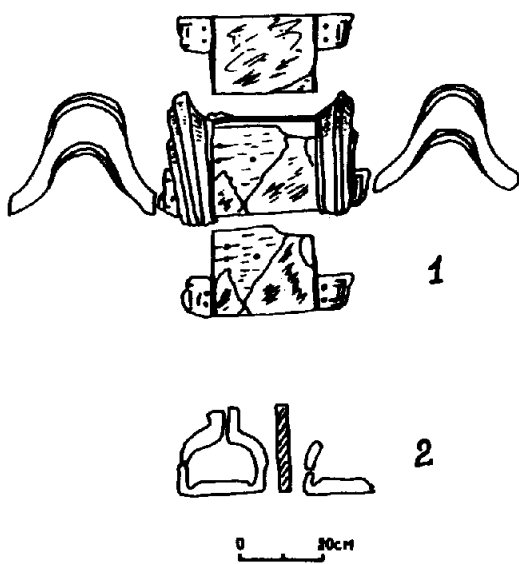

Рис. 3. 1 - деревянное седло;
2 - деревянные стремена

Рис. 4. 1 - медный котелок; 2 - остатки кожаного мешочка; 3 - деревянная пиала; 4 - деревянная ложка

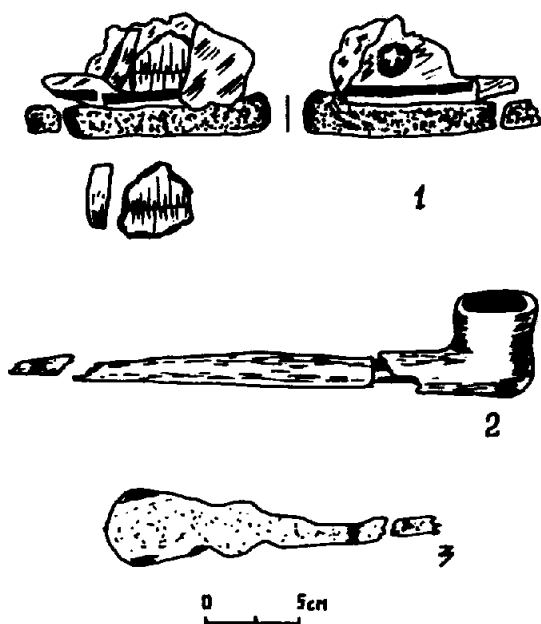

Рис. 5. 1 - кожаный мешочек с кресалом и огнивом; 2 - деревянная трубка; 3 - зеленый предмет

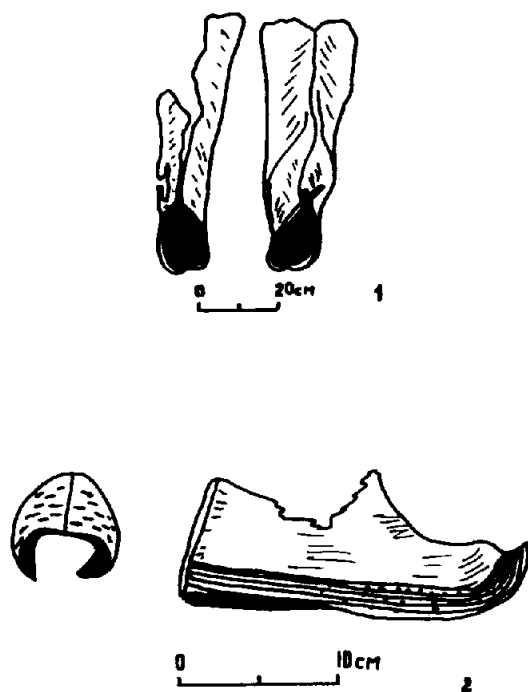

Рис. 6. 1 - кожаные сапоги; 2 - детали кожаных сапог

В. П. Семибратов

ФИНАЛЬНОМЕЗОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ ТЫТКЕСКЕНЬ 3

Материалы, полученные при раскопках поселения Тыткескенъ 3, неоднократно привлекали к себе внимание исследователей в связи с их большой значимостью для решения проблем мезолитической эпохи на Алтае [3, 5, 12, 14].

Цель данной публикации — ввести в научный оборот материал (в данном случае комплекс каменной индустрии), отнесенный нами ко времени финального мезолита.

Поселение Тыткескенъ 3 было зафиксировано в 1985 г. Н. Ю. Кунгуровой. За время работ с 1988 по 1991 гг. экспедицией Алтайского государственного университета вскрыта общая площадь в 728 кв. м. Поселение расположено на левом берегу Катунь (рис. 1–1) в 300 м выше устья р. Тыткескенъ. Памятником занят остаток третьей надпойменной террасы р. Катунь, имеющий высоту 30–32 м над уровнем Катунь и 10–12 м над уровнем Тыткескеня. Долина р. Тыткескенъ в нижней своей части сложена аллювиальными осадками Катунь. Осмотр рыхлых осадков, обнажаемых в срезе автодороги на левом борту долины, свидетельствует о разнообразии обломочного материала. Он представлен как чисто аллювиальным галечником хорошей анатомности, продуктами переотложения в конусах выноса, развившихся в более позднее время, так и угловатыми обломками и глыбами известняков [2, с. 24]. Площадка, занятая памятником, с востока, севера и запада ограничена правым берегом р. Тыткескенъ, а с южной стороны отрогами гор и вертикально стоящей известняковой скалой (рис. 1–2). Ее поверхность плавно поднимается от края террасы (северная часть) к скалам (перепад высот в раскопе более 2 м). Откос к реке занят березово-сосновым лесом, который достаточно хорошо маскирует площадку, не занятую древесной растительностью. Памятник, по данным А. Л. Кунгурова, имеет сложную стратиграфию, изменяющуюся от края террасы к скальным выходам [5, с. 15–18]:

1. 0–0,05 м — дерн;
2. 0,2–0,44 м — верхний гумусовый горизонт черного цвета с редким содержанием обломков известняка, галек и валунов. Мощность слоя увеличивается от севера (0,2 м) к югу (0,44 м). Также увеличивается и его насыщенность обломками известняка;
3. 0,1–0,5 м — нижний, более светлый, гумусовый горизонт. Мощность также возрастает к северу. В 57 м от северного края кровля слоя 3 насыщена обломками известняка, ниже (севернее) включений продуктов разрушения известнякового массива меньше. Общее увеличение гумусовой пачки объясняется смывом обогащенных перегноем частиц почвы с горы;
4. 0,05–0,3 м — серая лессовидная карбонатизированная супесь. Горизонт в южной части неоднороден (разорван погребенной почвой). Кромке террасы практически сходит на нет;
5. 0–0,1 м — темно-серая (насыщенная гумусом) супесь. Появляется в 53 м от края террасы и перекрывает слой 4;
6. 0–0,04 м — погребенная почва черного цвета с большим содержанием древесного угля. Появляется в 53 м от края террасы, подстиляет слой 5;
7. 0–0,05 м — погребенная почва темно-бурого цвета, насыщенная обугленной органикой. Подстиляет слой 6;
8. 0–0,1 м — погребенная почва темно-бурого цвета, содержит обугленную органику. Прослежена с 51 м от края террасы. Подстиляет слой 4;
9. 0–0,2 м — погребенная почва бурого цвета. Прослежена с 57 м от края террасы, подстиляет слой 8;
10. 0–0,3 м — серый золотистый песок. Фиксируется с уровня 47 м от северного края раскопа (край террасы);
11. 0–0,1 м — зеленовато-серый золотистый песок. Фиксируется с уровня 47 м от северного края раскопа;
12. 0–0,05 м — черно-коричневая погребенная почва, насыщенная органическими остатками. Является подошвой рыхлых отложений субаэрального генезиса. Ниже ее фиксируются аллювиальные отложения. Прослежена с уровня 47 м от края террасы;
13. 0–0,95 м — зеленоватый крупнозернистый аллювиальный песок. Проявляется как слой на уровне 30 м от края террасы;
14. 0–0,2 м — аллювиальный гравийный горизонт, проявляется в 35 м южнее края террасы;
15. 0–0,1 м — зеленоватый мелкозернистый аллювиальный песок, проявляется в 40 м южнее края террасы;
16. Ниже 0,35–3,48 м — аллювиальный валунно-галечный конгломерат — цоколь террасы.

Падение аллювия на глубину почти 3 м объясняется тем, что в древности под скалами проходило русло Тыткескеня, сместившееся позднее на свое нынешнее место. Оставшаяся старица была замята песком и гравием (слой 13–15) во время разливов Тыткескеня, а затем занесена субаэральными отложениями. Первое поселение возникло на Тыткескене 3 в эпоху палеолита (слой 12), когда большая часть этой площадки представляла собой галечную гриву, огораживающую засыпанное песком и гравием старое русло реки. После перерыва, оставившего 10–15-сантиметровый слой золотого надува (слой 11), место было заселено в раннемезолитическую эпоху (слой 10). Уже тогда поверхность террасы начала нивелироваться за счет смыва с гор. Слои 9–5 отражают периоды заселения террасы в позднем мезолите. По-видимому, большое количество тонких погребенных почв не связано с деятельностью человека, а отражает какие-то климатические сдвиги на Средней Катунь в начале голоцена. В финальномезолитическое время люди застали уже ровную площадку с незначительным подъемом к югу (к скалам), снисвелированную отложениями предыдущих эпох в старом русле Тыткескеня и засыпанную мелкой золотой лессовидной супесью (слой 4). В эпоху бронзы и железа терраса имела современный вид: постепенно нарастая, гумус полностью сгладил сложную стратификацию террасы. Финальномезолитический горизонт данного поселения (слой 4) представлен коллекцией, насчитывающей 2768 каменных артефактов (см. табл.). Сырьем для изготовления орудий служила местная сырьевая база. В основном использовались кремни черного и серого цвета из баратальской свиты среднего кембрия [2, с. 31]. Данный материал в изобилии встречается как непосредственно вблизи поселения, так и выше по долине р. Тыткескенъ.

Первичное расщепление. Первичная обработка данного комплекса представлена преформами, нуклеусами и предметами их подработки, пластинами, пластинчатыми отщепами и сколами.

Преформы. К ним относятся куски камня подчетырехугольной в плане формы, размер самого крупного изделия 100x61x59 мм. Они имеют разную степень подготовки, если 10 из них несут на себе только негативы нескольких бессистемных сколов, то у 7 преформ оформлены ударные площадки, перпендикулярные оси изделия и подработанные более мелкими поперечными снятиями.

Нуклеусы. Коллекция нуклеусов данного культурного горизонта насчитывает 21 экземпляр и представлена следующими типами.

Клиновидные нуклеусы (рис. 2-1, 2, 3). Один экземпляр этого типа (рис. 2-1) имеет укороченный торец и удлиненное тело. Основание и контрфронт острые, латерали обработаны продольно-поперечными сколами. Овальная по форме ударная площадка расположена перпендикулярно оси изделия и подработана мелкими продольно-поперечными сколами. Фронт скальвания выпуклый, со следами негативов снятия микропластин шириной 2-4 мм. Размеры нуклеуса 30x40x16 мм. Несколько отличаются от него два других нуклеуса этого типа. Они имеют удлиненный торец и укороченное тело (рис. 2-2, 3). Ребро нуклеусов, образованное двумя сходящимися латералиями, острое, подработанное с одной из сторон уплощающими поперечными сколами. На латерали одного из них (рис. 2-3) сохранились следы желвачной корки. Фронт скальвания у нуклеусов выпуклый, со следами негативов снятия пластин различной величины. Подтреугольные в плане ударные площадки образованы одним продольным сколом, нанесенным со стороны контрфронта, и расположены перпендикулярно оси изделия. Четвертый экземпляр этого типа нуклеусов имеет плоский, образованный одним продольным сколом контрфронт, таким же образом выполнены и обе латерали этого типа изделия. Фронт скальвания плоский, со следами негативов двух снятий. Подчетырехугольная ударная площадка подработана мелкими сколами и слегка скошена в сторону контрфронта.

Кельтовидные. Нуклеусы этого типа (рис. 2-4, 5) имеют удлиненно-овальную по форме ударную площадку, тщательно подработанную мелкими поперечными сколами. Фронт снятия и площадки у трех экземпляров расположены перпендикулярно друг другу. Снятия производились с двух противоположных торцов изделия. Фронт скальвания у всех нуклеусов этого типа выпуклый. Латерали образованы широкими продольными сколами, основание, образованное сходящимися латералиями, имеет долотовидную форму. Высота данного типа нуклеусов, как правило, меньше их длины. Исключение составляет один экземпляр данного типа (рис. 2-4), высота его равна 45 мм при длине в 30 мм. Он выполнен на кремневой плитке, латерали этого изделия несут на себе следы желвачной корки, приостренное с двух сторон основание имеет конусовидную форму.

Призматические. В коллекции присутствует один экземпляр этого типа нуклеусов (рис. 2-6). Данный нуклеус имеет округлую по форме ударную площадку, тщательно подработанную мелкими сколами. Снятия производились по всему периметру изделия, параллельно друг другу. Основание нуклеуса приострено с нескольких сторон, в результате чего оно имеет конусовидную форму.

Уплощенно-призматические. Нуклеусы этого типа наиболее стандартны (рис. 2-9). Они имеют неправильно овальную по форме тщательно подработанную мелкими продольно-поперечными сколами ударную площадку. У всех нуклеусов она расположена перпендикулярно оси изделия. Снятия производились по всему периметру изделия. Основание нуклеусов подработано с двух сторон продольными сколами и имеет долотовидную форму.

Атипично-призматические. Нуклеусы этого типа (рис. 2-10) имеют ударную площадку неправильной формы. У трех экземпляров она тщательно подработана направленными к центру мелкими сколами и расположена перпендикулярно оси изделия. У одного нуклеуса площадка образована одним снятием, направленным со стороны фронта скальвания, и слегка скошена в сторону контрфронта. Снятия производились с 2/3 части периметра изделий. Контрфронт у всех нуклеусов плоский, образован сколом, нанесенным со стороны ударной площадки.

Конусовидные нуклеусы (рис. 2-7, 8, 11) имеют округлую ударную площадку, у двух изделий она тщательно подработана мелкими сколами, направленными от края к центру. Снятия производились по всему периметру изделия, фасетки снятий пластин сходятся к нижнему концу изделия. Один нуклеус этого типа до предела сработан (рис. 2-11).

Карандашевидные. Возможно, этот тип нуклеусов (рис. 2-12, 13) получается в результате предельной сработанности нуклеусов призматического или конусовидного типа, но выделяется некоторыми исследователями как самостоятельный тип [1, с. 105]. Снятия производились по всему периметру изделий. Площадки округлой формы тщательно подработаны. У одного из нуклеусов (рис. 2-12) часть площадки утрачена в результате неудачного снятия. Основание у обоих нуклеусов отсечены и подправлены поперечными сколами.

Подработка нуклеусов представлена снятиями ударных площадок, реберчатыми сколами и сколами с фронтов нуклеусов. Снятия ударных площадок нуклеусов представлены двумя типами (разновидностями): округлой (4 экз.) и подтреугольно-вытянутой (8 экз.) формы. Площадки округлой формы подработаны серией сколов от края площадки к центру, в результате чего в центре образовались небольшие углубления. Негативы скальвания шириной 3-9 мм прослеживаются по всему периметру площадки. Толщина снятых площадок 4-10 мм.

Площадки подтреугольно-вытянутой формы подработаны значительно слабее либо вообще не подработаны. Толщина изделий уменьшается от фронта скальвания (9-16 мм) в сторону контрфронта (3-4 мм). Негативы снятий прослеживаются на 1/3 части периметра. Снятия с этих площадок, вероятнее всего, преследовали цель выравнивания скошенных в сторону контрфронта ударных площадок клиновидных нуклеусов.

Реберчатые сколы представлены снятиями с контрфронта нуклеуса (26 экз.) и снятиями с основания нуклеуса (7 экз.). Снятия с фронта нуклеуса представлены двумя типами. В первом случае производилось удаление непосредственно фронта скальвания (рис. 3-12, 15; 4-8). Мотивация такого поступка крайне сложна, удаление фронта могло производиться специально, некоторые несут на себе негативы одного и более неудачных предыдущих снятий, а могло произойти и в результате неудачного удара при скальвании очередной пластины. Во втором случае скальвание, на наш взгляд,

проводилось преднамеренно, в этом случае удалялась часть фронта скальвания и часть одной из латералей нуклеуса (рис. 2-18; 3-3, 7). Производилось это, скорее всего, в момент переоформления или переноса фронта скальвания на одну из латералей. Размеры такого типа изделий колеблются от 80 до 30 мм, два из них (рис. 3-3, 7) имеют вторичную подработку.

Определенный интерес для понимания техники расщепления данного комплекса представляют сколы подтреугольной или подчетыреугольной в плане формы. Дорсал этих изделий несет на себе негативы предыдущих снятий, чаще всего расположенных параллельно оси изделия. Ударные площадки у 19 экземпляров гладкие (рис. 5-27), у 4 экземпляров они фасетированы. Для выравнивания вентральной поверхности ударный бугорок у 6 экземпляров уплощен одним или несколькими снятиями. Некоторые экземпляры этого вида изделий типологически могут быть определены как левалуазские, но технология получения их иная. Такого типа изделия скальвались с преформ клиновидных и призматических нуклеусов в начальной стадии их использования. Дальнейшая доводка преформ нуклеусов до рабочего состояния дает нам новую категорию изделий, такую, как пластинчатые отщепы (рис. 3-8-11). Длина изделий этого типа, как правило, в два раза превышает их ширину, но маргиналы расположены не параллельно друг другу, а, как правило, веерообразно расширяются к дистальному концу. Дорсал изделий этого типа несет на себе следы предыдущей подработки преформы.

Итоговым продуктом расщепления являются ножевидные пластины. Всего в слое обнаружена 191 пластина трапецевидной или треугольной сечения. Учитывая то, что целых пластин всего 29, и поддерживая мнение некоторых исследователей о том, что «длина ножевидных пластин играет меньшую роль при определении хронологии комплекса, нежели их ширина» [10, 11], классификация их проводилась по следующим параметрам: мелкие шириной до 7 мм (рис. 4-9, 11, 12, 15-18, 21-24, 28-30, 36, 38, 46-48, 50-56, 60-62); средние от 8 до 15 мм (рис. 2-19-22; 4-7, 10, 13, 14, 19, 20, 25-27, 31-35, 37, 39, 40-45, 49, 57-59, 63); и крупные пластины шириной от 16 мм и больше (рис. 2-14-17; рис. 3-1, 2, 4-6, 13-14; рис. 4-1-4, 6). Для длины и ширины пластин был составлен график, который позволял вычлнить некоторые закономерности. Так, например, наиболее часто встречающимися являются пластины с шириной от 4 до 7 мм и длиной от 20 до 25 мм. Возможно, такой тип является наиболее оптимальным для данного памятника или соответствовал какому-то временному стандарту. Таким образом, техника расщепления, представленная на данном памятнике, была сориентирована на получение призматической пластины в основном мелких и средних размеров.

Орудийный набор. Из общего количества вторичной обработке подверглась 61 пластина, что составляет 31,9% от общего количества пластин и 14% от общего количества орудий. Если способ ретуширования пластин не отличается большим разнообразием, чаще всего это мелкая регулярная притупливающая, реже приостряющая ретушь, то места локализации ретуши довольно разнообразны.

1. Пластины, ретушированные с двух краев с дорсала (8 экземпляров). Ретушь выполнена на медиальных частях пластин, 4 из которых мелкие, 3 средние и 1 крупная. Ретушь на мелких и средних (рис. 4-57, 58, 59) пластинах притупливающая

регулярная. Медиальная часть крупной пластины (рис. 4-6) обработана разнофасеточной притупливающей ретушью, несколько видоизменившей первоначальные контуры изделия.

2. Пластины частично ретушированные с двух краев с дорсала — 7 экземпляров Ретушь мелкая притупливающая (5 экземпляров), средняя приостряющая (2 экземпляра). По величине и фрагментации они распределяются следующим образом: мелкие медиальные части (4 экземпляра); мелкие проксимальные (2 экземпляра); средние проксимальные (1 экземпляр).

3. Пластина, у которой с дорсальной стороны ретушью покрыты оба края и торец изделия (1 экземпляр) (рис. 4-7). Изделие изготовлено на медиальной части средней по размерам пластины. Ретушь разнофасеточная, очень круглая.

4. Пластина с обработкой с двух краев с дорсала и обработкой торца с вентрала (1 экземпляр) представляет из себя проксимальную часть мелкой по размерам пластины, с дорсальной стороны ретушь мелкая притупливающая, торец обработан с вентральной стороны приостряющей разнофасеточной ретушью.

5. Медиальная часть мелкой по размерам пластины, оба края с дорсала покрыты мелкой регулярной притупливающей ретушью, дополнительно на одном из краев выполнен резцовый скол (1 экземпляр).

6. Пластины, обработанные с дорсала по одному краю (10 экземпляров). Обработку правого дорсала (7 экземпляров) имеют 4 проксимальных фрагмента, три из которых мелких размеров и один средних, и 3 мелких дистальных фрагмента. Проксимальный фрагмент средних размеров на свободном левом крае имеет дополнительно боковой резцовый скол. Ретушь во всех случаях притупливающая. Обработку левого дорсала имеют 3 проксимальных фрагмента мелких размеров. Примечательно здесь то, что мелкая приостряющая ретушь занимает только 1/3 часть пластин.

7. Пластины с вентральной обработкой двух краев (4 экземпляра) (рис. 4-51). Все пластины этой серии представлены медиальными фрагментами мелких пластин. Ретушь во всех случаях регулярная притупливающая, расположенная по всей длине пластины. Исключение составляет одна пластина, у которой ретушь занимает 2/3 ее длины.

8. Пластина с вентральной обработкой одного из краев (9 экз.). Пластины, имеющие обработку левого вентрала (5 экз.) (рис. 4-52, 62), представлены медиальными фрагментами мелких пластин. Один фрагмент ретуширован лишь частично. Пластины с обработкой правого вентрала (4 экз.) (рис. 4-50) выполнены на трех медиальных и одном дистальном фрагменте мелких пластин.

9. Пластины, имеющие обработку правого вентрала и одного торца (2 экз.) (рис. 4-53), представлены медиальными фрагментами мелких пластин, ретушь на краях изделий мелкая регулярная притупливающая, ретушь на концах изделий мелкая разнофасеточная, расположена почти перпендикулярно оси изделия.

10. Пластины с двусторонней ретушью (5 экземпляров). Пластина с двусторонней ретушью по двум краям (1 экземпляр) представлена проксимальным фрагментом мелкой пластины, ретушь нанесена по двум краям с вентрала, по левому дорсальному краю, на правом дорсальном крае она присутствует лишь частично (рис. 4-60). У оставшихся ретушь нанесена следующим образом: два дистальных фрагмента мелкой пластины имеют полностью обработанный правый

дорсал, на вентрале же ретушь расположена лишь частично; один проксимальный фрагмент мелкой пластины имеет обработку двух краев с дорсала и одного вентрала, и один проксимальный фрагмент мелкой пластины имеет лишь частичную обработку.

11. Обработку торца имеют пять экземпляров пластин. Три изделия выполнены на дистальных фрагментах средней и два на медиальных фрагментах мелкой пластины. Торце у всех изделий прямой, расположен перпендикулярно оси изделия. Способ ретуширования у всех изделий одинаков: мелкая ретушь нанесена с вентральной части, почти перпендикулярно оси изделия.

12. Единственным экземпляром представлена пластина с выемкой. Она расположена на одном из краев проксимального фрагмента средней по величине пластины. Края выемки с вентральной стороны покрыты притупляющей разнофасеточной ретушью.

Следы утилизации прослеживаются на 12 пластинах в виде выкрошенности и выщербленности на одном из краев пластины. При анализе пластин следует учитывать еще и тот факт, что, согласно трасологическим наблюдениям, проведенным Н. Ю. Кунгуровой, для таких памятников, как Майма и Элекмонар, территориально и хронологически близких описываемому нами комплексу, было выявлено, что мелкие пластины без дополнительной обработки очень широко использовались в качестве вкладышей для метательного оружия и мясных ножей [10, с. 42]. Аналогичным образом правильные призматические пластины мелкого и среднего размера могли использоваться и жителями описываемого нами комплекса.

На пластинах выполнено семь резцов. Все они классифицируются как боковые одинарные. Пять экземпляров этого типа орудий выполнены на проксимальных фрагментах, четырех средних и одной крупной по размерам пластины, два на медиальных фрагментах мелкой. Резцовый скол у всех изделий выполнен на одном из краев пластины, параллельно оси изделия.

Следующую группу орудий, выполненную на пластинах, представляют острия (3 экземпляров). Скошенное острие (рис. 5–15) выполнено на медиальной части средней по размерам пластины. Его диагонально скошенный рабочий край подработан приостраивающей ретушью с дорсала. Второй экземпляр этого типа изделий изготовлен на проксимальном фрагменте средней по размерам пластины, несколько видоизмененной в процессе изготовления орудия (рис. 5–16). Рабочий край образован двумя диагонально скошенными плоскостями и частично подработан с вентрала. Третье орудие изготовлено на пластине крупных размеров (рис. 4–5), оно имеет выделенное жальце, тщательно подработанное с двух краев с дорсальной стороны. Обработке также подверглись и оба края пластины, левый дорсальный край в результате тщательной обработки превращен в орудие с зубчатым рабочим краем.

Орудия на отщепе представлены 224 экземплярами. Наибольшим количеством представлены скобели. Орудия этого типа выполнены на заготовках случайной формы и различных размеров. Типологически подразделяются по форме рабочего края. Присутствуют орудия с зубчато-выемчатым (рис. 6–13, 15), выемчатым (рис. 6–7, 8; 7–16) и прямым рабочим краем (рис. 6–10). Обработке у данного типа изделий разнофасеточной притупляющей ретушью подвергся только рабочий край.

Большую группу в 34 изделия составляют резцы. Несмотря на многочисленность данного типа орудий,

резцы в данном комплексе не дают морфологически устойчивых серий, которые позволяли бы провести их детальную классификацию. В силу этого их классификация была проведена нами по расположению одного или нескольких резцовых сколов относительно длинной оси заготовки. В связи с этим нами выделены следующие типы резцов: боковые на отщепе, выполненные продольными резцовыми сколами (14 экземпляров) (рис. 6–4, 5, 9, 12), угловые на отщепе (12 экземпляров) (рис. 6–1) и срединные, выполненные скошенными резцовыми сколами (8 экземпляров) (рис. 6–2, 6, 11). Следует отметить, что, независимо от нашей классификации, выделяется группа резцов (8 экземпляров), имеющих очень широкую рабочую кромку (точку) резца (рис. 6–2, 9, 11). Скребки в данном комплексе представлены следующими типами.

Концевые на пластинчатом отщепе (рис. 5–1, 2). У всех ретушь нанесена на дистальном конце отщепе, контуры рабочей части выпуклые. Три экземпляра этого типа имеют крутой рабочий угол и один пологий.

Концевые на отщепе (рис. 5–3, 4, 8). Лезвие у всех выполнено на дистальном конце отщепе, имеет полукруглые контуры рабочей части. Рабочий край у всех крутой.

Концевые боковые (рис. 5–7, 9, 10, 12, 13). Скребки выполнены на отщепе различной конфигурации, отличительной особенностью их является то, что, помимо дистальной части отщепе, у них обработке подверглась одна, а в двух случаях и две боковые кромки отщепе. Угол рабочего края у 6 экземпляров крутой, у 2 пологий.

Полуовальные (рис. 5–5, 6, 14). Выполнены на отщепе полуовальной формы, рабочий край у них занимает почти весь периметр заготовки, за исключением ударного бугорка. Рабочий край у 2 крутой, у 1 — пологий.

Сегментовидные. Скребки этого типа выполнены на заготовках удлиненной формы, края которых веерообразно расширяются в сторону рабочей части. Рабочий край расположен на дистальной части отщепе. Рабочий угол у всех крутой.

Овальные (рис. 5–11). Скребок данного типа представлен одним экземпляром. Заготовка уплощена одним широким снятием с дорсальной стороны, ударный бугорок также подработан серией сколов. Обработан весь периметр изделия. Рабочий угол пологий.

Одним экземпляром представлен скребок случайной формы. Рабочий край выполнен на углу отщепе. Рабочий угол пологий.

В данном культурном горизонте обнаружено 10 скребел и 4 их обломка. Заготовками для них в 11 случаях служили отщепы, максимальные размеры 90х60 мм, в двух случаях первичные отщепы и в одном — кремневая плитка. Скребел с одним выпуклым продольным лезвием — 5 экземпляров (рис. 7–8, 11, 13), к этому же типу относятся и три обломка этих орудий. Три целых орудия этого типа и все обломки выполнены на отщепе, один экземпляр — на первичном отщепе и один — на кремневой плитке. Рабочий край обработан многорядной чешуйчатой разнофасеточной ретушью со стороны дорсала.

Продольно-поперечные скребла (3 экземпляров) представлены двумя целыми орудиями (рис. 7–12) и одним обломком (рис. 7–14). Оба целых орудия выполнены на отщепе, обломок — на первичном отщепе. Рабочий край у них расположен на дистальном конце

отщепы и одним из продольных краев, обработан с дорсальной стороны ступенчатой разнофасеточной ретушью. Двойное выпуклое продольное скребло (1 экземпляр) выполнено на отщепе, дорсал которого уплощен несколькими снятиями. Рабочие края расположены на двух продольных сторонах отщепы, обработаны ступенчатой среднефасеточной ретушью с дорсала.

Конвергентные скребла (2 экземпляра) (рис. 7-7, 15). Изделия этого типа имеют по два выпуклых рабочих лезвия, сходящихся под острым углом в одной точке. Лезвия обоих орудий обработаны с дорсальной стороны многоярусной разнофасеточной притупляющей ретушью. На вентрале одного из орудий (рис. 7-15) прослеживаются крупные фасетки уплощающих снятий.

Проколки. Выполнены на отщепе различной величины и формы, объединяет их то, что все они имеют небольшое выделенное жальце (рис. 5-17, 18). Края выемок и кромки жальца обработаны с дорсальной стороны притупляющей ретушью. У одного экземпляра (рис. 5-17) два таких жальца.

В описываемом нами комплексе присутствуют предметы, имеющие двустороннюю обработку. Это прежде всего ножи.

По форме можно выделить три группы этого типа орудий. Два экземпляра относятся к типу ножей, выполненных на плитках. Один выполнен на плитке кремня (рис. 7-1), другой — сланца (рис. 7-3). Они имеют овальное выпуклое лезвие, обработанное с двух сторон, в начале крупнофасеточной, а затем мелкой приотстригающей ретушью. На обеих плоскостях и частично на обухе сохранена желвачная корка.

Нож сегментовидной формы (рис. 7-4) выполнен на бифаскально обработанной заготовке, отличительной чертой которого является снятие и подработка 1/3 части обуха, в результате чего он напоминает базу наконечника. Острие образовано двумя сходящимися, обработанными с двух сторон плоскостями.

Ножи на отщепе (2 экземпляра). Один экземпляр — цельный (рис. 7-2), другой представлен обломком (рис. 7-5). Для изготовления этой группы орудий использовались отщепы. Если было необходимо, то дорсальная часть дополнительно уплощалась серией сколов (рис. 7-5), если же дополнительной обработки не требовалось (рис. 7-2), то изготовление сводилось к тому, что один из краев заготовки тщательно ретушировался с двух сторон.

Наконечники стрел. Один из наконечников имеет подтреугольную форму. Тщательно обработан с двух сторон мелкой отжимной ретушью, имеет прямое основание (рис. 5-22). Второй имеет листовидную форму, обработан с одной стороны, с другой подправлено жальце (рис. 5-24). Остальные представлены фрагментами: два фрагмента черешка с выпуклым основанием, один с вогнутым основанием (рис. 5-26), один с прямым и два с фрагментами пера без оснований (рис. 5-23, 25).

Долотовидные орудия. Выполнены на бифаскально обработанных заготовках подтреугольной формы (рис. 7-6, 8) (5 экземпляров) и одно на первичном отщепе (рис. 7-10). Все орудия имеют по одному рабочему краю, расположенному на поперечном конце заготовки. Лезвия обработаны с двух сторон, сначала разнофасеточной уплощающей, а затем мелкой притупляющей ретушью. На лезвиях трех орудий этого типа прослеживаются характерные следы смятости (рис. 7-9).

В материалах данного комплекса присутствует группа орудий, выполненных на крупных сколах и

кремневых желваках. 3 орудия этого типа имеют подтреугольное лезвие, обработка которого производилась с одной стороны крупными, почти перпендикулярными лезвием сколами (рис. 7-19), у одного орудия (рис. 7-18) оно дополнительно подработано с двух сторон. Один экземпляр этого типа орудий выполнен на крупном сколе, дорсал с проксимальной части уплощен крупным снятием, направленным параллельно длинной оси заготовки (рис. 7-17). Два продольных края, сходящихся в дистальной части под острым углом, дополнительно подработаны крутой ступенчатой разнофасеточной ретушью. Следы смятости, говорящие о том, что эти орудия использовались в качестве рубящих, не прослеживаются, зато на рабочих кромках лезвий присутствуют характерные заломы и выщербины, указывающие на то, что эти орудия, возможно, использовались в качестве стругов.

Отщепы с ретушью. Типологически эта категория инвентаря аморфна и невыразительна. В основном дополнительной обработке подвергались отщепы крупные (18 экземпляров) и средние (11 экз), мелких подработанных отщепов только три. Ретушь наносилась со стороны дорсала в 26 случаях, со стороны вентрала в 6. Ретушь эпизодическая разнофасеточная.

Отходы производства представлены отщепами и осколками. Отщепы подразделяются на первичные (со следами желвачной корки — [15]) и обычные. По диаметру они подразделяются следующим образом: чешуйки — диаметр до 10 мм; мелкие — от 10 до 30 мм; средние — от 30 до 50 мм и свыше 50 мм — крупные. Осколки представляют собой бесформенные куски кремня без следов обработки, по величине они распределяются так же, как и отщепы.

Подведем итоги анализа каменного инвентаря. Технично-типологические параметры позволяют нам включить данный комплекс в группу памятников, относимых к усть-семянской мезолитической культуре [7; 1, с. 60]. В рамках этой культуры выделяется группа памятников таких, как Манжерок 2 [14], Усть-Бийке 1 и 2 [6], Верх-Тельтехмень 2 и Верх-Тельтехмень 5 [12], а также описываемый нами комплекс, которые мы склонны относить к финальному этапу развития этой культуры. Не вдаваясь в подробную характеристику эволюции каменной индустрии усть-семянской культуры и принципов выделения этапов ее развития, ибо эта тема очень объемна и несколько не соответствует целям данной публикации, отметим только общие моменты, связанные с характером индустрии финальномезолитических комплексов. Набор типологически устойчивых форм призматических нуклеусов (насчитывающих семь разновидностей) был выработан еще на раннем этапе развития данной культуры. В дальнейшем развитие шло по пути микролитизации и усовершенствования техники скальвания пластин с уже знакомых заготовок. В интересующем нас периоде происходит заметное увеличение доли мелкой прямой пластины. Более разнообразной становится локализация ретуши (увеличивается количество пластин с вентральной и двусторонней обработкой). Определенным образом маркируют данный этап бифаскально обработанные орудия, острие на скошенных пластинах, струги-макролиты и резы с широкой рабочей частью.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Абрамова З. А. Палеолит Енисея. Афонтовская культура. Новосибирск, 1979. 127 с.

Таблица

**Тип-лист составных элементов каменной индустрии поселения Тыткескенъ 3
(4 культурный горизонт)**

№ п/п	Наименование типов изделий	Кол-во	% от общ. кол-ва	Рисунок	№ иллюстрации
Техника расщепления					
1.	Преформы нуклеусов	17	0,6		
2.	Сколы вторичные	23	0,8		
3.	Пластинчатые отщепы	69	2,4		
4.	Реберчатые сколы	33	1,1		
5.	Снятия площ. нуклеусов	12	0,4		
6.	Нуклеусы	21	0,7	2	1-13
	клиновидные	4	0,1	2	1-3
	кельтовидные	3	0,1	2	4-5
	призматические	1	0,1	2	6
	уплощенно-приматические	4	0,1	2	9
	карандашевидные	2	0,1	2	12-13
	конусовидные	3	0,1	2	7, 8, 11
	атипично-призматические	4	0,1	2	10
7.	Отщепы крупные	61	2,2		
	средние	237	8,5		
	мелкие	700	25,2		
	чешуйки	714	25,7		
8.	Первичные отщепы и сколы	74	2,6		
9.	Осколки крупные	188	6,7		
	средние	89	3,2		
	мелкие	73	2,6		
10.	Пластины крупные	20	0,7	2 3 4	14-17 1, 2, 4-6, 13-14 1-4, 6
	средние	70	2,5	2 4	19-22 7, 10, 13, 14, 19, 20, 25-27, 31-35, 37, 39, 40-45, 49, 57-59, 63
	мелкие	101	3,6	4	9, 11, 12, 15-18, 21-24, 28-30, 36, 38, 46-48, 50-56, 60-62

Таблица

**Тип-лист составных элементов каменной индустрии поселения Тыткескенъ 3
(4 культурный горизонт)**

№ п/п	Наименование типов изделий	Кол-во	% от общ. кол-ва	Рисунок	№ иллюстрации
Фрагментация пластин					
1.	Полные пластины	29	1		
2.	Дистальные фрагменты	50	1,8		
3.	Проксимальные фр-ты	60	2,1		
4.	Медиальные фр-ты	38	1,3		
5.	Сечения	14	0,5		
Изделия из отщепов и галек					
1.	Скребки	30	1		
	концевые на пласт. отщепе	4	0,1	5	1, 2
	концевые на отщепе	10	0,3	5	3, 4, 8
	концевые-боковые	8	0,2	5	7, 9, 10, 12, 13
	полуовальные	3	0,1	5	5, 6, 14
	овальные	1	0	5	11
	сегментовидные	3	0,1		
	случайные	1	0		
2.	Скребла	14	0,5	7	7, 8, 11, 12, 13, 14, 15
3.	Скобели	93	3,3		
	зубчато-выемчатые	32	1,1	6	13, 15
	выемчатые	34	1,2	6 7	7, 8 16
	с прямым краем	27	0,9	6	10
4.	Струги	17	0,6	7	17, 18, 19
5.	Проколки	16	0,5	5	17, 18
6.	Резцы	34	1,2	6	1, 2, 4, 5, 6, 9, 11, 12
7.	Долотовидные орудия	16	0,5	7	6, 8, 9, 10
8.	Ножи-бифасы	5	0,1	7	1, 2, 3, 4, 5
9.	Наконечники от стрел	8	0,2	5	22, 23, 24, 25, 26
10	Отщепы с ретушью	33	1,1		
	ИТОГО	2768	100%		

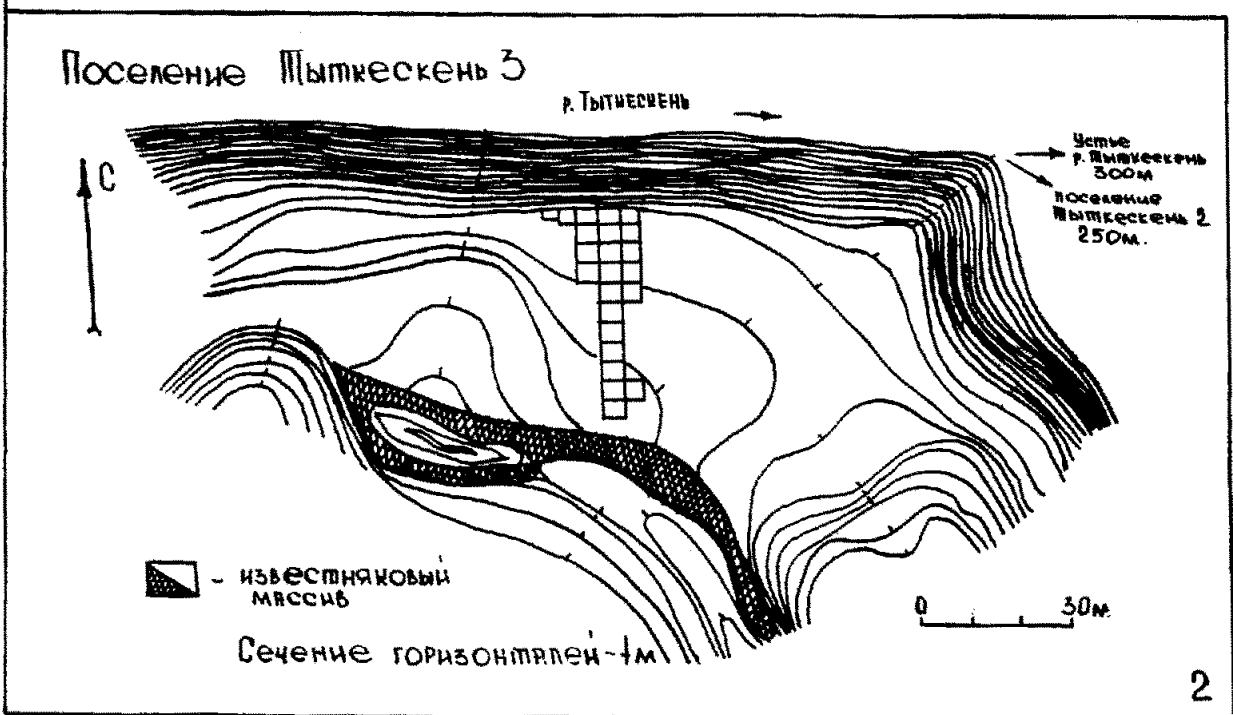
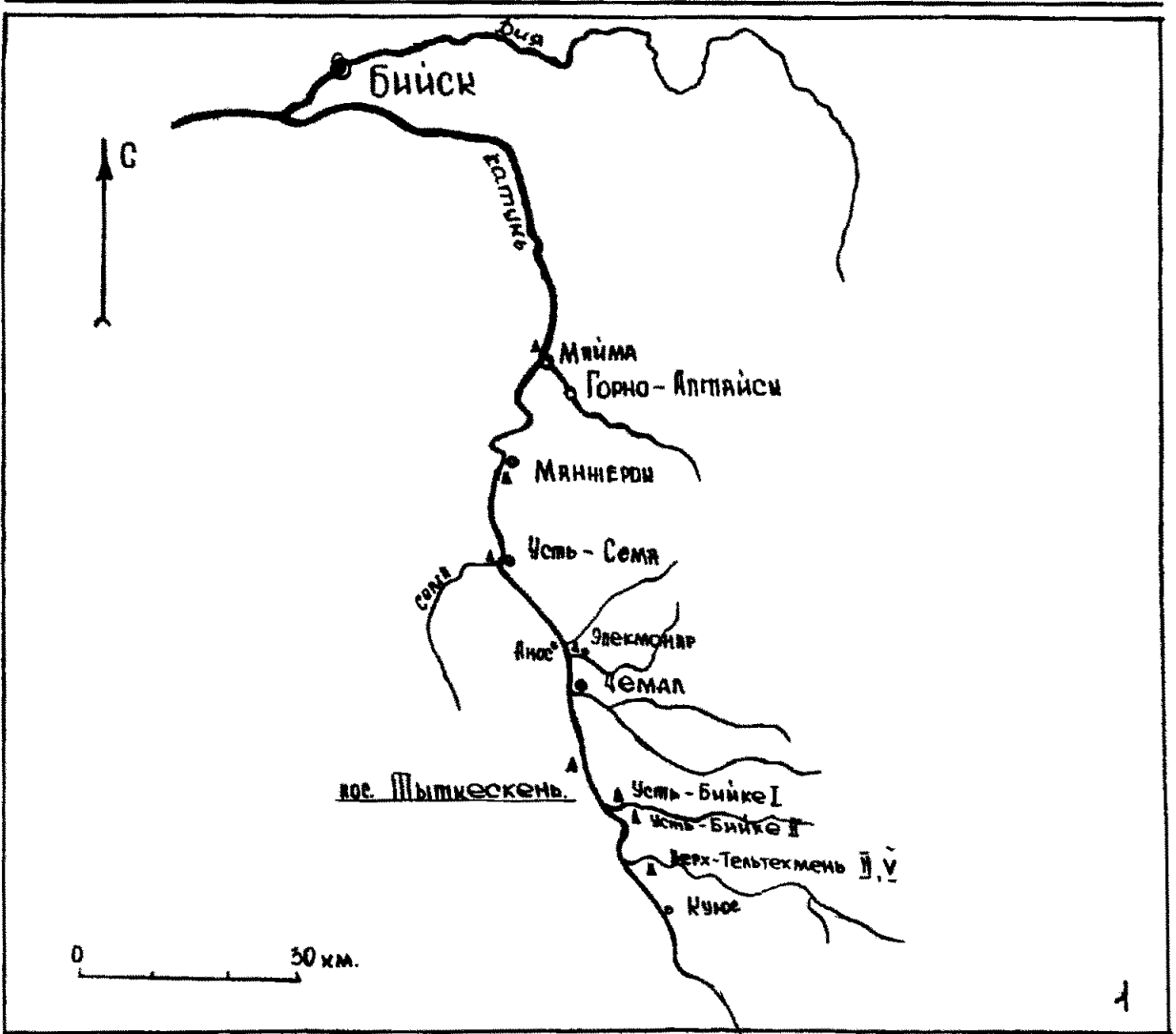

Рис. 1. Поселение Тыткескен 3. Схема расположения и план

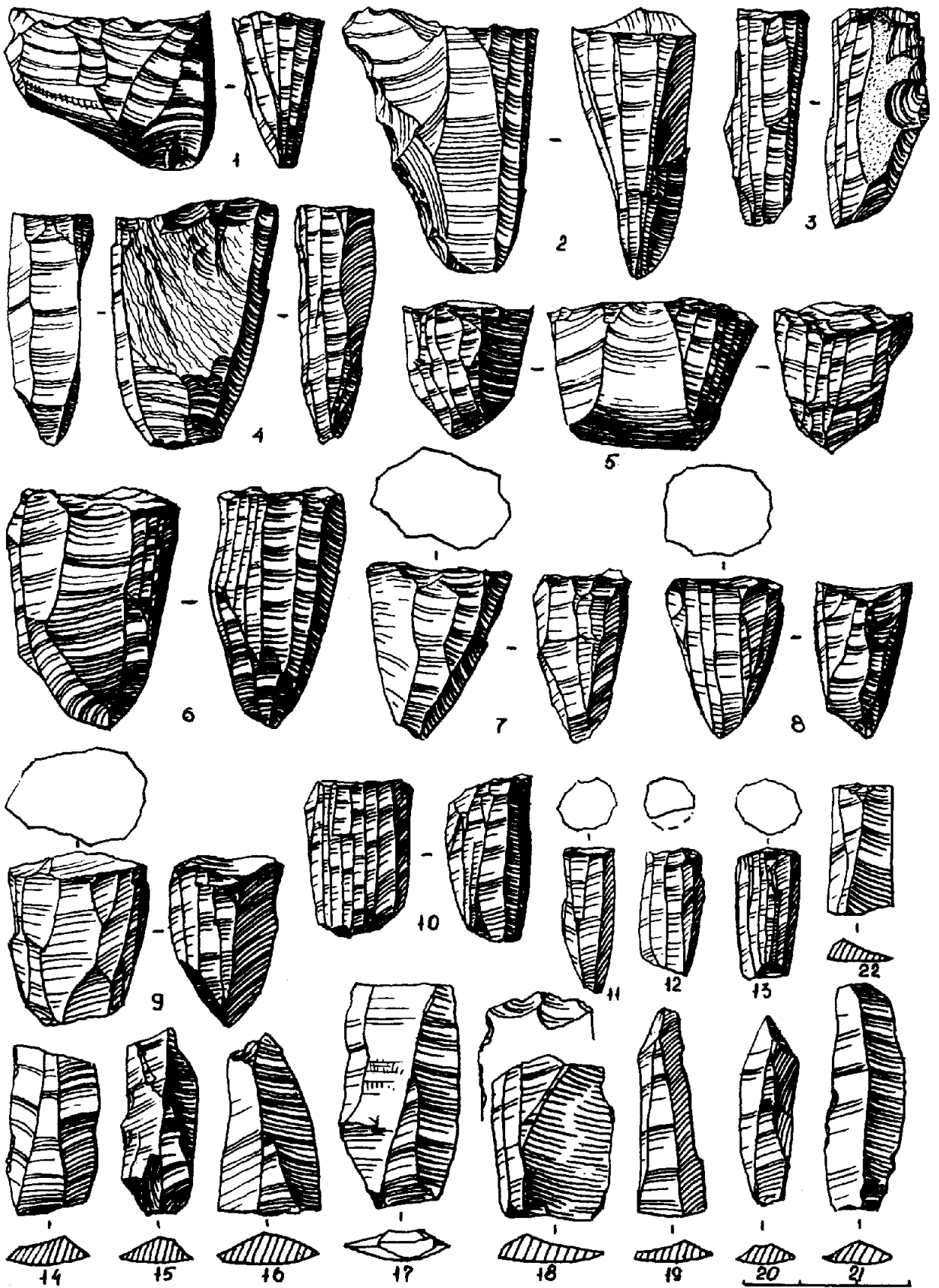

Рис. 2. Поселение Тыткескен' 3 (4 культурный горизонт). Нуклеусы

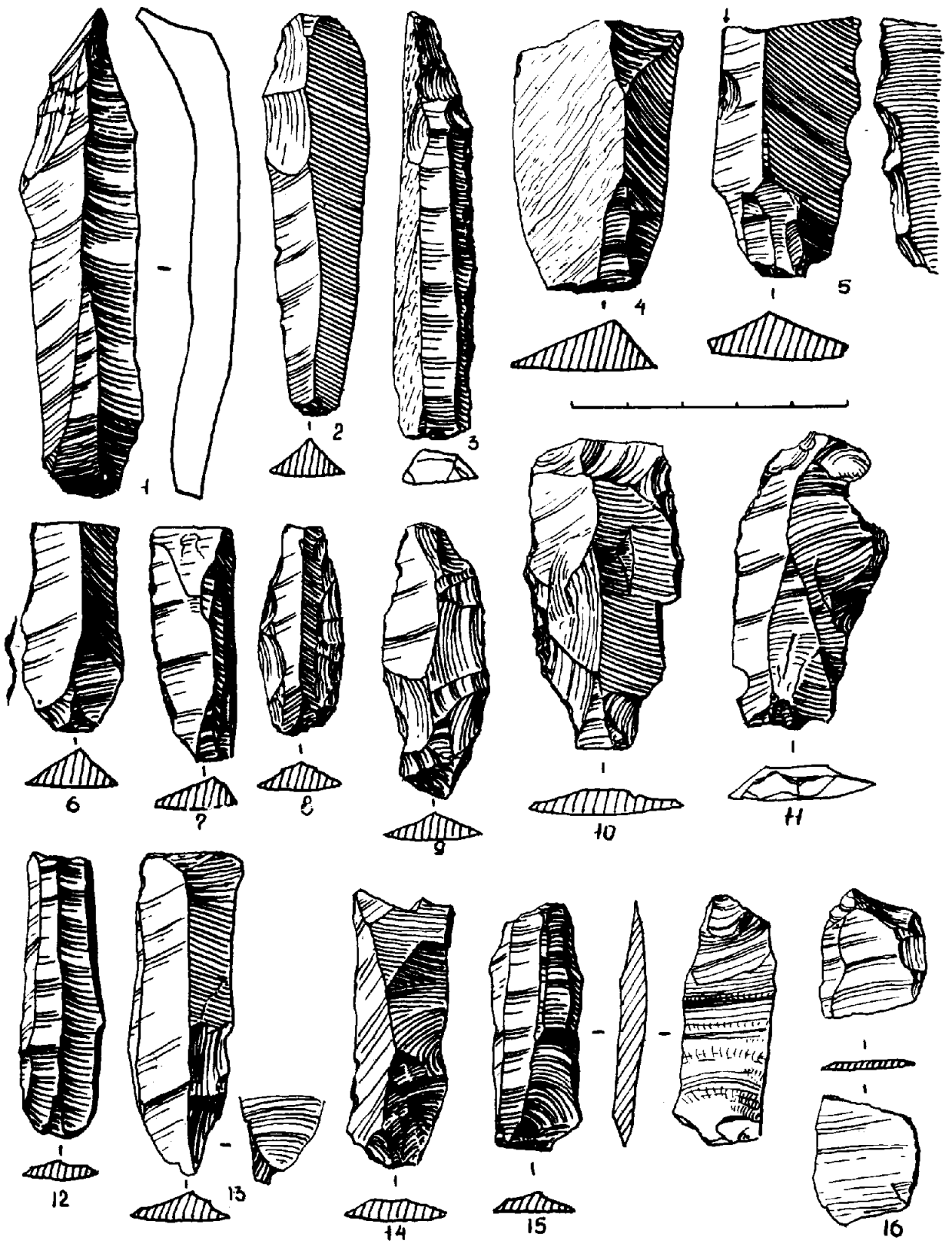

Рис. 3. Поселение Тыткескенъ 3 (4 культурный горизонт). Каменные орудия

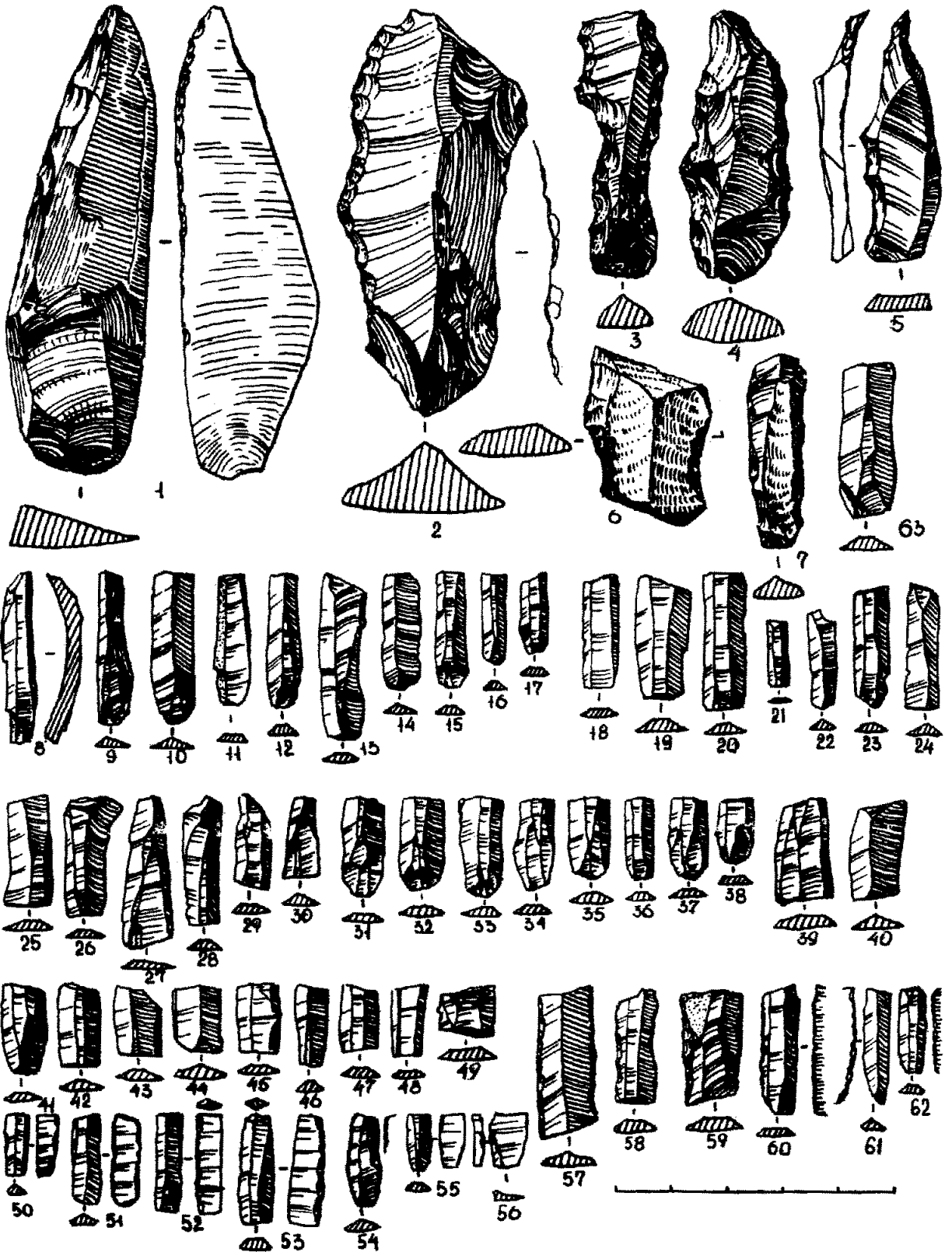

Рис. 4. Поселение Тыткескень 3 (4 культурный горизонт). Каменные орудия

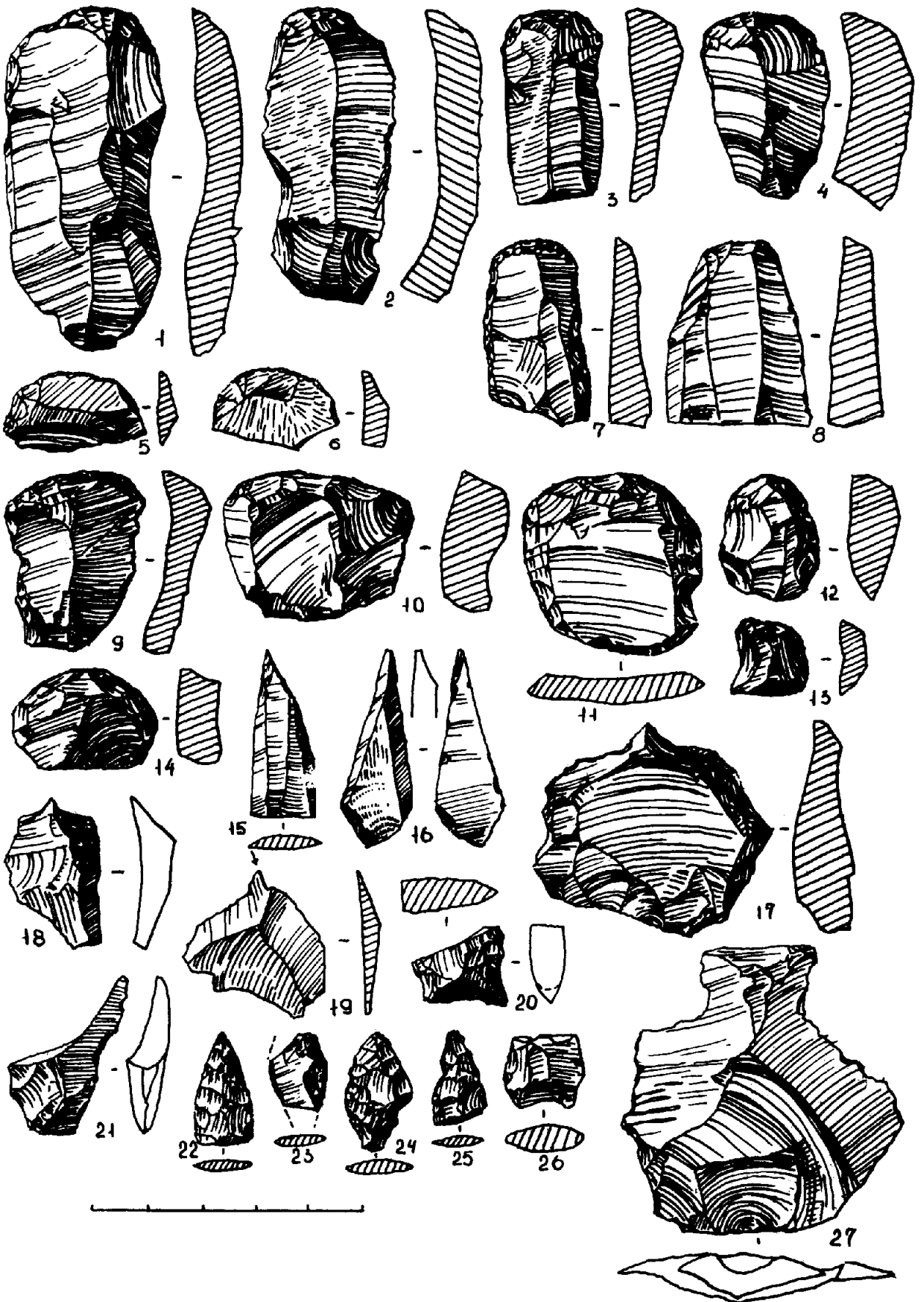

Рис. 5. Поселение Тыткескент 3 (4 культурный горизонт). Каменные орудия

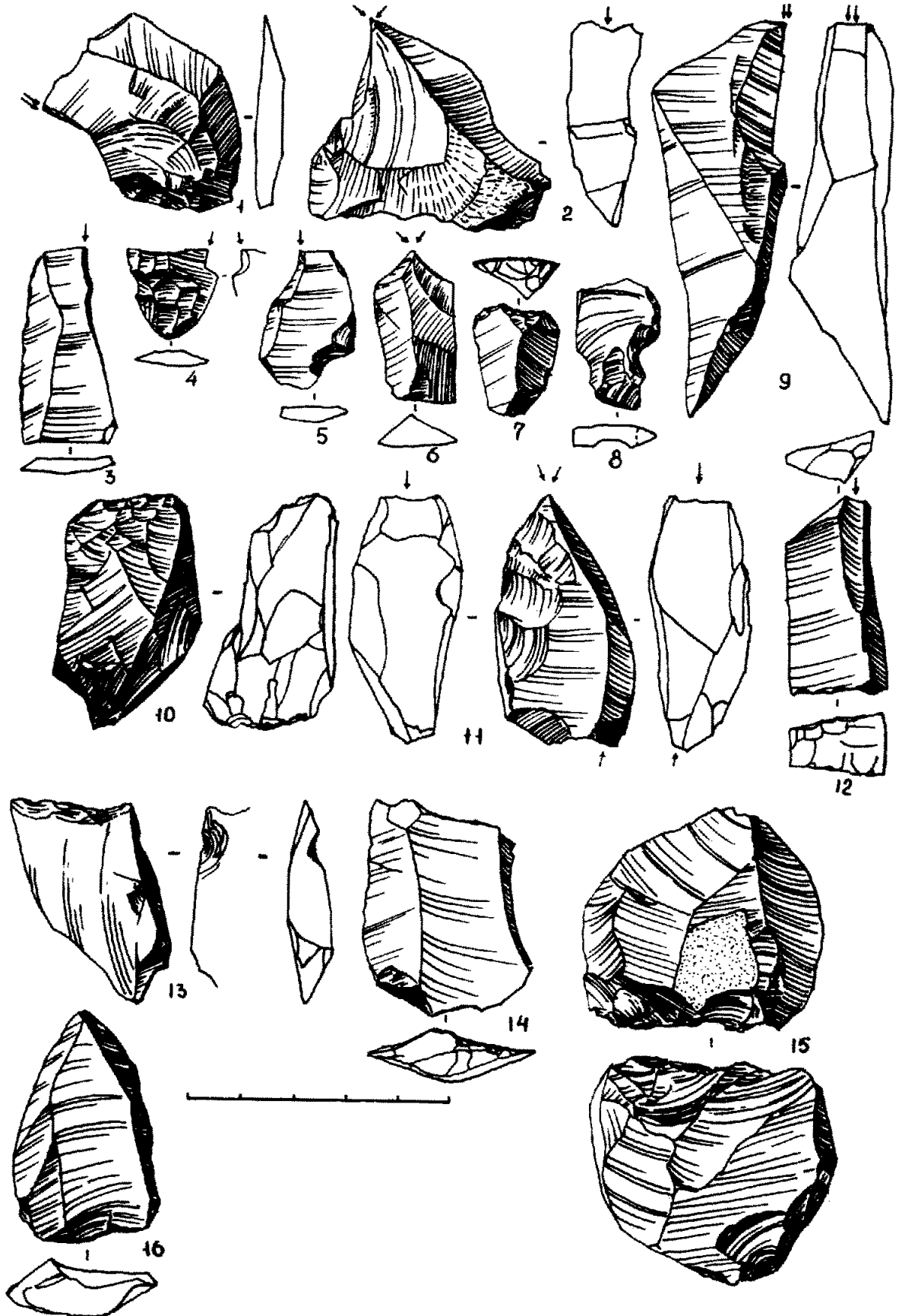

Рис. 6. Поселение Тыткескень 3 (4 культурный горизонт). Каменные орудия

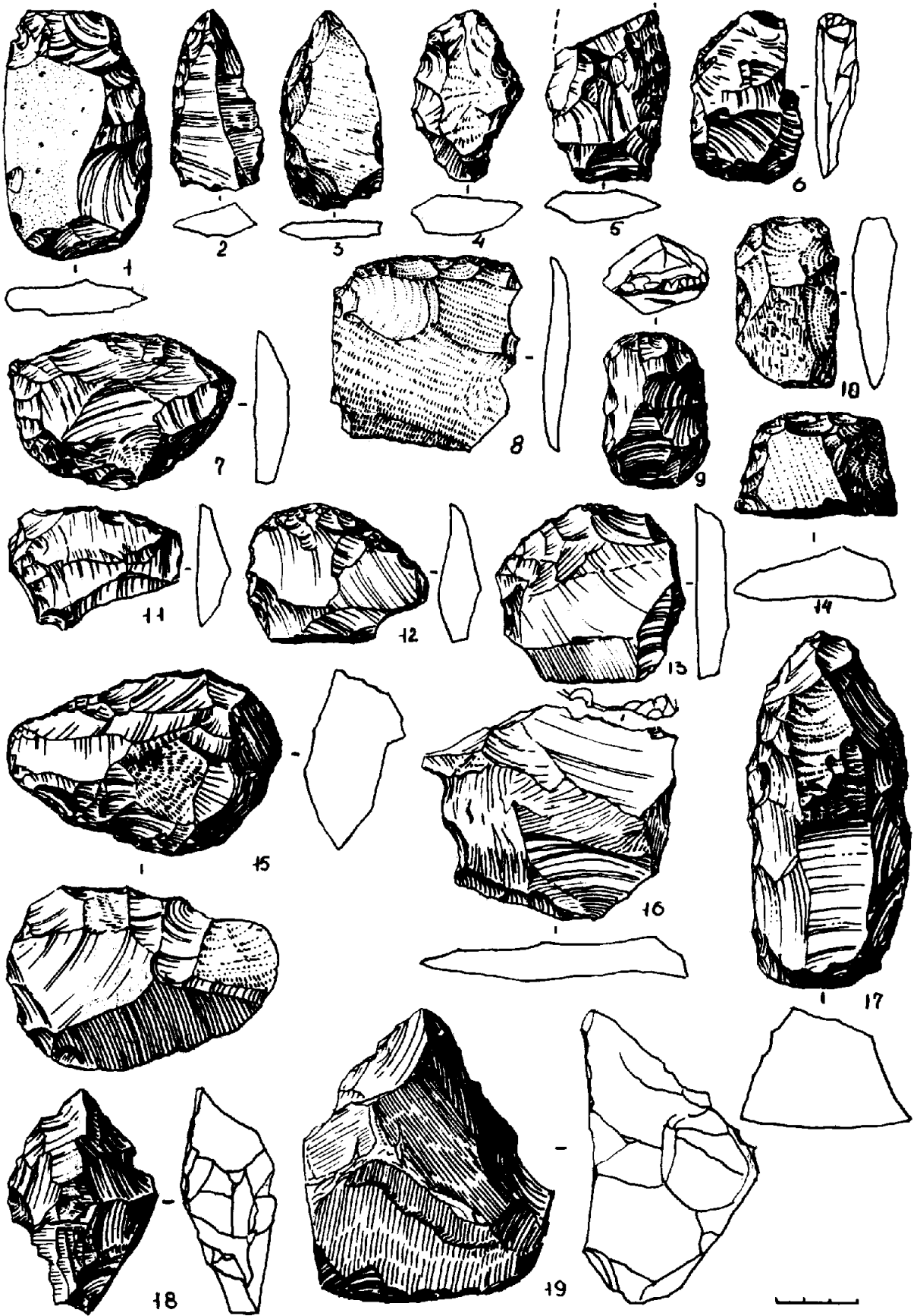

Рис. 7. Поселение Тыткескень 3 (4 культурный горизонт). Каменные орудия

2. Барышников Г. А. Отчет по выполнению хозяйственной темы 7190 «Палеогеографическое изучение археологических памятников, попадающих в зону затопления Катунской ГЭС». Бийск, 1990. Архив лаборатории АГУ. № 128.
3. Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л., Кирюшин К. Ю. Эволюция пластинчатой индустрии в мезолите—неолите Алтая//Способы расщепления камня в позднем каменном веке. Иркутск, 1995.
4. Кунгуров А. Л. Относительная хронология палеолитических памятников бассейна Катунь//Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул, 1991. С. 50—63.
5. Кунгуров А. Л. Отчет о полевых работах экспедиции «Тыткескен» в Шебалинском районе республики Горный Алтай летом 1991 г. (раскопки в устьевой зоне р. Тыткескен). Барнаул, 1992. Архив лаборатории археологии АГУ. № 777.
6. Кунгуров А. Л., Тишкин А. А. Находки финального мезолита в устье р. Бийке (Горный Алтай)//Охрана и изучение культурного наследия Алтая: Тезисы докладов к конференции. Ч. 1. Барнаул, 1993. С. 46—51.
7. Кунгуров А. Л. Многослойное поселение Усть-Сема//В печати.
8. Коробкова Г. Ф. Культура и локальные варианты мезолита и неолита Средней Азии//СА. 1973. № 3. С. 12—20.
9. Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала. М., 1976. 310 с.
10. Кунгурова Н. Ю. Микролитические памятники Средней Катунь//Северная Азия в эпоху камня. Новосибирск, 1987. С. 29—45.
11. Семibrатов В. П. Мезолитический комплекс поселения Тыткескен 3//Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока: Тезисы докладов к конференции. Т. 1. Красноярск, 1991. С. 65—66.
12. Семibrатов В. П., Степанова Н. Ф. Археологические исследования в устье р. Эдиган//Охрана и изучение культурного наследия Алтая: Тезисы докладов к конференции. Ч. 1. Барнаул, 1993. С. 52—59.
13. Семibrатов В. П. К вопросу о нижней границе мезолита р. Катунь //Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1994.
14. Молодин В. И., Петрин В. Т. Памятник с микролитическим инвентарем в Горном Алтае//Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул, 1990. С. 3—18.
15. В связи с тем, что для обработки на данном памятнике наряду с галечным материалом использовались кремневые блоки, добываемые из расположенной выше по течению р. Тыткескен кремнедобывающей штольни, то в силу этого поверхность блоков нами идентифицировалась как желвачная корка.

Ю. Ф. Кирюшин, А. Л. Кунгуров

МНОГОСЛОЙНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ТЫТКЕСКЕНЬ 6 НА КАТУНИ

Поселение Тыткескен 6 расположено в устьевой зоне одноименной реки, левого притока Катунь в 100 м выше места их слияния. Левый берег Тыткескена представляет в этом месте 15-метровую Катунскую доковую террасу, сложенную валунно-галечниковым конгломератом, а в верхней части золотым песком и гумусовым горизонтом мощностью от 0,1 до 0,5 м. Образование прослоек песка связано с разрушением толщи террасы, при котором песок сильным ветром, дующим по долине Катунь, переносится на поверхность террасы, а галечник скатывается по склону берега как самой Катунь, так и ее притока Тыткескена. Памятник открыт в ходе раскопок южной группы курганов могильника Тыткескен 6. Могильник в целом разновременный, раскопанные сооружения относились к скифскому, гунно-сарматскому и тюркскому времени [1; 2; 3]. Южный край поселения вдоль левого берега Тыткескена разрушен старым Чуйским трактом, часть, прилегающая к скальной окантовке долины Катунь, разрушается современной дорогой на пос.Шебалино. При раскопках курганов в осыпях берега и дороги найдено значительное количество артефактов, однако в статье использованы находки, не вызывающие у нас сомнения по их датировке и культурной принадлежности.

От кромки берега р. Тыткескен до курганного поля разбит раскоп, площадь которого составляет около 200 кв. м. Зафиксированы культурные слои раннего железного века (свыше 500 обломков керамики, не менее чем от 50 сосудов), эпохи бронзы (свыше 150 обломков керамики не менее чем от 30 сосудов), большемысской культуры (2031 каменное изделие, «скульптура» из плитки кремнистого сланца, обломок браслета из камня, 2 развала сосудов и

обломки не менее чем от 4 сосудов) и раннего неолита (обломки сосуда и 957 каменных изделий). Представленная работа является предварительной публикацией этого интереснейшего памятника, исследования которого будут несомненно продолжены.

Культурный слой раннего неолита. Этот горизонт залегает непосредственно под большемысским и стратиграфически связан с кровлей толщи золотого песка. Так как вскрыто лишь 16 кв. м., никаких хозяйственных объектов не зафиксировано, но значительная насыщенность слоя, о чем можно судить по количеству находок, позволяет предположить, что в дальнейшем они будут обнаружены. Подробный анализ каменной индустрии представлен в табл. 1, техника обработки и фрагментации пластин — в табл. 2. Исходя из их анализа, можно назвать индустрию слоя микролитической. Техника расщепления и орудийный набор слоя полностью соответствуют раннеолитическим горизонтам поселения Тыткескен 2, расположенного напротив Тыткескена 6, на противоположной стороне речки [4, 5]. Наиболее выразительную часть индустрии составляют мелкие и средние пластины, ретушированные с вентрала (рис. 2-19, 21, 22, 23, 31), дорсала (рис. 2-12, 15, 16, 25, 28), имеющие притупленный торец ретушь (рис. 2-14, 30), край (рис. 2-27) и разностороннюю ретушь (рис. 2-20, 26). Все они, по-видимому, являются вкладышами составных орудий, наряду с многочисленными сегментами и усеченными пластинами. Всего зафиксировано 14 типов изделий на пластинах (табл. 2), в том числе резцы (рис. 2-17), резчики (рис. 2-24), пластины с боковыми (рис. 2-13) и «торцевыми» (рис. 2-29) выемками. На одной пластине наряду с боковыми выемками оформлено своеобразное прямое скребковое лезвие (рис. 2-11). Следует отметить, что

часть изделий находит аналоги не только в комплексах Средней Катуни [6], но и в индустриях Юго-Западного Алтая. В частности, острине на пластине, оформленное двусторонней ретушью и резовыми сколами (по типу срединного резца), полностью соответствует изделию с Усть-Курьи (рис. 3-14). То же можно сказать и о наконечниках стрел, изготовленных из пластин и представленных, к сожалению, мелкими обломками. Отщеповые изделия полностью идентичны Тыткескеню 2 (рис. 1-2-12). Интересной находкой является стерженек крупного составного рыболовного крючка с боковым пропилом для крепления жальца (рис. 2-9). В комплексах более поздней энеолитической большемысской культуры стерженьки имеют совершенно другой принцип крепления жальца: срединный пропил и боковые выступы для стягивания костяного острия и стержня [8]. По-видимому, раннеолитический крючок — наиболее раннее изделие этого типа на Алтае. Его форма пока еще не выработана до оптимальной, наиболее удобной для условия рыболовства в реках с быстрым течением.

В небольшом количестве обнаружена и керамика (рис. 1-1). Сосуды не украшены, имеют горшковидную форму с плавным переходом от шейки к плечикам и прямой срез края венчика. Стенки достаточно тонкие, цвет теста красно-оранжевый. Именно такая керамика известна из раннеолитических слоев Тыткескена 2. Возможная датировка культурного слоя — VI тыс. до н. э.

Большемысский культурный слой. Он локализуется ближе к кромке берега, где частично раскопано крупное стационарное жилище полуземляночного типа. Часть его разрушена старым Чуйским трактом, поэтому точные размеры установить сложно. Скорее всего, жилой котлован, углубленный в песок на 0,4–0,5 м, имел подпрямоугольную или подквадратную форму с приблизительно размерами 25–30х30–35 м. Выход, был устроен к р. Тыткескеню. Все основные находки сделаны в заполнении жилища. Обращает на себя внимание очень большое количество каменных наконечников стрел (29 экземпляров). Все они треугольных или усеченно-ромбических очертаний с прямой или выемчатой базой-насадом (рис. 3-5; 4-1–15). Обработка, как правило, покрывает не всю поверхность наконечника, а только края. Сохраняется такой древний способ обработки как ретушировка одного фаса по краям, противоположную — по всей поверхности. Этот принцип оформления наконечников существует с мезолита. Наконечники Тыткескена 6 находят ряд аналогий с находками из могилы в Нижнетыткескенской пещере 1 (НТП-1), расположенной в 100 м выше памятника по речке на ее противоположном берегу [8]. Найден и обломок крупных орудий — бифасов, в том числе крупного клинка кинжала (рис. 4-16). Полное описание индустрии представлено в табл. 3. Из нее следует неоспоримый вывод: каменная большемысская индустрия не является микролитической. Пластин относительно мало, как и соответствующих им призматических нуклеусов (рис. 5-1–3, 7–22). Не следует также забывать, что ниже расположен раннеолитический культурный слой и часть пластин могла переместиться в большемысский горизонт при строительстве и функционировании жилища. Из пластин изготовлены прежде всего резцы (рис. 5-11, 19, 29–33), резчики (рис. 5-13, 23), фигурные скобели (рис. 5-24–28).

Основную массу изделий составляют орудия на отщепах и крупных специальных заготовках. Кроме наконечников стрел и разнообразных бифасов,

встречены многочисленные резцы (рис. 5-36, 37, 38), режущие орудия (рис. 5-34), разнообразные скребки (рис. 4-19–21; 5-4–6), скребла (рис. 4-17, 18), скобели (рис. 3-7). Достаточно много сколов подновления шлифованных изделий (рис. 3-8). Упадок призматической техники, ранее констатированный нами в НТП-1 [8], теперь прослежен и в ярком поселенческом индустриальном комплексе. Его нельзя связывать с появлением шлифованных орудий, так как в неолитических слоях они встречены, но индустрия осталась микролитической. По-видимому, в деградации пластин основную роль сыграли появившиеся в это время медные орудия.

Характерна и керамика, найденная в заполнении жилища. Здесь встречены развалы двух тонкостенных сосудов, характерных для большемысской культуры формой. Это хорошо профилированное туловище, со слегка отогнутым венчиком и реповидное днище (рис. 7-1, 2). Сосуды украшены горизонтальными рядами отпечатков гребенчатой качалки, а по венчику один из них украшен отпечатками гребенчатого штампа, образующего две зигзаговые линии (рис. 7-1). Фрагменты еще от четырех сосудов украшены отпечатками гребенчатой качалки. Керамика рассматриваемого комплекса находит ближайшие аналоги в материалах памятников большемысской культуры предгорной и лесостепной зон Алтая [9, рис. 1; 10, рис. 1]. Подобный большемысский комплекс встречен и на поселении Тыткескеню 2 [11, рис. 2, 3].

Большим своеобразием отличаются три каменных предмета большемысского комплекса: «скульптура» (рис. 6-2), утюжок-«гладилка» (рис. 6-1) и обломок каменного браслета (рис. 6-3). Изделие из плитки кремнистого сланца названо нами «скульптурой» из-за того, что ему трудно подобрать подходящее наименование. Оно представляет из себя тщательно обработанный оббивкой предмет с тремя оформленными выпуклостями, которым древний мастер пытался придать округлую форму. Назначение «скульптуры» совершенно непонятно, ясно только то, что этот предмет не функционален. То есть: он не является ни оружием, ни орудием труда. Как рукоять «скульптуру» рассматривать нет смысла. Остается не выясненным также, законченное это изделие или обломок более крупного.

Утюжок-«гладилка». Подобные изделия довольно часто встречаются в археологических памятниках Западной Сибири. Особенно часто они встречаются в памятниках Самусьской культуры. В Томском Приобье известны такие гладилки с антропоморфными или фаллическими изображениями [12, с. 23, рис. 23]. Подобные изделия найдены и на Алтае. Одно из них из с. Зеркалы Шипуновского района обработано крупными сколами, а снизу и сверху пришлифовано, а второе из коллекции Н. С. Гуляева зашлифовано по всей поверхности. До сих пор не решен окончательно вопрос о происхождении этих предметов. В этой связи хотелось бы отметить, что в Монголии подобные изделия используются до настоящего времени для разглаживания швов на кожаной одежде.

Третье изделие трактовано нами как браслет (рис. 6-3). Оно представлено обломком концевой зауживающейся части. Браслет выполнен методом пикетажа и дальнейшей шлифовкой, напоминающей обработку утяжелителей составных рыболовных крючков из погребения в НТП-1. Возможная реконструкция изделия представлена на рис. 6-4.

Культурный слой эпохи бронзы. Прослежива-

ется очень слабо. Находок этого времени, а в основном это керамика, встречено меньше всего. Залегали они равномерно, в целом на 0,2–0,3 м выше большемысского слоя (рис. 7–4–6; рис. 8–5, 6; рис. 10–13). Часть керамики этого времени была найдена при исследовании скифских курганов южной группы могильника Тьткескенъ 6 (рис. 8–1–4, 7, 9, 14–15). Однако эти курганы были сооружены на площади поселения и поэтому мы полагаем, что керамика, найденная при раскопках слоя эпохи бронзы поселения Тьткескенъ 6 и курганов, составляет единый комплекс. В последние годы на многослойных памятниках Средней Катунь встречены материалы относящиеся к широкому хронологическому диапазону от энеолита до поздней бронзы. Стратиграфически выделяются только слои энеолита и, соответственно, находки этого времени. Материалы эпохи бронзы, как правило, залегают в одном слое или стратиграфически никак не разделены [4; 13; 14]. По аналогии с материалами лесостепного и предгорного Алтая выделяется керамика ранней, развитой и поздней бронзы [14]. То же самое можно сказать и о керамике с Тьткескеня 6. Здесь выделяются фрагменты ранней бронзы (рис. 7–6, 7; р и с. 8–1–3–5, 7), развитой (рис. 7–4; рис. 8–2, 6, 8, 10, 12–15) и поздней бронзы (рис. 8–9, 11). Один из фрагментов относится к эпохе поздней бронзы с тремя валиками (рис. 8–9). В количественном отношении преобладают материалы развитой бронзы. Видимо, после исследования однослойных памятников различных периодов бронзового века можно будет окончательно разработать хронологическую шкалу памятников и материалов эпохи бронзы для Горного Алтая.

Культурный слой раннего железного века (северный вариант пазырыкской культуры) более представительен, чем предыдущий. Все находки встречены в верхней части почвенного горизонта. Не исключено, что часть керамики связана с поминальной обрядностью населения, оставившего многочисленные курганы могильника Тьткескенъ 6. К сожалению, пока достоверно связать сакральную и бытовую пазырыкскую керамику мы не можем, так как ее различия очень сильны. Керамика курганов представлена преимущественно кувшинками, а в культурном слое встречены слабопрофилированные горшки (рис. 9–3) и крупные баночные сосуды (рис. 9–1, 2, 6, 7, 9). Орнаментация представлена ямками (рис. 9–1, 3, 6), ямками в сочетании с отпечатками гребчатого (рис. 9–2, 7) и гладкого штампа (рис. 9–5), насечками (рис. 9–8, 10), отгисками двузубого штампа (рис. 9–9), налепным рассеченным валиком (рис. 9–11) и прореченными линиями (рис. 9–12). Единично встречаются отгиски по срезу венчика (рис. 9–10). Найдено также пряслице, выточенное из стенки сосуда (рис. 9–13). Аналогичная керамика найдена на многослойном поселении Тьткескенъ 3 (см. статью А. Л. Кунгурова в настоящем сборнике), расположенном напротив Тьткескеня 6 чуть выше по его течению, и в верхних культурных слоях поселения Тьткескенъ 2. Довольно разнообразная орнаментация затрудняет более узкую датировку, чем вторая половина I тыс. до н. э.

Остается непонятным, почему в культурных комплексах поселений Тьткескенъ 3 и 6 отсутствуют афанасьевские находки, хотя они известны из НТП–1. Возможно, сыграла роль какая-то специализация афанасьевского хозяйства, сделавшая невыводным освоение столь удобных для жизни площадок на катунских террасах в устье р. Тьткескенъ.

Таким образом, подводя итоги, следует отметить, что поселение Тьткескенъ 6 является уникальным

памятником Горного Алтая и его дальнейшие исследования позволят ответить на многие вопросы, волнующие сегодня специалистов по древней истории Сибири. Это и проблемы относительной и абсолютной хронологии, культурная принадлежность и происхождение культур, переходные эпохи и многие другие. Уже эти, по сути дела, разведочные раскопки показали, что район Средней Катунь является уникальной территорией, требующей к себе пристального внимания и тщательного полевого и камерального изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кирюшин Ю. Ф. Скифские памятники Средней Катунь //Скифо-сибирский мир: Социальная структура и общественные отношения. Кемерово, 1989. С. 53–63.
2. Кирюшин Ю. Ф. Археологические работы на Средней Катунь //Катунский проект: Проблемы экспертизы. Материалы к общественной научной конференции 13–15 апреля 1990 г. Новосибирск, 1990. С. 170–172.
3. Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А., Мамадаков Ю. Т. Некоторые результаты археологических исследований памятника Тьткескенъ 6 на Средней Катунь// Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 125–130; 222–226.
4. Кирюшин Ю. Ф., Кирюшин К. Ю., Кунгурова Н. Ю. Хронологические комплексы поселения Тьткескенъ 2//Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 23–28.
5. Кирюшин К. Ю. Ранний комплекс поселения Тьткескенъ 2//Проблемы археологии и этнографии Сибири. Т. 1. Красноярск, 1991. С. 67–66.
6. Кунгурова Н. Ю. Древнее поселение в устье Куюма// Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1991. С. 3–22.
7. Кунгуров А. Л., Удодов В. С. Микролитические памятники Кулунды//Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 4–9.
8. Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л., Степанова Н. Ф. Погребение из Нижнетьткескенской пещеры 1//Палеозология и расселение древнего человека в Средней Азии и Америке. Красноярск, 1992. С. 282–286.
9. Кирюшин Ю. Ф. Исследование энеолитических памятников лесостепного Алтая//Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 35–39.
10. Кирюшин Ю. Ф., Шамшин А. Б. Итоги археологического изучения памятников энеолита и бронзового века лесостепного и степного Алтая//Алтайский сборник. Вып. XV. Барнаул, 1992. С. 194–222.
11. Кирюшин Ю. Ф., Кирюшин К. Ю. Большемысский комплекс поселения Тьткескенъ 2//Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 25–30.
12. Матюшенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Ч. 2. Самусьская культура// Из истории Сибири. Вып. 10. Томск, 1973. 208 с.
13. Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л. Находки ранней бронзы со Средней Катунь//Охрана и исследование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 67–69.
14. Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л., Долинин Е. В., Кирюшин К. Ю. К вопросу о бронзовом веке Средней Катунь//Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск, 1992. С. 39–40.

Таблица 1

**Типо-лист составных элементов индустрии культурного слоя раннего неолита
поселения Тьгткескень 6**

№ п/п	Наименование типов изделий	Кол-во	%	№ рисунка	№ иллюстрац.
Техника расщепления					
1.	Отщепы крупные	31	3,1		
2.	средние	98	10,2		
3.	мелкие	318	33,2		
4.	Чешуйки	53	5,5		
5.	Оббитые гальки и желваки	7	0,7		
6.	Обломки галек и желваков	7	0,7		
7.	Нуклеусы призматич.	2	0,2	2	3
8.	конусовидные	2	0,2	2	5
9.	уплощенно-призматич.	3	0,3		
10.	клиновидные	3	0,3	2	4
11.	атипично-призматич.	5	0,5		
12.	подпризматические	1	0,1		
13.	Снятие ударных площадок	5	0,5		
14.	Снятие фронта скалывания	3	0,3		
15.	Реберчатые сколы крупные	7	0,7		
16.	средние	17	1,8		
17.	мелкие	15	1,6		
18.	Пластинчатые отщепы круп.	20	2,1	2	7,8
19.	средние	44	4,6		
20.	мелкие	10	1,0		
21.	Пластины крупные	29	3,0	2	6, 10, 11
22.	средние	92	9,6	2	12-18
23.	мелкие	113	11,8	2	21-31
Орудийный набор					
24.	Бифасы	2	0,2	1	2
25.	Скребки крупные "полувальные"	3	0,3		
26.	концевые на пластине	2	0,2	1	8,9
27.	на пласт. отщепе	4	0,4	1	12
28.	концевые на отщепе	4	0,4		
29.	с ретулью по перим.	2	0,2	1	11

Таблица 1

**Типо-лист составных элементов индустрии культурного слоя раннего неолита
поселения Тыткескень 6**

№ п/п	Наименование типов изделий	Кол-во	%	№ рисунка	№ иллюстрац.
30.	бок. на пласт. отщепе	3	0,3	1	10
31.	сегментовидные	1	0,1	1	7
32.	случайных форм	3	0,3	1	6
33.	Скобели зубчатые	1	0,1		
34.	зубчато-выемчатые	6	0,6		
35.	выемчатые	1	0,1		
36.	фигурные	9	0,9		
37.	Острия	3	0,3		
38.	Долотовидное орудие	1	1,1	1	3
39.	Наконечники стрел	5	0,5		
40.	Резцы боковые	5	0,5	1	5
41.	срединные	3	0,3	1	4
42.	Отщепы с ретушью	14	1,5		
	ИТОГО:	957	100,0		

Таблица 2

**Техника фрагментации и обработки пластин ранненеолитического культурного
слоя поселения Тыткескень 6**

N п/п	Наименование типов изделий	Крупные пластины		Средние пластины		Мелкие пластины		Итого	
		кол.	%	кол.	%	кол.	%	кол.	%
Фрагментация пластин									
1.	Целые пластины	18	7,7	25	10,7	19	8,1	62	26,5
2.	Дистальные фр-ты	3	1,3	11	4,7	17	7,3	31	13,2
3.	Проксимальн. фр-ты	6	2,6	23	9,8	21	8,9	50	21,4
4.	Сечения	2	0,9	23	9,8	7	2,9	62	26,5
5.	Усеченные пласт.	-	-	10	4,3	49	21,0	59	25,2
Обработка пластины									
1.	Пластины, ретушированные по 2 краям с дорсала	1	0,4	5	2,1	1	0,4	7	2,9
2.	по 1 краю с дорсала	4	1,7	4	1,7	4	1,7	12	5,1
3.	по 1 краю с вентрат	1	0,4	4	1,7	5	2,1	10	4,5

Таблица 2

Техника фрагментации и обработки пластин раннеолитического культурного слоя поселения Тыткескень 6

N n/p	Наименование типов изделий	Крупные пластины		Средние пластины		Мелкие пластины		Итого	
		кол.	%	кол.	%	кол.	%	кол.	%
4.	по 2 краям с вентр.	-	-	1	0,4	2	0,8	3	1,3
5.	с боковым резцовым сколом	1	0,4	4	1,7	2	0,8	7	2,9
6.	Резчики	-	-	-	-	3	1,3	3	1,3
7.	Пластины с 1 краем ретушир. двусторон.	1	0,4	2	0,8	1	0,4	4	1,7
8.	2 края ретушировано с вентрала и притуплен торец	-	-	1	0,4	3	1,3	4	1,7
9.	2 края с вентрала и диагональн. резцовой скол	-	-	1	0,4	-	-	1	0,4
10.	Пластины с выемкой	2	0,8	1	1,4	-	-	3	1,3
11.	Пластины с 2 выемками и скребковымлезвием на торце	1	0,4	-	-	-	-	1	0,4
12.	Пластины с ретушью по 1 краю с вентрала и скребковым лезвием на торце	1	0,4	-	-	-	-	1	0,4
13.	1 край обработан с вентрала, 1 с борсала	-	-	-	-	3	1,3	3	1,3
14.	Пластины с притупленной "спинкой"	-	-	-	-	1	0,4	1	0,4

Таблица 3

**Типо-лист составных элементов индустрии культурного слоя
большемысской культуры поселения Тыткескень 6**

№ n/ п	Наименование типов изделий	Кол.	%	№ рис.	№ илл.
Техника расщепления					
1.	Отщепы крупные	19	0,9		
2.	средние	114	5,6		
3.	мелкие	921	45,3		
4.	Осколки крупные	5	0,2		

№ n/ п	Наименование типов изделий	Кол.	%	№ рис.	№ илл.
5.	средние	20	0,9		
6.	мелкие	56	2,8		
7.	Чешуйки	548	27,0		
8.	Обломки галек и желваков крупные	6	0,3		
9.	Гальки со сколами крупные	2	0,1		

Таблица 3

Типо-лист составных элементов индустрии културного слоя белгородской культуры поселения Тыльковский 6

№ п/п	Наименование типов изделий	Кол.	%	№ рис.	№ илл.
10.	Отщипаны первичные крупные	11	0,5		
11.	средние	7	0,34		
12.	мелкие	14	0,7		
13.	Реберчатые обломки крупные	7	0,34		
14.	средние	2	0,1		
15.	мелкие	7	0,34		
16.	Снятия ударных площадок	2	0,1		
17.	Снятия фронна скалывания	3	0,35		
18.	Пластинчатые отщипы крупные	15	0,73	5	24, 25, 30
19.	средние	23	1,3	5	26-29
20.	мелкие	32	1,6		
21.	Пластинны крупные	8	0,39	5	20-22
22.	средние	14	0,7	5	7, 8, 16-19
23.	мелкие	27	1,3	5	9-15
24.	Нуклеусы коническоидные	2	0,1	5	2-3
25.	подразмагические	1	0,05	5	1
26.	Нуклеидные изделия	3	0,15		
27.	Нуклеидные обломки	2	0,1		
Орудийный набор					
28.	Отщипы с ретушью крупные	14	0,7	2	1, 2
29.	средние	30	1,47		
30.	мелкие	14	0,7		
31.	Скребец	4	0,19	4	17, 18
32.	Скребец конический на пластине	2	0,1	4	19
33.	конический на пласт. отщипе	3	0,15	2,5	3, 5
34.	"полуовальные"	3	0,15	5	4

№ п/п	Наименование типов изделий	Кол.	%	№ рис.	№ илл.
35.	всеробраные	2	0,1	4	20
36.	с ретушью по периметру	1	0,05	4	21
37.	концевые на отщипе	1	0,05		
38.	двойной концевой на отщипе	1	0,05		
39.	случайных форм	6	0,29		
40.	Скобели зубчатые	6	0,29		
41.	высечные	4	0,19		
42.	зубчато-высечные	5	0,2		
43.	фигурные	3	0,15	3	7
44.	Резцы средние	6	0,29		
45.	угловые	2	0,1	5	32, 33, 38
46.	боковые	4	0,19	5	35, 36, 37
47.	Резчики	1	0,05	5	23
48.	Острия	2	0,1	3	6
49.	Сланцевое круглое скребло	1	0,05		
50.	Бифас: обломки конуса	2	0,1	4	16
51.	скобели	2	0,1	3	1
52.	шпалы	5	0,2		
53.	обломки изделий	4	0,19	3	2, 4
54.	долово	1	0,05	3	3
55.	микродолово	3	0,15		
56.	Низко-чешки стрел	29	1,4	4	1-15
57.	Сколы с микрофасками орудий	10	0,49	3	8
	ИТОГО:	2031	100%		

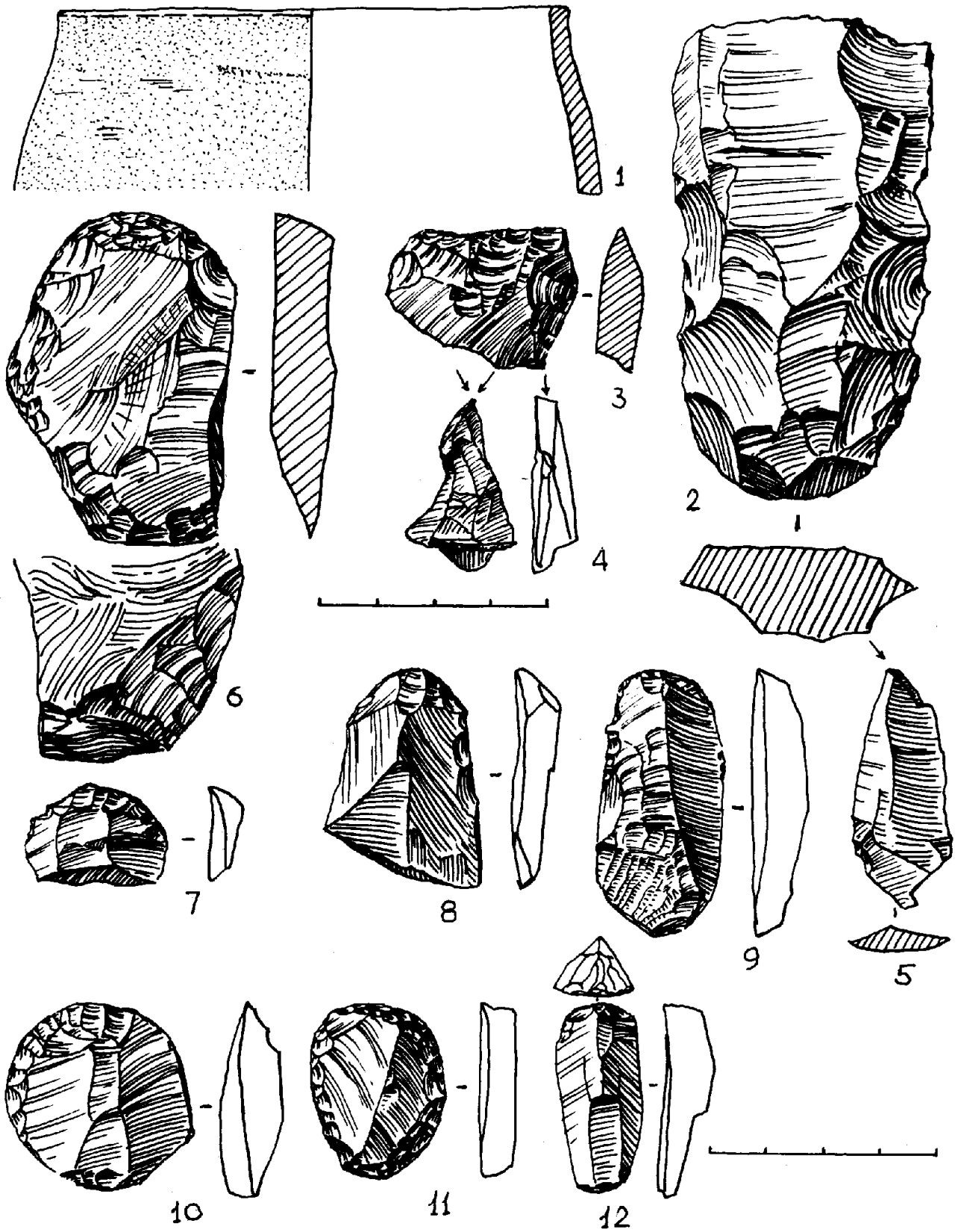

Рис. 1. Раннеолитические находки с поселения Тыткескен' 6

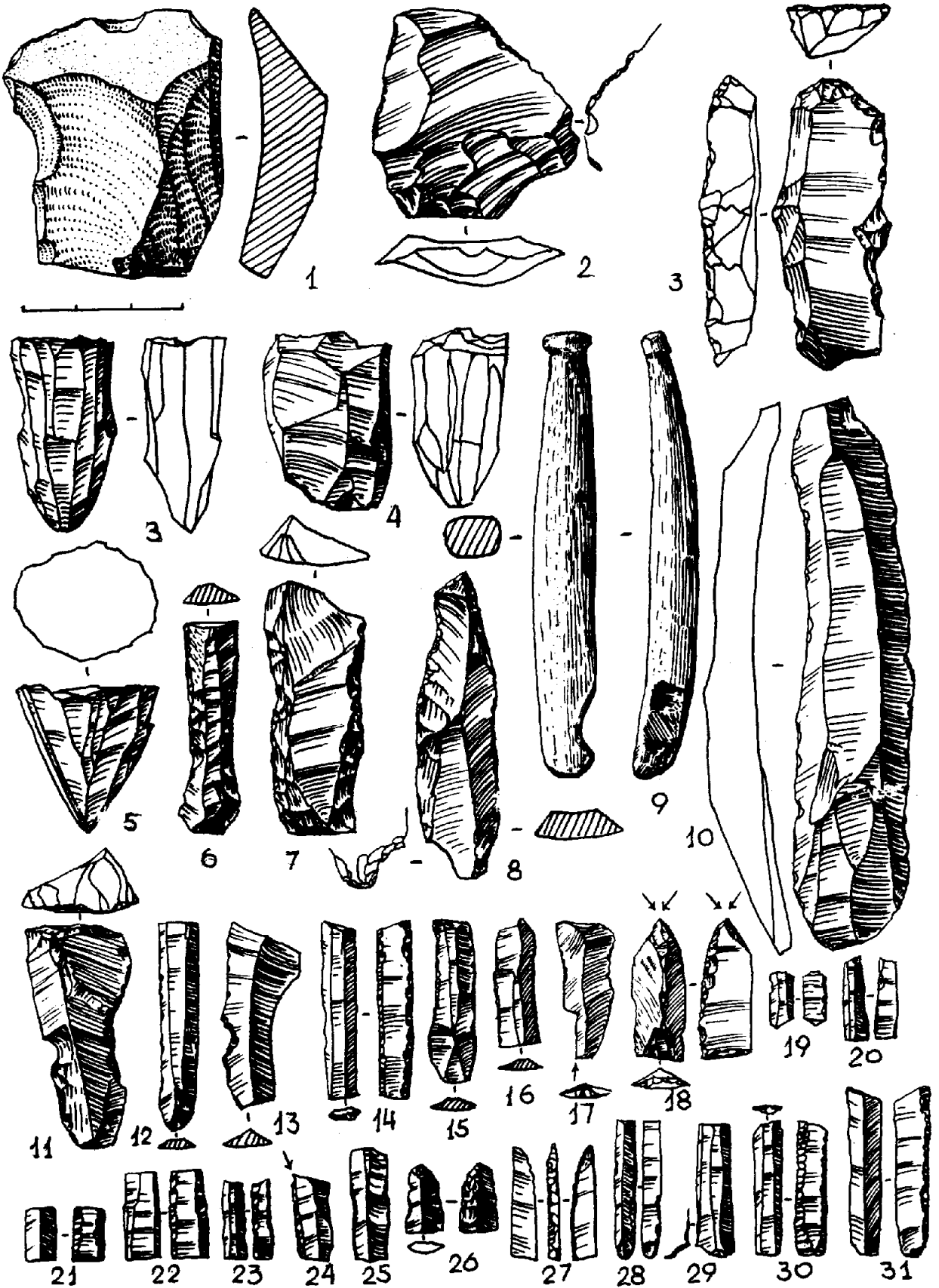

Рис. 2. Большемысские (1-3) и раннеолитические находки с поселения Тыткескень 6

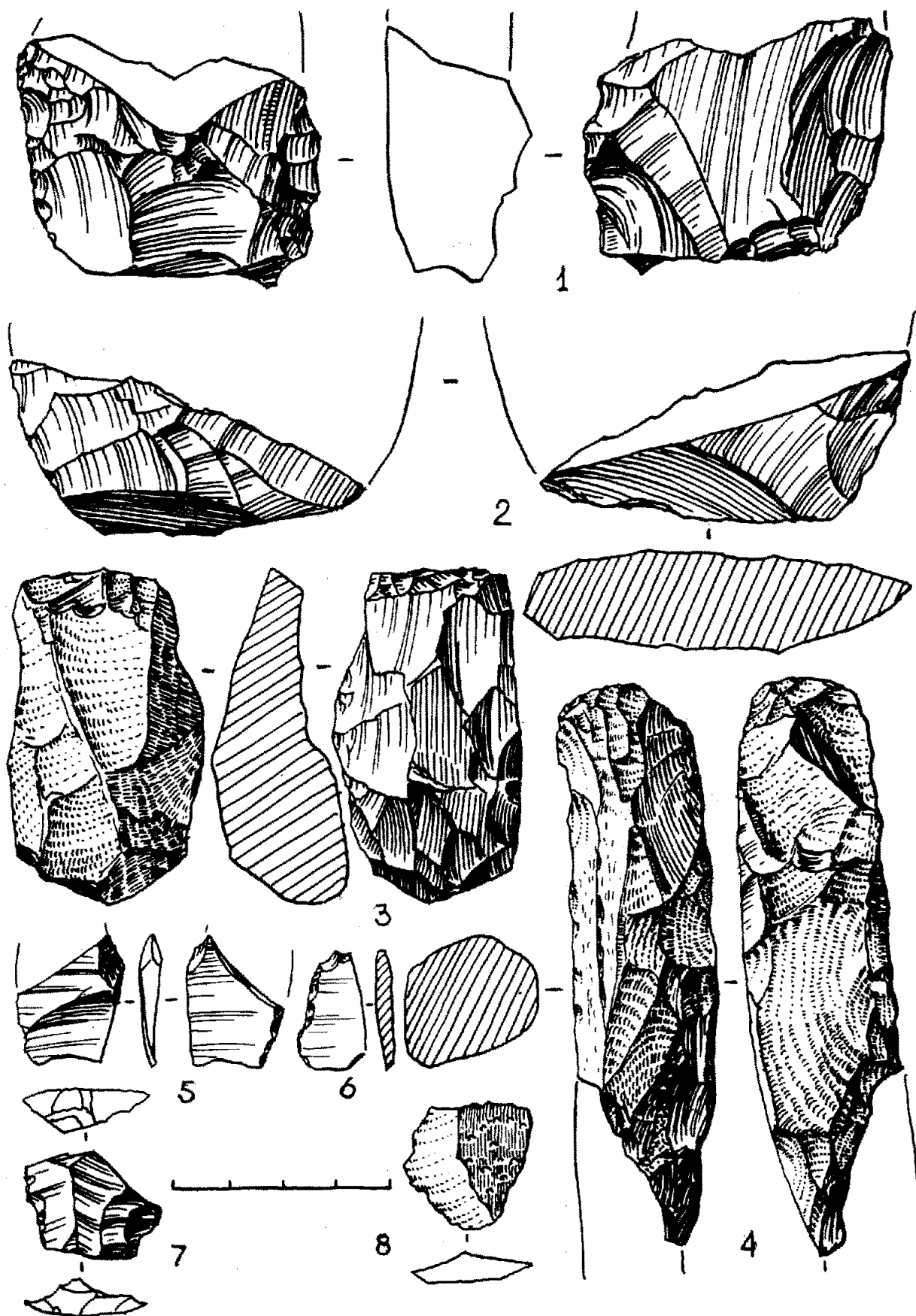

Рис. 3. Каменные орудия большемысской культуры с поселения Тыткескень 6

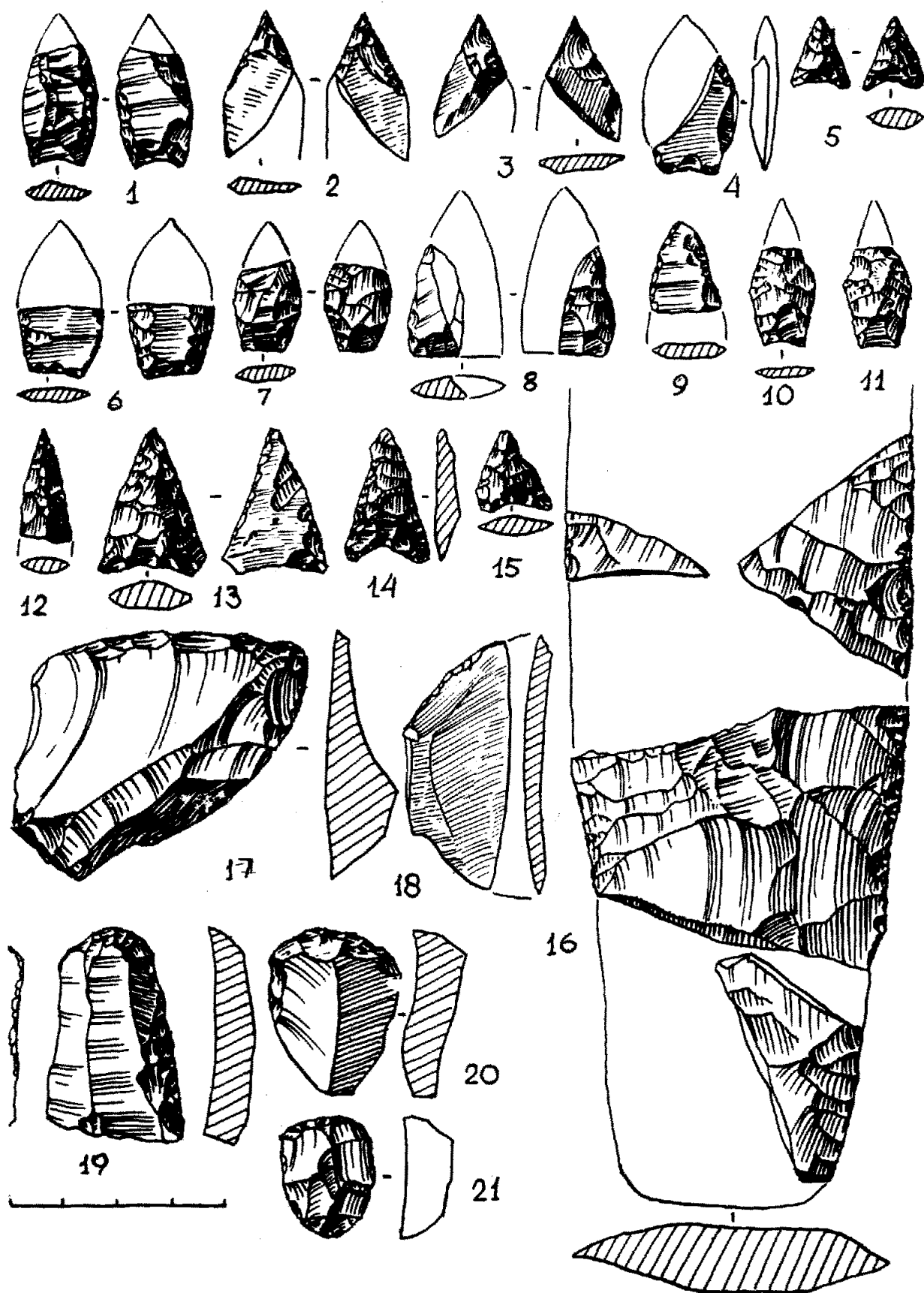

Рис. 4. Каменные орудия большемысской культуры с поселения Тыгкескень 6

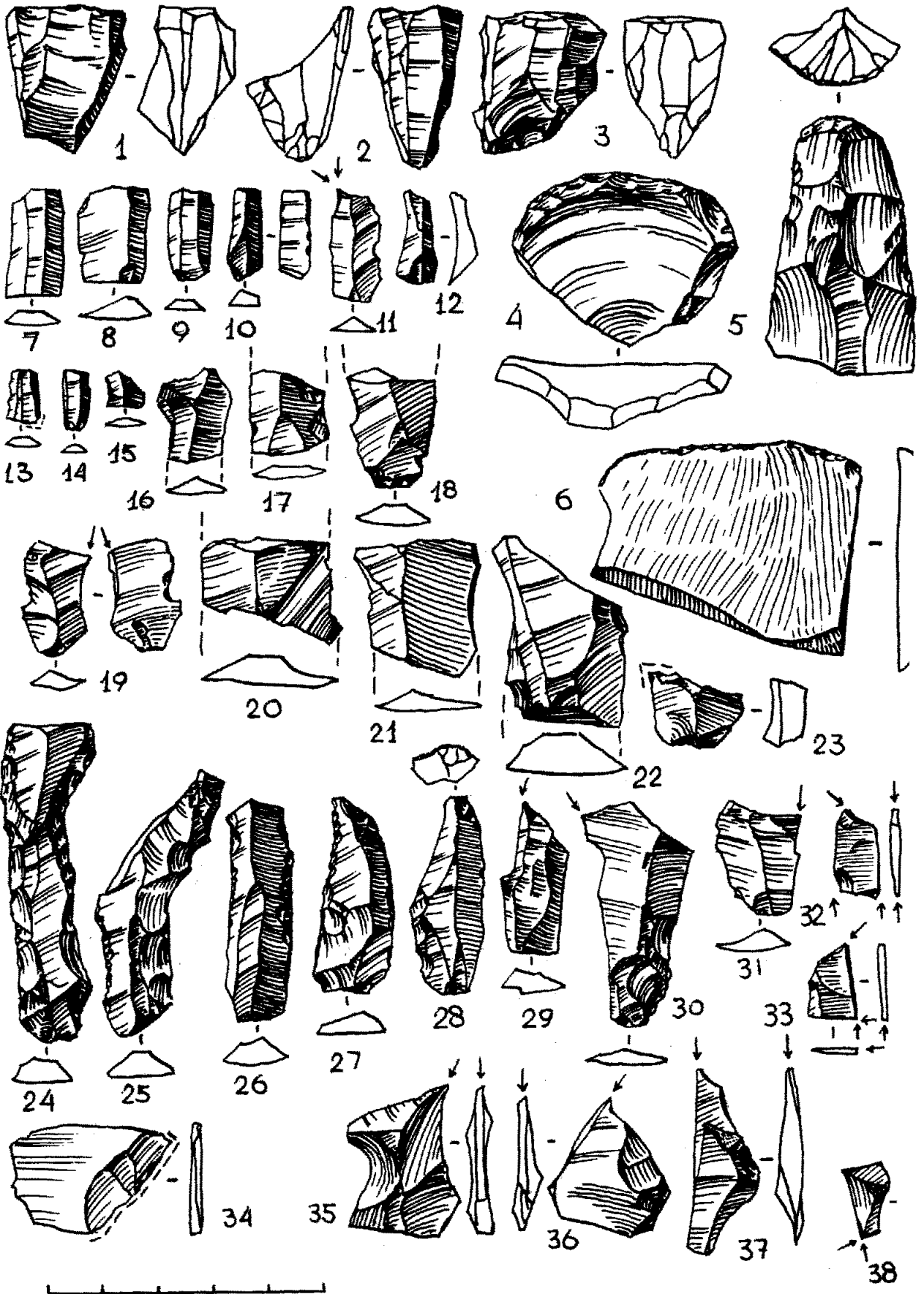

Рис. 5. Каменные орудия большемысской культуры с поселения Тьткескень 6

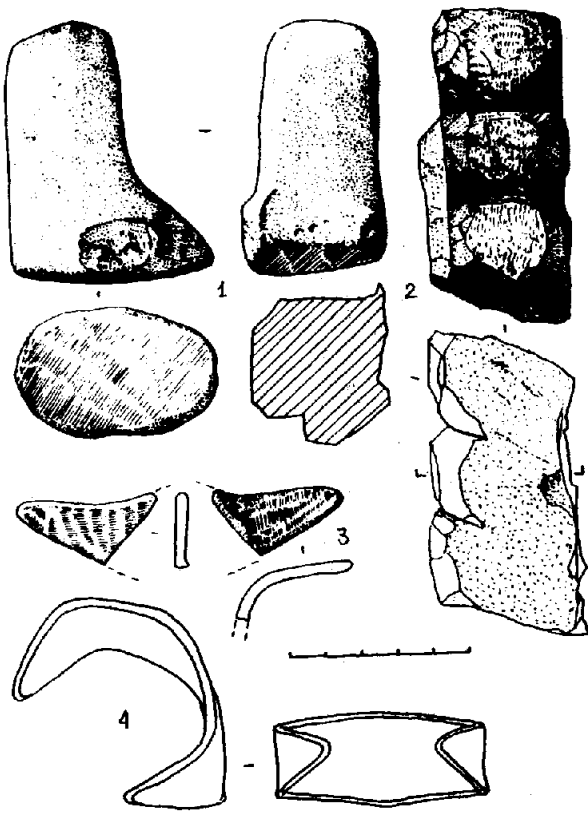

Рис. 6. Каменные изделия большемысской культуры с поселения Тыткескень 6.
4 - возможная реконструкция каменного браслета

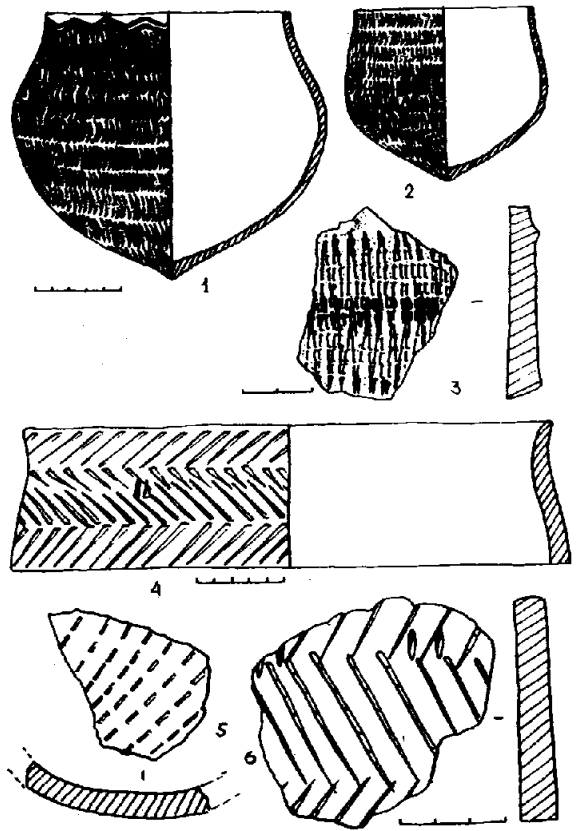

Рис. 7. Керамика большемысской культуры (1-3) и эпохи бронзы с поселения Тыткескень 6

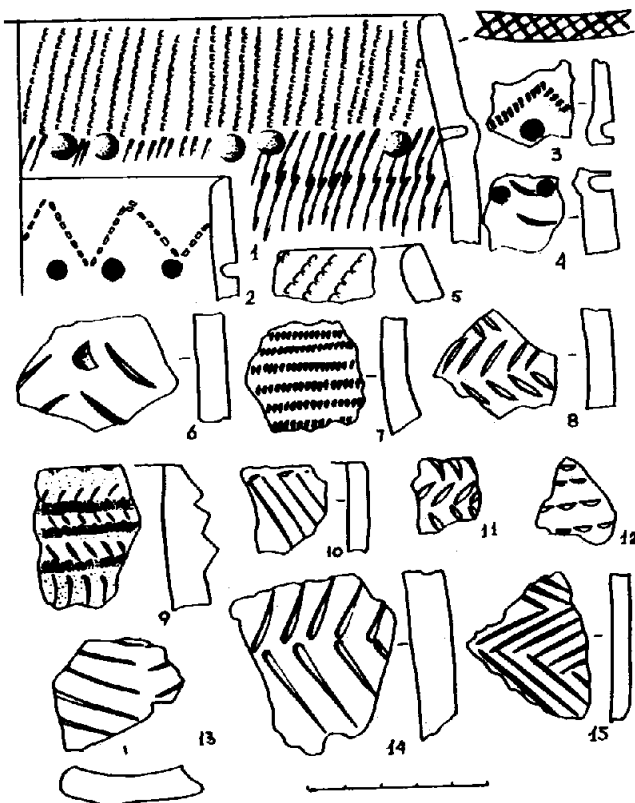

Рис. 8. Керамика эпохи бронзы с поселения Тыткескень 6

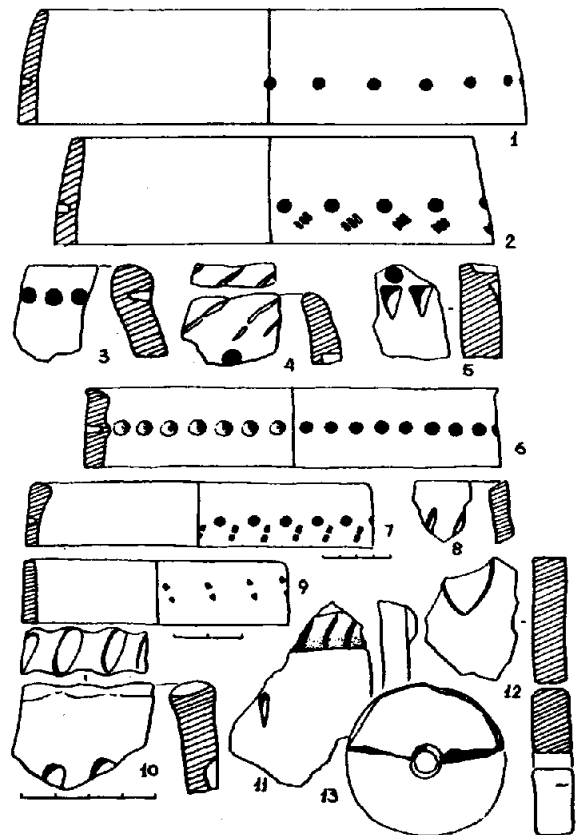

Рис. 9. Керамика и пряслице раннего железного века с поселения Тыткескень 6

А. А. Тишкин

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СКИФСКОЙ ЭПОХИ ГОРНОГО АЛТАЯ

История археологического исследования Горного Алтая насчитывает уже многие десятилетия. Однако вопросы происхождения, становления и развития скифской культуры в этом регионе остаются до сих пор дискуссионными. Не решены эти проблемы современной скифологией и в объеме культурных границ существования древних народов Евразии этого времени, хотя такое изучение проводилось как на отдельном научно-исследовательском уровне (этнолингвистическом, археологическом, антропологическом, искусствоведческом, интерпретации данных письменных источников и др.), так и в их различной совокупности [23]. Стоит заметить, что многие поставленные вопросы этой общей темы зачастую решались и развивались преимущественно в рамках Восточной Европы, а затем уже использовались при изучении других регионов. Такой подход имел свои положительные и отрицательные стороны, что являлось, на наш взгляд, объективно неизбежным в процессе развития научной мысли.

В журнале «Российская археология» при содействии созданного в 1990 г. при Институте археологии РАН координационного совета по проблеме «Скифосибирский мир: археологический феномен и историческое явление», в последние годы развернулась широкая дискуссия по вопросам хронологии раннескифской культуры, так как с накоплением нового материала, наметилась тенденция к удревнению наиболее ранних памятников скифского типа, но пока не установлены твердые критерии для определения абсолютных дат при решении этой проблемы, хотя существуют научно обоснованные концепции относительной хронологии скифской культуры на территории Восточной Европы [21, 19, 24, 25, 28, 36 и др.]. Для Горного Алтая подобный уровень обобщений будет возможен лишь тогда, когда появится достаточное количество необходимого археологического материала. Перспективными в этом плане являются широкомасштабные исследования на Средней Катунь, где уже сейчас известно и изучено большое количество разновременных памятников скифской эпохи. При введении в научный оборот этих полученных при раскопках и обследованиях материалов необходимо иметь более или менее четкое представление о сложении и развитии культурно-хронологических концепций решения проблемы формирования и существования скифской эпохи в Горном Алтае, чтобы избежать непродуманных предположений, определений и датировок особенно при одностороннем представлении имеющихся археологических данных. Для этого необходимо рассмотреть эволюцию научных идей, гипотез, обоснований, открытий и доказательств по интересующим нас вопросам в теоретико-практическом плане.

В исторической науке период между VII и III вв. до н. э. принято называть «скифским», а время, соответствующее началу железного века (с конца IX—начала VIII вв. до н. э. по VII в. до н. э.) «предскифским». Часто археологи выделяют переходный период от бронзового века к железному, определяя его в рамках VIII—первая половина VII вв. до н. э. [31, с. 5–7]. Однако ряд исследова-

телей (А. А. Иессен, М. П. Грязнов, Г. И. Смирнова и др. не выделяли предскифский период, а предлагали начинать скифскую эпоху с VIII в. до н. э., т. е. со времени распространения ранних кочевнических комплексов [31, 12, 1 и др.]. В связи с этим широко используется понятие раннескифское время, рассматриваемое раньше пределах VII–VI вв. до н. э., сейчас — в рамках VII–VI и XI–VI вв. до н. э. [20, 22, 17, 30, 34 и др.] и отражаем начальные этапы формирования скифской культуры.

На сегодняшний день существует ряд культурно-хронологических концепций решения проблемы формирования и развития скифской эпохи, предтечей которых было разделение в 1918 г. А. А. Спицыным данной истории на три этапа: старшескифский (вторая половина VII–VI вв. до н. э.), среднескифский (конец V–IV вв. до н. э.) и позднескифский (VI—первая половина III вв. до н. э.) [31, с. 49]. Такое же принципиальное деление в 1939 г. предложил М. П. Грязнов, определив археологические памятники скифской эпохи Горного Алтая в три основные группы, соответствующие следующим этапам исторического развития: маймирский (VII–V вв. до н. э.), пазырыкский (V–III вв. до н. э.) шибинский (II в. до н. э.—I в. н. э.) [6]. В 1947 г. исследователь детально обосновал вышепредложенную схему [7], а в последующее время несколько ее изменил. Так, в 1956 г., отметив сходство и различие большеберченских памятников на Верхней Оби и маймирских на Алтае М. П. Грязнов сузил датировку маймирского этапа VI вв. до н. э. [8, с. 71], а после раскопок кургана Аржы в Туве им была пересмотрена дата памятника «начального этапа скифской культуры» на территории Евразии [9]. Этот период времени на Алтае, названный в 1978 г. особым (куртуским) этапом (VIII–VII вв. до н. э.), являлся предшествующим маймирскому и синхронным аржанскому типу памятников в Туве [9, с. 17]. Рассмотренная выше схема, несмотря на некоторую условность и искусственность, имела большое значение при изучении скифской эпохи Горного Алтая и используется некоторыми исследователями до сих пор.

Следующим значительным шагом в развитии проблемы периодизации скифской эпохи стала статья М. П. Грязнова [11, с. 3–18], где период с IX по VII вв. до н. э. обозначен аржано-черногорской фазой сложения скифо-сибирских культур и дана подробная характеристика проявления общих черт в памятниках различных исторических областей евразийского пояса степей. Отмечая то, что Горный Алтай, несомненно переживал начальную фазу развития культуры скифо-сибирских племен и имел определенное своеобразие данный период времени, все же археологические материалы, по мнению ученого, еще были совершенно недостаточны и фрагментарны для полного обоснования такого этапа [11, с. 9].

Кроме М. П. Грязнова, вопросами терминологии и периодизации интересующей нас эпохи в свое время занимались и другие исследователи. Так, С. В. Кисел выделял две стадии «скифообразной» маймирской культуры — раннюю (VII–VI вв. до н. э.) и позднюю (V–IV вв. до н. э.), а период с III по I вв. до н. э. он называл уже гунно-сарматским временем, включая сю-

пазырьскую эпоху Алтая [14; 15; 16, с. 288–392]. С. И. Руденко «скифским временем» называл период с VII по IV вв. до н. э. без разделения на этапы [26, с. 164], а С. И. Вайнштейн, определяя археологические памятники Тувы, назвал период до V в. до н. э. «доскифским временем» [5, с. 25] и т. д.

В последнее десятилетие учеными предложено еще несколько культурно-хронологических концепций рассмотрения и осмысления накопившегося археологического материала. Хотя практически все они остаются в рамках разработок М. П. Грязнова, все же есть новые обоснованные уточнения и предложения, особенно при рассмотрении начального этапа скифской культуры, так как от решения этой проблемы зависит понимание дальнейшего развития древнего общества на Алтае. В 1985 г. Л. С. Марсадолов, разбил по времени возникновения памятники Горного Алтая на два больших культурно-хронологических этапа. Один из них (майэмйрский) он предлагал датировать VIII–VII вв. до н. э., возможно, первой четвертью VI вв. до н. э., а другой этап (пазырьский) условно ограничить VI–IV вв. до н. э. [20, с. 10–11, 15]. При этом в майэмйрский период он включил две группы памятников («скорченники» и «вытянутые»), занимавшие разные районы Алтая. Свои выводы исследователь делает на основе комплексного подхода при датировании материалов раскопанных курганов Алтая, для чего использованы данные археологии, дендрохронологии и радиоуглеродного анализа. Это позволило найти хронологические «опорные точки» (абсолютные даты), хронологические «индикаторы» (псалли, удила, пряжки) и выявить близкие группы памятников [20]. Кроме этого, предложено синхронизировать с известными историческими датами и событиями изменения в формировании и развитии выделенных культурно-хронологических этапов: завершение майэмйрского и начало пазырьского этапа связано с разгромом Ассирии мидийцами (около 585 г. до н. э.), затем на протяжении двух столетий заметное влияние оказывала усиливавшаяся держава иранских Ахеменидов, конец же пазырьского этапа совпадает с походами А. Македонского в Малую и Среднюю Азию, что повлекло большие перемещения племен и народов (330–320 гг. до н. э.). В 1986 г. Н. А. Боковенко начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая рассматривал (по материалам конского снаряжения) в рамках VIII–VII вв. до н. э., возможно, IX–VII вв. до н. э., так как формирование «скифских форм узды» относится к IX–началу VIII вв. до н. э. [3, с. 18], а при выделении пяти вариантов погребального обряда всадников определенных территориально-хронологических рамок раннескифское время он определяет IX–VI вв. до н. э. [4, с. 47]. Появление даты IX в. до н. э. в хронологических периодах скифской эпохи связано с публикацией С. С. Сорокиным материалов могильника Курту 2 [29, с. 43–47], а затем со статьей Ф. Х. Арслановой [2, с. 46–60] и работой по проблемам датирования сакской культуры [1, с. 50]. Предлагаемая столь ранняя дата начала скифской эпохи принимается не всеми исследователями и требует более четких обоснований от авторов данной гипотезы.

На конференции «Скифская эпоха Алтая», посвященной 100-летию со дня рождения С. И. Руденко, Н. Ф. Степанова, выделяя «особый тип погребений в каменных ящиках», называет его «куюмским», датирует раннескифским периодом (VIII–VI вв. до н. э.) и отмечает отличие от памятников пазырьского типа [30, с. 79–81]. Тогда же П. И. Шульга привел основания

для рассматривания пазырьской культуры как единой (VI–II вв. до н. э.) для скотоводческой зоны Горного Алтая и включающей в себя несколько типов погребений [37, с. 20–23].

Наиболее развернутую схему в 1986 г. предложил В. А. Могильников при рассмотрении памятников раннескифского времени Горного Алтая [22, с. 35–67]. Он разделил их на два этапа (куртуский — VIII–VII вв. до н. э. и майэмйрский — VII–VI вв. до н. э.) в рамках особой майэмйрской культуры, используя термин С. В. Киселева [14, с. 157–172], но несколько в другой интерпретации, и отметил ее распространение в двух локальных районах: северном (усть-куюмский) и южном (куртуско-катонский). На основе усть-куюмского локального варианта, по мнению исследователя, формируется население кара-кобинской культуры V–III до н. э., а пазырьская культура с конца VI в. до н. э. представляет сложное образование в результате взаимодействия местного населения и племен, пришедших из степей Казахстана [22, с. 53]. Предложенная В. А. Могильниковым схема этнокультурного развития племен Горного Алтая в раннем железном веке на основе обнаруженного в то время материала, на наш взгляд, выглядела в общем гипотетичной и в некотором плане искусственной, но не лишенной логичности, и имела принципиально новый подход к решению культурно-хронологической проблемы формирования и развития скифской эпохи, определив тем самым задачи и направления дальнейших исследований как практических, так и теоретических. Периодизацию В. А. Могильникова в целом поддержал А. С. Суразаков [33], существенно дополнив ее фактическим материалом и обозначив круг археологических источников формирования ранних и последующих этапов скифской культуры.

В 1991 г. Д. Г. Савинов, рассматривая возможность синхронизации письменных и археологических дат в изучении культуры Южной Сибири скифо-сарматского времени, представил схему последовательно сменяющихся археологических культур Горного Алтая [27, табл. 1]. Появление первых памятников скифского типа на Алтае (майэмйрская культура; Курту) связано с 770 г. до н. э., когда заканчивает существование государство Западное Чжоу, павшее под давлением кочевых племен из Центральной Азии, отмечается закат культуры херексурсов в Монголии и каменнолоужского этапа карасукской культуры в Минусинской котловине. Первый (башадарский) этап пазырьской культуры синхронен созданию Ахеменидской империи (550 г. до н. э.), второй этап связан с усилением этой державы. 20-е годы IV в. до н. э. — это завоевания А. Македонского в Средней Азии — в Горном Алтае, по мнению Д. Г. Савинова, это шибинский этап пазырьской культуры и появление кара-кобинской культуры. Стоит заметить, что все это время рассматривается доминирующей западной линией синхронизации, лишь с 201 г. до н. э. (северный поход Маодуя) она меняется на восточную [27, с. 93–94]. Отмеченные Д. Г. Савиновым, Л. С. Марсадоловым и ранее некоторыми другими исследователями возможности определения событий, являющихся источниками трансформации культуры населения Горного Алтая в скифскую эпоху, представляются нам важными при рассмотрении и интерпретации археологического материала, особенно это касается стадий переходных этапов от одной культуры к другой.

В 1992 г. на конференции «Проблема сохранения, использования и изучения памятников археологии» (г. Горно-Алтайск) Ю. Ф. Кирушиным,

М. Т. Абдулганеевым, С. В. Неверовым, при подведении некоторых итогов работы Алтайского госуниверситета на Средней Катуні, к майэмирскому этапу (VIII–VI вв. до н. э.) отнесены памятники Элекмонар 2, Бийке, Бойтыгем 2 (куюмский тип), а Кайнду, Верх-Еланда 2, Тьткескен 1, 6 — к пазырыкскому (VI–IV вв. до н. э.) [13]. Тогда же В. А. Кочеев, называя ряд вновь открытых и изученных памятников раннескифского времени Горного Алтая в бассейне среднего течения Катуні, определил их в «достаточно обособленную группу памятников, характерную именно для этого региона», а погребения в каменных ящиках (усть-куюмский тип) разделил на две группы: 1 — погребения в ящиках с сопроводительным захоронением коней; 2 — погребения в ящиках без коней, отметив, что более детальная хронологическая разбивка возможна с накоплением большого фактического материала [17, с. 51]. Действительно, массовые раскопки раннескифских памятников на Средней Катуні позволяют исследователям в ближайшее время вплотную заняться более подробной и конкретной разработкой вопросов культурно-хронологического порядка.

Вышедший в 1992 г. очередной том серии «Археология СССР», названный «Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время», отводит обозначенной в нашей статье проблеме большое место. Так, по типам вещей и деталям погребального обряда, памятники Горного Алтая М. П. Грязновым разделены на четыре последовательных хронологических этапа: куртуский (VIII–VII вв. до н. э.) выделен по небольшой пока серии небогатых могил, случайно найденным орудиям и по так называемым оленним камням; майэмирский (VII–VI вв. до н. э.), представлен несколькими курганами и случайными находками уздечных комплексов характерного типа; пазырыкский (V–III вв. до н. э.), хорошо известен по малым курганам и по серии царских могил в Пазырыке, Тузкте и Башадаре; шибинский (II в. до н. э. — I в. н. э.), также представлен разными курганами [32, с. 163]. Подобная периодизация, даже учитывая сроки подготовки тома, явно запоздала по своему схематическому решению культурно-хронологической проблемы эпохи. Однако весьма актуальны здесь примечания о том, что М. П. Грязнов понимал искусственность деления особенно двух первых этапов, не отражающих реальных исторических событий, и то, что выделение начальной фазы культуры ранних кочевников носит в его последних работах гипотетичный характер [32, с. 164]. Исходя из того, что трудно пока четко отделить майэмирский этап от куртуского, а с накоплением материала сама характеристика майэмирского этапа изменится, как изменится и, вероятно, его название, потому что памятник, давший это название (Майэмир) включен в предшествующий этап, то авторы тома предлагают ранний этап обозначить куртуско-майэмирским в рамках VIII–VI вв. до н. э. [32, с. 164–166], что, на наш взгляд, вообще не является решением проблемы даже в рамках простой характеристики культуры, а наоборот, приводит к новым искусственным терминам и условностям, в которых как раз и теряется тенденция установления хронологической последовательности, а может быть и культурной преемственности исследованных археологических памятников. Таким образом, представленный раздел, посвященный Горному Алтаю, больше важен как свод накопленного к тому времени конкретного материала, а не как отражение определенных современных теоретических разработок и положений.

Опубликованное в 1993 г. сообщение Т. В. Чугунова о вопросах датировки больших Пазырыкских курганов [35, с. 167–169] с привлечением материалов зарубежных исследователей по этой проблеме возвращает нас к старой теме и заставляет вновь посмотреть на прежние исследования с другой позиции, а это влечет за собой целую серию изменений хронологического и культурного порядка, что может сформировать несколько отличную от предыдущих решений концепцию в результате «омоложения» больших курганов Алтая, а затем и Аржана.

Подводя итог анализу некоторых аспектов культурно-хронологического решения проблемы изучения скифской эпохи Горного Алтая, необходимо отметить то, что существование большого количества точек зрения на одни и те же проблемы связано, прежде всего, с отсутствием достаточного количества информации о результатах раскопок и более конкретной теоретической базы для интерпретации имеющегося материала. Поэтому необходимо в ближайшие годы провести совещание или научную конференцию, посвященную этим проблемам и издать сборник статей по данной теме.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Акишев К. А., Акишев А. К. Проблемы хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1979.
2. Арсланова Ф. Х. Погребальный комплекс VIII–VII вв. до н. э. из Восточного Казахстана // В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С. 46–60.
3. Боковенко Н. А. Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая (по материалам конского снаряжения) // Автореф. дисс... канд. ист. наук. Л., 1986. 24 с.
4. Боковенко Н. А. Некоторые особенности формирования погребального обряда ранних кочевников Саяно-Алтая и Казахстана // Скифская эпоха Алтая: Тезисы докладов к конференции. Барнаул, 1986. С. 46–48.
5. Вайнштейн С. И. Тува в эпоху первобытнообщинного строя // История Тувы. Т. 1. М., 1964.
6. Грязнов М. П. Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана // История СССР с древнейших времен до образования Древнерусского государства. Мокет. Ч. II. Л., 1939.
7. Грязнов М. П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. Вып. 18. М.–Л., 1947.
8. Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. № 48. М.–Л., 1956.
9. Грязнов М. П. К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан // КСИА. № 154. М., 1978. С. 9–18.
10. Грязнов М. П. Аржан — царский курган раннескифского времени. М., 1980.
11. Грязнов М. П. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1983. С. 3–18.
12. Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР // СА. Вып. XVIII. 1953.
13. Кирушин Ю. Ф., Абдулганеев М. Т., Неверов С. В. Аварийные раскопки на Средней Катуні // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии: Материалы конференции. Горно-Алтайск, 1992. С. 26–27.

14. Киселев С. В. Алтай в скифское время (майэмирская культура) //ВДИ. № 2. 1947. С. 157–172.
15. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири// МИА. № 9. М., 1949.
16. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 642 с.
17. Кочеев В. А. Раннескифские памятники Средней Катунь//Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии: Материалы конференции. Горно-Алтайск, 1992. С. 51.
18. Кубарев В. Д. Олений камень с р. Катунь//Охрана и изучение культурного наследия Алтая: Тезисы. Ч. 1. Барнаул, 1993. С. 146–149.
19. Мансфельд Г. Опыт периодизации скифских древностей//Российская археология. № 3. 1992. С. 108–112.
20. Марсадолов Л. С. Хронология курганов Алтая (VIII–IV вв. до н. э.)//Автореф. дисс... канд. ист. наук. Л., 1985. 16 с.
21. Медведская И. Н. Периодизация скифской архаики и Древний Восток//Российская археология. № 3. 1992. С. 86–107.
22. Могильников В. А. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке//Материалы по археологии Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1986. С. 35–67.
23. Погребова М. Н., Раевский Д. С. Ранние скифы и Древний Восток: К истории становления скифской культуры. М., 1992. 260 с.
24. Погребова М. Н. О принципах датировки скифской архаики//Российская археология. № 2. 1993. С. 84–97.
25. Раевский Д. С. О логике построения раннескифской хронологии//РА. № 2. 1993. С. 79–84.
26. Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л., 1960. 359 с.
27. Савинов Д. Г. Возможности синхронизации письменных и археологических дат в изучении культуры Южной Сибири скифо-сарматского времени// Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тезисы докладов к всесоюзной научной конференции. Барнаул, 1991. С. 93–96.
28. Смирнова Г. И. Памятники Среднего Поднепровья в хронологической схеме раннескифской культуры// РА. № 2. 1993. С. 104–118.
29. Сорокин С. С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы//АСГЭ. Вып. 8. Л., 1966.
30. Степанова Н. Ф. Куломский тип памятников VIII–VI вв. до н. э.//Скифская эпоха Алтая: Тезисы докладов к конференции. Барнаул, 1986. С. 79–81.
31. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. 464 с.
32. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. 493 с.
33. Суразаков А. С. Об этногенезе населения Горного Алтая рубежа эпохи бронзы и скифского времени// Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири: Тезисы докладов и сообщений к научной конференции. Барнаул, 1988. С. 168–171.
34. Суразаков А. С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа: Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск, 1989. 215 с.
35. Чугунов К. В. Датировка Больших Пазырьских курганов — новый виток старой дискуссии//Охрана и изучение культурного наследия Алтая: Тезисы. Ч. 1. Барнаул, 1993. С. 167–169.
36. Шер Я. А. О статье И. Н. Медведской «Периодизация скифской архаики и древний Восток»//РА. № 2. 1993. С. 98–100.
37. Шульга П. И. К вопросу о культуре скотоводов Горного Алтая в VI–II вв. до н. э.//Скифская эпоха Алтая: Тезисы докладов к конференции. Барнаул, 1986. С. 20–23.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В.Н. Владимиров, Н.Ф. Степанова</i> ИССЛЕДОВАНИЕ АФАНАСЬЕВСКОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА МЕТОДОМ АВТОМАТИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ.....	3
<i>Л.Н. Смердина, А.Р. Ким, Г.А. Кошкин</i> МЕЗИОЦИСТАЛЬНЫЕ РАЗМЕРЫ ЗУБОВ У БАЧАТСКИХ ТЕЛЕУТОВ (краниологический материал)	8
<i>Н.Ф. Степанова, С.В. Неверов</i> КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК ВЕРХ-ЕЛАНДА II.....	11
<i>М.Т. Абдулганеев, О.В. Ларин</i> АФАНАСЬЕВСКИЕ ПАМЯТНИКИ БОЙТЫГЕМА.....	24
<i>М.Т. Абдулганеев</i> МАЙЭМИРСКИЕ КУРГАНЫ БОЙТЫГЕМА	37
<i>А.Л. Кунгуров</i> ВЕРХНИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СЛОИ ПОСЕЛЕНИЯ ТЫТКЕСКЕНЬ 3	43
<i>Ю.Т. Мамадаков</i> РИТУАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ БУЛАН-КОВИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ.....	58
<i>Е.М. Берс, Ю.С. Худяков</i> ПОГРЕБЕНИЕ У с. БИЧИКТУ-БОМ	63
<i>А.С. Суразаков</i> ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ПАЗЫРЫНКЦЕВ.....	71
<i>А.П. Бородовский</i> ИССЛЕДОВАНИЕ ОДНОГО ИЗ ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ НА СРЕДНЕЙ КАТУНИ.....	75
<i>Г.В. Кубарев</i> ДРЕВНЕТЮРКСКИЙ КЕНОТАФ ИЗ БИКЕ 3	82
<i>О.В. Ларин, А.С. Суразаков</i> РАСКОПКИ МОГИЛЬНИКА ЧОБА 7.....	86
<i>Ю.С. Худяков, С.Г. Скобелев, Е.Б. Долговесова</i> ПЕТРОГЛИФЫ БУЗУРГАШ	91
<i>В.П. Мыльников, Тэцу Масумото</i> ПОГРЕБЕНИЕ АЛТАЙЦА-ТЕЛЕНГИТА НА СРЕДНЕЙ КАТУНИ.....	93
<i>В.П. Семибратов</i> ФИНАЛЬНОМЕЗОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЯ ТЫТКЕСКЕНЬ 3	97
<i>Ю.Ф. Кирюшин, А.Л. Кунгуров</i> МНОГОСЛОЙНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ТЫТКЕСКЕНЬ 6 НА КАТУНИ	111
<i>А.А. Тишкин</i> НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СКИФСКОЙ ЭПОХИ ГОРНОГО АЛТАЯ.....	124

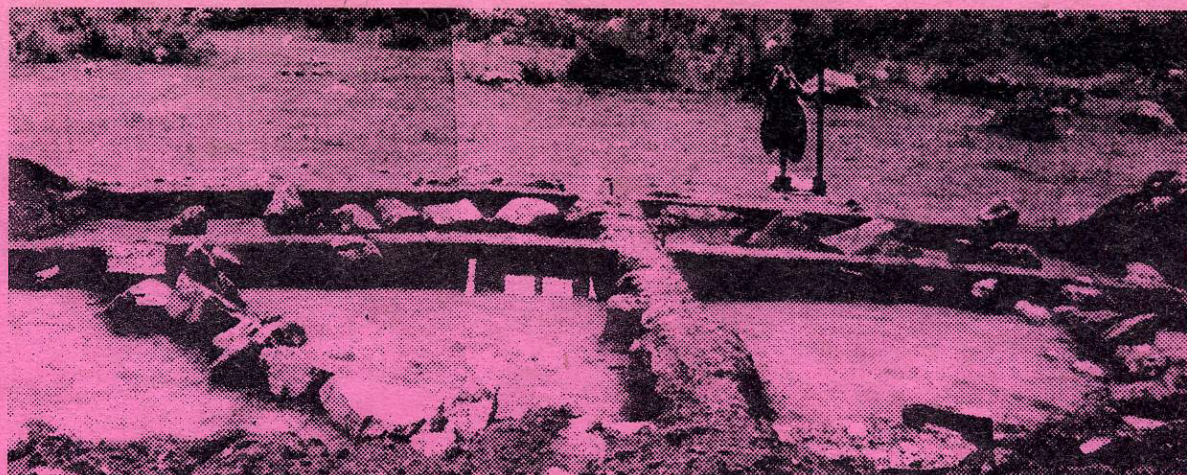
АРХЕОЛОГИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ

Сборник научных статей

Редактор В. Соколов
Тех. редактор Л. Зеленцова
Корректор Н. Тырьшкина

Подписано в печать 10.01.95. Формат 60x84/8. Бумага для множительных аппаратов. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 14,88. Тираж 300 экз. Заказ 010.

Издательство Алтайского государственного университета: 656099, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66.

АРХЕОЛОГИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ

Сборник научных статей

В статьях настоящего сборника подводятся итоги изучения археологических памятников Алтая. Хронологический диапазон рассматриваемых проблем широк: от позднего мезолита до средневековья. В научный оборот вводятся новые оригинальные материалы по афанасьевской и скифской культурам, гунно-сарматскому периоду и тюркской эпохе. На конкретном археологическом материале анализируются вопросы культурогенеза, хронологии, искусства, торевтики, военного дела и хозяйства древнейших обитателей региона. Сборник рассчитан на специалистов историков, археологов, искусствоведов, преподавателей истории, краеведов и студентов.

